

У И Л К И

КОЛЛИНЗ

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Уильям Уилки Коллинз

Лунный камень

«Издательство АСТ»

1868

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Коллинз У.

Лунный камень / У. Коллинз — «Издательство АСТ»,
1868 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-146494-3

Лунный камень – огромный желтый алмаз, – некогда украшавший чело бога Луны в одном из священных индийских храмов, подарен на восемнадцатилетие Рэчел Вериндер. Но в ту же ночь камень был украден. Для расследования приглашен лучший сыщик Англии – сержант Кафф. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-146494-3

© Коллинз У., 1868
© Издательство АСТ, 1868

Содержание

Предисловие к первому изданию (1868 год)	6
Предисловие к исправленному изданию (1871 год)	7
Пролог	8
I	9
II	10
III	11
IV	13
Первый период. Пропажа алмаза (1848 год)	14
Глава I	15
Глава II	17
Глава III	20
Глава IV	24
Глава V	29
Глава VI	34
Глава VII	40
Глава VIII	43
Глава IX	49
Глава X	53
Глава XI	60
Глава XII	71
Глава XIII	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Уилки Коллинз

Лунный камень

© Школа перевода В. Баканова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие к первому изданию (1868 год)

Некоторые из моих прежних романов задавались целью проследить, как обстоятельства повлияют на персонажа. В настоящем романе я разворачиваю процесс в обратную сторону. В нем предпринята попытка проследить, как поведение персонажа влияет на обстоятельства. Реакция юной девушки на непредвиденную ситуацию – вот тот базис, на котором я выстроил роман.

Такую же цель преследует описание поступков других героев, появляющихся на этих страницах. Их мысли и действия применительно к окружающим обстоятельствам иногда правильны, а иногда ошибочны (как скорее всего случилось бы и в реальной жизни). Так или иначе, их поведение в любом случае в равной мере направляет развитие тех частей сюжета, в которых они участвуют.

Тем же самым принципом я руководствовался в описании физиологического опыта, занимающего важное место в заключительных сценах «Лунного камня». Установив, – не только лишь по книгам, но и у живых знатоков – какими могли бы быть результаты подобного опыта на практике, я отказался от привилегии романиста делать свободные допущения и вместо этого так построил сюжет, чтобы он естественным образом вырос из событий, которые могли бы иметь место в действительности, что, спешу заверить моих читателей, и происходит на этих страницах.

Что касается Лунного камня, должен признать, что некоторые важные подробности почерпнуты из истории двух принадлежащих королевским дворам Европы бриллиантов. Величественный камень, украшающий Российский имперский скипетр, был некогда глазом индийского идола. Знаменитый «Кохинор» тоже, говорят, считался в Индии священным. Более того, он был предметом пророчества, предрекавшего несчастье всякому, кто воспользуется им вопреки его древнему предназначению.

*Глостер-Плейс, Портман-сквер
30 июня 1868 года*

Предисловие к исправленному изданию (1871 год)

Обстоятельства, в которых создавался «Лунный камень», на взгляд автора придали этой книге необычный характер.

Мой труд еще публиковался частями в периодической печати Англии и Соединенных Штатов, как вдруг после выхода более чем одной трети меня одновременно постигли страшное горе и тяжелейшая болезнь, хуже которой мне не приходилось испытывать. В то время, как моя мать лежала при смерти в маленьком сельском коттедже, меня свалил и связал по рукам и ногам мучительный приступ ревматической подагры. Под гнетом двойных невзгод мне приходилось еще и помнить о своем долге перед публикой. Мои верные читатели в Англии и Америке, которых я никогда не подводил, ждали очередных еженедельных порций романа. Я продолжал работу и ради себя, и ради них. В промежутках, когда ослабевала скорбь и отступали боли, я надиктовал с постели ту часть «Лунного камня», что больше всего позабавила публику – «Историю мисс Клак». Я не буду здесь говорить о том, какой физической жертвы стоили мне эти усилия. Оглядываясь назад, я вижу лишь блаженное облегчение, которое эти (вынужденные) занятия приносили моему уму. Искусство, которое всю мою жизнь было для меня предметом гордости и удовольствия, еще больше стало «безмерно великой наградой самой по себе»¹. Я сомневаюсь, что написал бы хоть еще одну книгу, если бы ответственность за еженедельную публикацию этого романа не заставила меня собрать в кулак тающие силы тела и разума, осушить бесполезные слезы и превозмочь жестокие боли.

Завершив роман, я ждал, как его примет публика, с такой пылкой тревогой, какую ни до, ни после ни разу не испытывал за судьбу своих сочинений. В случае провала «Лунного камня» я бы испытал горчайшую обиду. Оказалось, что роман мгновенно и повсеместно получил хороший прием в Англии, Америке и континентальной Европе. Ни одна работа прежде не вызывала у меня столь глубокой благодарности читателям всех стран. Мои герои повсюду нашли своих поклонников, мой сюжет повсюду возбудил интерес. Публика благосклонно отнеслась к моим недостаткам и стократно воздала за мой тяжкий труд в темный период болезни и скорби.

Замечу напоследок, что настоящее издание улучшено благодаря внесенным мной тщательным поправкам. Я сделал все возможное, чтобы книга оставалась достойной одобрения читателей.

¹ Часть цитаты из эссе Уильяма Хэзлитта «Картины в Берли-хауз», на русский язык не переводилось.

Пролог

Штурм Серингатама (1799 год). Из семейного архива

I

Эти написанные в Индии строки я адресую своим родственникам в Англии.

Предмет моего письма состоит в том, чтобы объяснить причину, побудившую меня отказаться пожать руку, протянутую в знак примирения моим кузеном Джоном Гернкастлем. Молчание, которое я до сих пор хранил, было неправильно истолковано членами моего семейства, чьи добрые намерения я не смею отрицать. Я призываю их не спешить с выводами и прежде дочитать мой рассказ до конца. Клянусь честью, то, что я сейчас пишу, есть абсолютная, достоверная правда.

Скрытый разлад между мной и кузенком возник во время известного события, в котором мы оба принимали участие, – штурм Серингапатама под предводительством генерала Бэрда 4 мая 1799 года.

Для удобства понимания я должен на время вернуться к периоду осады и ходившим в нашем лагере слухам о сокровищах – драгоценных камнях и золоте, хранившихся в Серингапатамском дворце.

II

Один из самых причудливых слухов был связан с «Желтым алмазом», легендарным драгоценным камнем, о котором говорилось в местных индийских хрониках.

Наиболее древние предания сообщали о камне, вставленном в лоб четырехрукого индийского бога Луны. Отчасти из-за его необычного цвета, отчасти из-за суеверий о влиянии на него божества, украшением которого он был, и перемены степени его блеска в зависимости от фаз луны, алмаз приобрел название, под которым известен в Индии до наших дней, – Лунный камень. Похожий предрассудок, как я слышал, существовал в Древней Греции и Древнем Риме. Он относился однако не к алмазу, служащему (как в Индии) для поклонения божеству, но к менее ценным, полупрозрачным самоцветам, якобы тоже испытывающим влияние луны, из-за чего коллекционеры до сих пор называют их лунными камнями.

Приключения «Желтого алмаза» начались в одиннадцатом веке от Рождества Христова.

В это время завоеватель-магометанин Махмуд Газни вторгся в Индию, захватил священный город Сомнатх и разграбил сокровища знаменитого, простоявшего многие века храма, места паломничества индусов и одного из чудес Востока.

Среди всех божеств храма лишь бог Луны избежал алчности завоевателей-магометан. Под охраной трех браминов божество с «Желтым алмазом» во лбу было нетронутым перенесено в другой священный город Индии – Бенарес.

Бога Луны поместили и стали ему поклоняться в новом святилище – зале, инкрустированном драгоценными камнями, с кровлей на золотых столбах. Когда сооружение храма подошло к концу, трем браминам во сне явился Вишну-Охранитель.

Божество дохнуло Святым Духом на алмаз во лбу идола. Брамины пали ниц, закрыв лица одеждами. Бог приказал трем жрецам отныне и до скончания поколений день и ночь поочередно сторожить Лунный камень. Брамины вняли приказу и подчинились воле божества. Вишну предрек: того самонадеянного смертного, кто осмелится завладеть священным камнем, а с ним – весь его дом и наследников, постигнет неотвратимое бедствие. Жрецы начертали пророчество золотыми буквами на воротах храма.

Шли века, сменялись поколения, а преемники трех браминов по-прежнему день и ночь охраняли бесценный Лунный камень. Одна эпоха сменяла другую, пока в первые годы восемнадцатого века по христианскому календарю не наступило правление императора Моголов Аурангзеба. По его приказу на храмы поклонения Бrame вновь обрушились разорения и грабежи. Святилище четырехрукого бога осквернила пролитая кровь священнх животных, идола были разбиты на куски, а Лунный камень забрал себе один из военачальников Аурангзеба.

Не в силах вернуть утраченное сокровище в открытом бою, три жреца-охранника тайно пошли по его следу. Народилось новое поколение. Совершивший святотатство воин умер жуткой смертью. Лунный камень (и наложенное на него проклятье) переходил от одного безбожника-магометанина к другому, но несмотря на все превратности и перемены, потомки трех жрецов продолжали следить за судьбой камня, ожидая того дня, когда воля Вишну-Охранителя вернет священную реликвию в их руки. Наступили последние годы христианского восемнадцатого века. Камень достался султану Серингапатама, Типпу, который украсил им рукоять своего кинжала и приказал хранить его вместе с другими сокровищами в оружейной палате. Но и тогда, во дворце самого султана, жрецы-сторожа несли тайную вахту. Ко двору Типпу прибились три воина офицерского звания, с которыми никто не был знаком, они завоевали доверие властелина истинным или притворным принятием мусульманской веры. Именно на них предание указывает как на трех тайных жрецов.

III

Такова причудливая история Лунного камня, гулявшая по нашему лагерю. Она не произвела серьезного впечатления ни на кого, кроме моего кузена, чья любовь к мистике заставила его поверить в нее. Вечером накануне штурма Серингапатама он ребячески рассердился на меня и других за то, что все мы отнеслись к этой истории как к сказке. Последовала вздорная перебранка, Гернкастль не смог обуздать свою достойную сожаления горячность и хвастливо заявил, что алмаз будет красоваться у него на пальце, если только британская армия займет Серингапатам. Реплика была встречена раскатами хохота, и на том, как мы посчитали в тот вечер, все и закончилось.

Вернемся теперь ко дню штурма. В самом его начале мы с кузеном разлучились. Я не видел Гернкастля, пока мы переходили вброд реку, водружали британский флаг на первом рубеже, переправлялись через ров, с боями по дюйму продвигались вперед и входили в город. Полная победа была одержана лишь к сумеркам, так что мы с кузеном встретились только после того, как генерал Бэрд лично обнаружил труп Типпу, погребенный под телами павших воинов.

Нас обоих придали отряду, отправленному по приказу генерала покончить с грабежами и неразберихой, последовавшими за нашей победой. Лагерные прилипали совершали отвратительные бесчинства. Хуже того – солдаты проникли через охраняемую дверь в дворцовую сокровищницу и набили карманы золотом и драгоценными камнями. Я и кузен встретились во дворе сокровищницы, где нам предстояло восстановить дисциплину среди наших же солдат. Жуткое побоище, через которое мы прошли, довело, как я сразу же заметил, и без того вспыльчивый норов Гернкастля до полного иступления. На мой взгляд он был совершенно негоден для выполнения поставленной задачи.

В сокровищнице царили дебош и неразбериха, но без явных признаков насилия. Люди (если они заслуживали этого названия) от души предавались бесчестью, перекидывались грубыми шутками и подначками. Внезапно кто-то из озорства упомянул историю об алмазе. «Кто найдет Лунный камень?» – прокатился боевой клич. Стоило грабежу прекратиться в одном месте, как он вспыхивал в другом. Тщетно пытаясь восстановить порядок, я услышал крик ужаса на другом конце двора и немедленно побежал туда, опасаясь увидеть новую вспышку мародерства.

Приблизившись к открытой двери, я увидел двух мертвых индусов (судя по одежам, офицеров дворцовой стражи), лежащих поперек входа.

Из помещения, похоже, оружейной палаты, вырвался крик, заставивший меня поспешить внутрь. Третий индус, получив смертельную рану, падал к ногам стоящего ко мне спиной человека. Он тотчас обернулся, и я узнал Джона Гернкастля. В одной руке мой кузен держал факел, в другой – кинжал, с которого капала кровь. Когда он обернулся, камень на конце рукояти кинжала, напоминая яблоко меча, сверкнул в свете факела, как огненная вспышка. Умиравший индус рухнул на колени, указал на кинжал в руках Гернкастля и на своем родном языке произнес: «Лунный камень еще отомстит тебе и твоему роду!» И с этими словами замертво упал на пол.

Прежде чем я успел вмешаться, в палату вошли прибежавшие со двора солдаты. Кузен как одержимый бросился им навстречу. «Очистите помещение! – крикнул он мне. – Выставьте у входа часовых!» Солдаты отшатнулись, когда он подскочил к ним с зажженным факелом и кинжалом. Я выставил двух часовых от своей роты, на которых мог положиться. Ни вечером, ни ночью я кузена больше не видел.

Грабеж продолжался до раннего утра, и генерал Бэрд под барабанный бой во всеуслышание заявил, что повесит любого пойманного с поличным вора, не разбирая чинов. Присутствие

начальника военной полиции свидетельствовало, что генерал не шутит. В толпе, обсуждавшей заявление, я снова наткнулся на Гернкастля.

Он как ни в чем не бывало протянул мне руку и сказал: «Доброе утро».

Я не сразу ответил на рукопожатие.

– Сначала расскажите, – попросил я, – как индус в оружейной палате нашел свою смерть и что означали его последние слова, когда он указал на кинжал в вашей руке?

– Индус нашел свою смерть, как я полагаю, от смертельной раны, – ответил Гернкастль. –

А о том, что значат его последние слова, я знаю не больше вашего.

– И это все, что вы можете мне сказать? – спросил я.

– Это все, – ответил он.

Я повернулся и вышел. С тех пор мы больше не разговаривали.

IV

Прошу понять: то, что я здесь пишу о кузене, предназначено исключительно для членов семьи (если только не возникнет необходимость обнародования этих сведений). Гернкастль не сказал ничего такого, чтобы доносить его слова командиру. Его потом не раз дразнили по поводу алмаза те, кто запомнил его вспышку гнева накануне штурма, но, как нетрудно вообразить, он и сам помнит, при каких обстоятельствах я застал его в оружейной палате, а потому помалкивает. Говорят, он даже попросил о переводе в другой полк, лишь бы находиться подальше от меня.

Правда это или нет, я не берусь его обвинять, и на то есть весома причина. Предъяви я обвинение публично, я бы не смог выдвинуть иных доводов кроме нравственных. У меня нет доказательств, что именно он убил индусов – не только двоих у входа, но даже третьего в палате, ибо не могу утверждать, что наблюдал происходящее собственными глазами. Да, я слышал слова умирающего стражника, но, если допустить, что он произнес их в предсмертном бреду, как я смогу это опровергнуть? Пусть наши родственники с обеих сторон сами составят мнение о том, что я написал, и рассудят, насколько обоснована или не обоснована моя неприязнь к кузене.

Хотя я ни на минуту не верю в фантастическую индийскую легенду о драгоценном камне, должен, прежде чем закончить письмо, признать, что в этом деле на меня влияет свое собственное суеверие. Я уверен или так мне кажется, что любое преступление таит в себе смертельную угрозу для того, кто его совершает. Я не только убежден в виновности Гернкастля, но и вполне могу себе представить, что мой кузен, если он действительно присвоил алмаз, еще пожалеет об этом и что те, к кому камень перейдет после него, тоже об этом пожалеют.

Первый период. Пропажа алмаза (1848 год)

События, рассказанные Габриэлем Беттереджем, дворецким леди Джулии Вериндер.

Глава I

В первом томе «Робинзона Крузо» на странице сто двадцать девять вы найдете следующие слова: «И тут только сообразил – правда, слишком поздно, – как глупо приниматься за работу, не рассчитав, во что она обойдется и хватит ли сил для доведения ее до конца».

Я раскрыл свой томик «Робинзона Крузо» на этом месте не далее, как вчера. А не далее, как сегодня утром (двадцать первого мая тысяча восемьсот пятидесятого года), приехал племянник миледи, мистер Фрэнклин Блэк, и вызвал меня на короткую беседу.

– Беттередж, – сказал мистер Фрэнклин, – я был по семейным делам у юриста, и попутно мы разговорились о пропаже индийского алмаза из дома моей тетки в Йоркшире двухлетней давности. Мистер Брефф считает – как и я тоже, – что всю историю в интересах истины следует записать на бумаге, причем чем скорее, тем лучше.

Еще не уловив, к чему он клонит, и полагая, что в интересах мира и спокойствия с юристами лучше не спорить, я сказал, что тоже так думаю. Мистер Фрэнклин продолжал:

– В деле с алмазом, как вам известно, из-за подозрений пострадала репутация невинных людей. Однако память может подвести невиновных по причине отсутствия каких-либо письменных свидетельств, к которым потомки захотели бы обратиться. Нашу странную семейную историю вне всяких сомнений необходимо рассказать. И мне кажется, Беттередж, что мистер Брефф и я нащупали верный способ, как это сделать.

Что ж, можно за них порадоваться. Но я все еще недоумевал, какое отношение к этому имел я.

– Мы должны изложить известные события, – продолжал мистер Фрэнклин, – с участием известных лиц, способных о них рассказать. Отталкиваясь от простых фактов, мы все по очереди должны написать историю Лунного камня, но только как очевидцы, не более. Начать следует с того, как алмаз оказался в руках моего дяди Гернкастля во время службы в Индии пятьдесят лет тому назад. У меня уже имеется вступительная часть в виде старых семейных писем, ссылающихся во всех важных подробностях на очевидца. Затем следует рассказать, как алмаз попал в йоркширский дом моей тети два года назад и меньше чем двенадцать часов спустя пропал. Никто не знает лучше вас, Беттередж, что именно происходило в это время в доме. Так что берите в руки перо и принимайтесь за рассказ.

Вот как мне объяснили мой личный вклад в историю с алмазом. Если вам любопытно, каким путем я пошел в этих обстоятельствах, то могу сообщить, что сделал, возможно, то же самое, что и вы бы сделали на моем месте. Я скромно объявил себя непригодным для возложенной на меня миссии, хотя в душе ни минуты не сомневался, что мне хватит ума справиться с ней, если только как следует постараться. Боюсь, мистер Фрэнклин прочитал эти тайные мысли на моем лице. Он отказался поверить в мою скромность и настоял на том, чтобы я пустил в дело свои таланты.

После отъезда мистера Фрэнклина прошло два часа. Стоило ему повернуться ко мне спиной, как я сел за письменный стол, чтобы немедленно приступить к делу. И вот сижу до сих пор (всем талантам вопреки), сделав тот же вывод, что и вышеозначенный Робинзон Крузо, о глупой манере хвататься за работу, не рассчитав, во что она обойдется и хватит ли сил, чтобы довести ее до конца. Не забывайте, пожалуйста, что я открыл книгу наугад всего лишь за день до того, как необдуманно согласился взяться за порученное дело. И позвольте спросить: если это не пророчество, то что тогда считать пророчеством?

Я не суеверен и прочитал в свое время немало книг. Я, можно даже сказать, образован. В мои семьдесят лет память, как и ноги, меня не подводит. Поэтому, услышав мое мнение, что подобной «Робинзону Крузо» книги никогда не было написано прежде и не напишут после, прошу вас не считать эти слова блажью невежественного старика. Я много лет испытывал эту

книгу – в основном в комплекте с курительной трубкой – и всегда находил ее верным другом в перипетиях бременной жизни. Упадок духа – «Робинзон Крузо». Нужен совет? – «Робинзон Крузо». В былые дни, когда донимала жена, или в нынешние времена, если хватил лишку, – «Робинзон Крузо». Шесть экземпляров «Робинзона Крузо» в добротном переплете истрепались у меня на суровой службе. А на последний день рождения миледи подарила мне седьмой. По этому случаю я выпил лишнего, и «Робинзон Крузо» прочистил мне голову. Четыре с половиной шиллинга, синий переплет и картинка в придачу.

Что-то непохоже на начало рассказа об алмазе, не так ли? Плутаю в поисках бог знает чего и бог знает где. Коль позволите, возьму свежий лист бумаги и с почтением начну сызнава.

Глава II

Несколькими строками раньше я упомянул миледи. Алмаз никогда бы не оказался в нашем доме, где он пропал, если бы его не подарили на день рождения дочери миледи, а ее дочери не существовало бы, если бы миледи (в страданиях и муках) не произвела ее на свет. Следовательно, коль уж зашла речь о миледи, то начать следует издалека. Признаться, для человека моей профессии это самое удобное из начал.

Если вы что-либо знаете о высшем свете, то наверняка слышали о трех прелестных мисс Гернкастль – мисс Аделаиде, мисс Каролине и мисс Джулии – самой младшей и на мой вкус лучшей из сестер, а уж возможностей судить, как вы вскоре убедитесь, у меня было предостаточно. В возрасте пятнадцати лет я поступил в услужение к старому лорду, их отцу (слава богу, к истории с алмазом он не имеет отношения; среди всех мужей, как благородных, так и не очень, с кем я сталкивался, у него был самый длинный язык и самый раздражительный характер), мальчиком на побегушках при трех почтенных юных леди. У них я прожил до выхода мисс Джулии замуж за покойного сэра Джона Вериндера. Превосходный был человек, только несобранный, и, говоря между нами, в лице мисс Джулии он нашел себе хорошего поводыря. Он полностью предал себя в руки миледи, оброс жирком, жил счастливо и умер спокойно, начиная с того дня, когда она привела его в церковь, и до того момента, когда под ее присмотром испустил дух и навсегда закрыл глаза.

Забыл сказать, что и я вместе с новобрачной переехал в дом и поместье ее мужа. «Сэр Джон, – молвила она, – я не могу обойтись без Габриэля Беттереджа». «Миледи, – отвечал сэр Джон, – считайте, что и я не могу без него обойтись». Он во всем ей уступал – так я оказался у него на службе. Я бы поехал куда угодно за своей госпожой.

Заметив, что миледи заинтересовалась работой на свежем воздухе, фермерским хозяйством и прочим, я тоже проявил к этому интерес, тем более что был седьмым сыном в семье мелкого фермера. Миледи определила меня на работу под началом управляющего, я изо всех сил старался угодить и сообразно получал повышения. Через несколько лет – был понедельник, если не ошибаюсь – миледи сказала: «Сэр Джон, ваш управляющий – глупый старик. Выпишите ему щедрый пенсион и назначьте вместо него Габриэля Беттереджа». Уже во вторник, если не ошибаюсь, сэр Джон сказал: «Миледи, управляющему выдан щедрый пенсион, на его место назначен Габриэль Беттередж». Нередко слышишь, что иные супружеские пары живут как кошка с собакой. Вот вам, однако, обратный пример. Пусть он послужит назиданием для одних и стимулом для других. А я тем временем продолжу свой рассказ.

Вы подумаете, что я катался как сыр в масле. Получил доверительную почетную должность, жил в отдельном маленьком коттедже, с утра разъезжал по поместью, после обеда проверял счета, вечера проводил с трубочкой за «Робинзоном Крузо» – казалось бы, чего еще желать для полного счастья? Но если вы помните, чего не хватало одинокому Адаму в куцах Эдема и не осуждаете его, то и с меня не взыщите строго.

Я положил глаз на женщину, которая вела хозяйство в моем коттедже. Ее звали Селина Гоби. В вопросе о выборе жены я согласен с покойным Уильямом Коббетом².

Главное, чтобы жевала не торопясь и твердо ступала при ходьбе, и ты не прогадаешь. Селина Гоби удовлетворяла обоим условиям – уже за это на ней можно было жениться. Но имелась еще одна причина, которую я открыл сам. Незамужняя Селина драла с меня втридорога за постой и обслуживание. Селине как жене нельзя будет брать деньги за постой и при-

² Уильям Коббетт (1763–1835) – публицист, издатель еженедельника «Политический обозреватель», в котором подвергал резкой критике социальную и политическую систему современной ему Англии.

дется обслуживать меня бесплатно. Вот с каким отношением я подошел к делу. Экономия со щепоткой любви. Миледи я изложил дело так, как сам себе представлял.

– Я долго размышлял о Селине Гоби, миледи, – сказал я, – и полагаю, что было бы дешевле жениться на ней, чем содержать ее.

Миледи прыснула со смеха и заявила: «Не знаю, что шокирует меня больше, – ваш язык или ваши моральные устои». Что ее рассмешило, не берусь судить. Видимо, чтобы это понять, надо быть человеком благородного происхождения. Не поняв ничего, кроме того, что я был волен сделать предложение Селине, я так и поступил. И чем ответила Селина? Бог ты мой! Вы, должно быть, совсем мало знаете женщин, если задаете такой вопрос. Разумеется, она сказала «да».

По мере приближения важной даты и с началом обсуждения заказа нового сюртука для свадьбы мой разум принялся нашептывать мне опасения. Я сличил свои ощущения с чувствами других мужчин, которые они испытывали в таком же любопытном положении, и все они признались, что примерно за неделю до события мысленно пожелали выйти из игры. Я же пошел дальше этого: я действительно восстал и попытался выйти из игры. Где там! Своим мужским умом я наивно полагал, что Селина меня выпустит за здорово живешь. Законы Англии предписывают, что при нарушении мужчиной данного женщине слова с него причитается компенсация. Подчиняясь букве закона и все тщательно взвесив, я предложил Селине Гоби отступное – перину и пятьдесят шиллингов. Вы ни за что не поверите, тем не менее я не лгу – эта дурища отказалась.

После этого, разумеется, я уже не мог сопротивляться. Заказал сюртук подешевле, да и на все остальное потратил как можно меньше. Нас нельзя было назвать счастливой парой, но и несчастной тоже. Пятьдесят на пятьдесят. Как это у нас получалось, я понятия не имею, но мы, несмотря на лучшие побуждения, всегда мешались друг у друга под ногами. Когда я поднимался вверх по лестнице, жена спускалась мне навстречу, и наоборот. В этом, как подсказывает мой опыт, состоит вся суть супружеской жизни.

После пяти лет лестничных недоразумений всеведущее Провидение прибрало к себе мою жену, избавив нас от компании друг друга. Я остался с единственным ребенком – маленькой Пенелопой. Вскоре после этого умер сэр Джон, тоже оставив миледи единственного ребенка – маленькую мисс Рэчел. Я, должно быть, плохо описал характер миледи, если еще нужно уточнять, что моя малышка Пенелопа получила должный уход, росла под личным присмотром моей госпожи, выучилась в школе, стала смышленной девушкой и, когда позволил возраст, была назначена горничной мисс Рэчел.

Я же продолжал работать управляющим год за годом, вплоть до Рождества 1847 года, когда в моей жизни наступила перемена. В тот день миледи напросилась на чашку чая в моем коттедже для разговора с глазу на глаз. Она отметила, что, если считать с того года, когда меня приняли мальчишкой-посыльным к старому лорду, я провел у нее на службе более пятидесяти лет, и вложила в мои руки чудесный жилет из шерсти, которую сама и напяляла, чтобы я не мерз в зимнюю стужу.

Я принял великолепный подарок, не находя слов, чтобы поблагодарить мою хозяйку за оказанную честь. К моему величайшему удивлению, выяснилось, что подарок был вручен не из почтения, а в порядке подкупа. Миледи заметила, что я состарился, прежде меня самого и пришла в мой коттедж, чтобы подмазать меня (если будет позволено такое выражение), предложив отказаться от работы управляющего под открытым небом и на склоне лет занять должность попроще – мажордома. Я сколько мог сопротивлялся обидному предложению комфорта. Однако хозяйка хорошо знала мою слабину – она представила дело так, как если бы просила о личном одолжении. Это поставило точку в споре, старый дурак вытер слезы новым шерстяным жилетом и обещал, что подумает.

В смятении разума от тяжких раздумий после ухода миледи я прибегнул к средству, ни разу не подводившему меня в минуты сомнений и осложнений, – выкурил трубку и принял порцию «Робинзона Крузо». Не провел я за удивительной книгой и пяти минут, как наткнулся на успокоительный пассаж (на странице сто пятьдесят восемь): «Сегодня мы любим то, что завтра будем ненавидеть». Шоры упали с моих глаз. Сегодня я очень хочу оставаться управляющим фермой, но завтра, если полагаться на авторитет «Робинзона Крузо», буду думать совершенно иначе. Достаточно дожить до завтрашнего дня с его завтрашним настроением, и дело в шляпе. Успокоив таким образом свой ум, я лег спать в образе управляющего фермой леди Вериндер, чтобы на следующее утро проснуться в образе дворецкого леди Вериндер. Никаких неудобств, и все это благодаря «Робинзону Крузо».

Моя дочь Пенелопа заглянула через плечо, посмотреть, насколько я продвинулся. Говорит, прекрасно написано, и каждое слово – правда. Есть только одно «но». Все написанное совсем не о том, о чем я собирался поведать. Меня просили рассказать об алмазе, а я рассказываю о себе. Любопытно, даже не знаю, как это получилось. Интересно, путаются ли господа, зарабатывающие на жизнь написанием книг, под ногами у своих героев, как это случилось со мной? Если путаются, я им сочувствую. Итак, еще одна неудачная попытка и пустая трата доброй писчей бумаги. Что теперь делать? Ничего не могу предложить, кроме как набраться терпения и позволить мне начать сызнова в третий раз.

Глава III

Вопрос о том, как лучше приступить к рассказу, я попытался разрешить двумя способами. Во-первых, почесал в затылке – никакого эффекта. Во-вторых, спросил совета у Пенелопы, что в итоге породило новую идею.

Пенелопа предложила описывать события день за днем, ничего не пропуская, начиная с даты получения известия о прибытии в дом мистера Фрэнклина Блэка. Сосредоточьте память на конкретном дне, и вы удивитесь, как много подробностей всплывет под таким принуждением. Единственная трудность – вспомнить сами даты. Пенелопа предложила сделать это, заглянув в свой дневник, вести который приучилась еще в школе и с тех пор не прекращала. Желая еще более развить эту мысль, я предложил Пенелопе рассказать историю вместо меня, пользуясь ее дневником, на что моя дочь, сверкая глазами и покраснев, заявила, что дневник предназначен только для ее глаз и ни одна живая душа, кроме нее, не смеет знать о его содержании. На мой вопрос, что в нем такого, Пенелопа ответила: «Всякая всячина!» Я думаю, правильный ответ – «девичьи вздыхания».

Следуя методу Пенелопы, осмелюсь сообщить, что миледи призвала меня в свой кабинет утром в среду, двадцать четвертого мая тысяча восемьсот сорок восьмого года.

– Габриэль, – сказала моя госпожа, – я получила новость, которая вас удивит. Из-за границы возвратился Фрэнклин Блэк. Остановился у отца в Лондоне, а завтра приедет сюда и погостит у нас до дня рождения Рэчел.

Будь у меня на голове шляпа, я бы лишь из уважения к миледи не подбросил ее к потолку. Последний раз я видел мистера Фрэнклина еще в то время, когда он обитал в нашем доме ребенком. Насколько я помню, это был во всех отношениях милейший мальчик из тех, кто когда-либо запускал юлу или разбивал окно. Мисс Рэчел, которая случилась поблизости и кому я адресовал свою реплику, в ответ заметила, что помнит его как самого свирепого истязателя кукол и самого безжалостного наездника Англии, катавшего верхом на маленькой измученной девочке. «При одной мысли о ФрэнкLINE Блэке я плаю негодованием и чувствую боль в мышцах», – подвела итог мисс Рэчел.

Услышав то, что я сейчас скажу, вы, естественно, спросите, как так получилось, что мистер Фрэнклин все эти годы – с того времени, когда был мальчиком, и до зрелых лет – провёл за пределами отечества. Отвечу: его отец, к несчастью, был ближайшим наследником герцогского титула, не имевшим в то же время никакой возможности доказать свои права.

В двух словах случилось вот что.

Старшая сестра миледи вышла замуж за знаменитого мистера Блэка, одинаково известного своим огромным богатством и длительными судебными тяжбами. Сколько лет он донимал суды, чтобы отобрать титул у герцога и занять его место, сколько адвокатских кошельков наполнил до краев и сколько в целом безвредных людей стравил друг с другом дебатами о том, кто прав, а кто виноват в его деле, мне не дано подсчитать. Еще до того, как судам хватило ума указать ему на дверь и отказаться от его денег, у мистера Блэка скончались жена и двое из троих детей. Когда все закончилось и герцог сохранил за собой титул, мистер Блэк не нашел другого способа отомстить Англии за дурное обращение, как отказать ей в воспитании своего сына. «Как я могу полагаться на отечественные учреждения, – рассуждал он, – после того, что эти учреждения со мной вытворяли?» Если добавить, что мистер Блэк терпеть не мог мальчишек, включая собственного сына, то вы придете к неизбежному выводу: иначе и быть не могло. Юного мистера Фрэнклина забрали из нашего дома в Англии и отдали в руки учреждений, которым его отец мог верить, – в Германию, где якобы все лучше. Старший мистер Блэк, надо заметить, не покинул уют Англии, а наставлял соотечественников с парламентской скамьи да сочинял очерк о тяжбе с герцогом, которого не завершил и по сей день.

Вот! Слава богу, теперь все высказано. Ни вам, ни мне более нет нужды забивать голову престарелым мистером Блэком. Пусть занимается своим герцогским титулом, а мы займемся алмазом.

Алмаз возвращает нас обратно к мистеру Фрэнклину Блэку, невольному виновнику появления злосчастной драгоценности в нашем доме.

Славный мальчик не забывал о нас за границей. Время от времени писал – иногда миледи, иногда мисс Рэчел, а иногда мне. Перед отъездом мы с ним заключили сделку, включавшую в себя взятие у меня взаймы мотка бечевки, складного ножа с четырьмя лезвиями и семи с половиной шиллингов деньгами, которые я с тех пор не видел и больше не надеюсь увидеть. В адресованных мне письмах юноша главным образом намекал, что желал бы подзанять еще. О том, как он уехал за границу и рос там, взрослея и мужая, мне сообщала миледи. Научившись всему, что могли предложить заведения Германии, он отправился к французам, а от них – к итальянцам. Мне говорили, что из него вылепили разностороннего гения. Он немного писал, немного занимался живописью, немного пел, играл и сочинял музыку, заимствуя, как я подозреваю, у других, как заимствовал у меня. Когда он достиг совершеннолетия, ему досталось материнское состояние (семьсот фунтов годового дохода) и тут же утекло сквозь пальцы, как вода из решета. Чем больше ему перепадало денег, тем больше он нуждался в новых деньгах – в карманах мистера Фрэнклина зияли дыры, которые невозможно было заштопать. Его живой, легкий характер повсюду встречал добрый прием. Он жил то тут, то там, то еще где-нибудь, адресом для него служило (как он сам шутил) «Почтамт, Европа, до востребования». Он дважды решал приехать в Англию к нам в гости и дважды некая безымянная (с позволения сказать) особа вмешивалась и удерживала его от поездки. Как вам уже известно со слов миледи, третью попытку он все же одолел. Двадцать пятого мая, в четверг нам предстояло увидеть, в какого мужа вырос наш милый мальчик. Согласно нашим ожиданиям – в храброго, родовитого двадцатипятилетнего мужчину. Теперь вы знаете о мистере Фрэнклине Блэке ровно столько, сколько знал я накануне его появления в нашем доме.

Наступил четверг, на редкость по-летнему солнечный день; миледи и мисс Рэчел (не ожидая прибытия мистера Фрэнклина раньше ужина) уехали обедать к друзьям по соседству.

После их отъезда я сходил и осмотрел приготовленную для гостя спальню – все было в порядке. Будучи в хозяйстве миледи не только дворецким, но и ключником (кем, спешу заметить, был назначен по своей же просьбе, ибо меня нервировало, когда ключ от винного погреба покойного сэра Джона находился у кого-то кроме меня), я достал бутылку нашего знаменитого кларета из Латура и поставил ее до ужина греться после подвального холода на теплом летнем воздухе. Решив, что теплый летний воздух одинаково хорош как для старого вина, так и для старых костей, я взял плетеное кресло и хотел выйти во двор, как вдруг меня остановил негромкий барабанный бой, доносившийся с террасы перед резиденцией миледи.

Обойдя вокруг террасы, я обнаружил трех индусов в белых холщовых блузах и шароварах, цветом кожи напоминавших красное дерево.

Присмотревшись, я увидел, что на шее у них висят небольшие барабаны. Чуть поодаль стоял тощий светловолосый мальчик-англичанин с сумкой. Я решил, что это бродячие фокусники, а мальчишка носил орудия их ремесла. Один из троих, говоривший по-английски и ведший себя, признаться, исключительно любезно, немедленно подтвердил мою догадку. Он попросил разрешения продемонстрировать фокусы хозяйке дома.

Я не привередлив, хоть и стар, и в целом ничего не имею против забав. И уж тем более я последний, кто стал бы в чем-то подозревать другого человека лишь по той причине, что его кожа темнее моей. Однако даже лучшие среди нас имеют недостатки. Мой недостаток состоит в том, что, когда на стол в буфетной выставлена корзина с фамильным серебром и я встречаю бродягу, чьи манеры превосходят мои собственные, это сразу же заставляет меня вспомнить об этой корзине. Естественно, я сообщил незнакомцу, что хозяйки нет дома, и предложил

ему и его честной компании покинуть поместье. В ответ он отвесил изысканный поклон, и все четверо удалились. Я же вернулся к плетенному креслу, уселся во дворе на солнышке и погрузился (говоря правду) если не в сон, то в близкое подобие сна.

Меня разбудила моя дочь Пенелопа, примчавшаяся, словно в доме начался пожар. И что, вы думаете, ей было нужно? Она потребовала немедленно задержать трех индийских фокусников по той причине, что они явно знали, чей приезд из Лондона мы ожидаем, и замыслили недоброе в отношении мистера Фрэнклина Блэка.

Упоминание о мистере Блэке заставило меня окончательно проснуться. Я открыл глаза и потребовал от дочери объяснений.

Выяснилось, что Пенелопа прибежала напрямик из сторожки, где чесала язык с дочкой привратника. Обе девицы видели, как мимо прошли трое индусов с мальчишкой, которых я выгнал за ворота. По какой-то неведомой мне причине, разве только потому, что мальчик был красив и худ, они возомнили, будто иноземцы обижают его, и прокрались вдоль внутренней стороны живой изгороди, отделяющей поместье от дороги, чтобы подсмотреть, как чужаки себя поведут. А повели они себя престранным образом.

Сначала посмотрели по сторонам, чтобы убедиться, нет ли кого поблизости. Затем все трое повернулись и уставились на наш дом. Они что-то лопотали и обсуждали на своем наречии, глядя друга на друга как люди, объятые нерешительностью. Затем все повернулись к английскому мальчику, будто ожидая от него помощи. Старший, тот, что говорил по-английски, приказал: «Протяни ладонь».

Пенелопа воскликнула, что не понимает, как от таких жутких слов у нее не выскочило сердце из груди. «Должно быть, корсет помешал», – подумал я, а вслух сказал: «Какой ужас! Мороз по коже». (Примечание: женскому полу нравятся подобные комментарии.)

Короче, когда индус приказал протянуть ладонь, мальчишка отпрянул, замотал головой и сказал, что не хочет. Индус после этого спросил (вполне учтиво), не желает ли он вернуться в Лондон, на базар, где они нашли его спящим в пустой корзине, голодным, оборванным и неприкаянным. Напоминание, похоже, устранило преграду. Сорванец неохотно протянул руку. Индус вынул из-за пазухи бутылочку и налил на ладонь мальчишки какую-то черную жидкость, похожую на чернила. Коснувшись головы мальчика и поведив над ней руками, индус приказал: «Смотри». Мальчишка оцепенел, застыл как статуя, уткнувшись взглядом в чернила на ладони.

(До этого места вся сцена казалась мне фокусом и в придачу глупой тратой чернил. Я начал было снова клевать носом, но последующие слова Пенелопы заставили меня насторожиться).

Индусы еще раз осмотрели дорогу, и тогда главный из них сказал мальчику:

– Видишь ли ты английского господина, едущего из чужих краев?

Мальчик ответил:

– Вижу.

– Англичанин приедет сегодня по этой и никакой другой дороге?

– Да, англичанин приедет по этой и никакой другой дороге.

Подождав немного, индус задал второй вопрос:

– Он у англичанина с собой?

Мальчик тоже немного задержался с ответом:

– Да.

Тогда индус задал третий и последний вопрос:

– Приедет ли англичанин сюда, как обещал, в конце дня?

– Не могу сказать.

– Почему?

– Я устал. В голове поднимается туман, сбивает меня с толку. Сегодня я больше ничего не увижу.

На этом вопросы и ответы закончились. Старший индус что-то сказал на своем языке, двое других указали сначала на мальчика, потом в сторону города, где (как мы позже выяснили) они остановились. Поводив еще руками над головой мальчишки, вожак дунул ему в лоб, отчего тот вздрогнул и очнулся. После этого они двинулись в сторону города, и служанки потеряли их из виду.

В любом рассказе найдется своя мораль – если ее искать. В чем же состояла мораль данной истории?

По моему разумению, вот в чем: во-первых, главный фокусник подслушал болтовню слуг о приезде мистера Фрэнклина и решил немного подзаработать. Во-вторых, вожак с его людьми и мальчишкой (надеясь на тот самый заработок) решил задержаться возле поместья, пока миледи не вернется домой, и, появившись снова, предсказать прибытие мистера Фрэнклина с помощью якобы магии. В-третьих, Пенелопа подслушала, как они репетировали фокус, словно театральные актеры, заучивающие свои роли. В-четвертых, вечером понадобится особый пригляд за корзиной со столовым серебром. В-пятых, Пенелопе не мешало бы остыть и дать отцу подремать на солнышке.

Такой подход показался мне разумным. Если вы хоть что-то понимаете в поведении юных девушек, то вас не удивит, что Пенелопа восприняла мои слова в штыки. На ее взгляд, вывод напрашивался самый серьезный. Она напомнила мне о третьем вопросе индуса: «Он у англичанина с собой?»

– Отец! – всплеснула руками Пенелопа. – Не шути с этим. Что, по-твоему, означает «он»?

– Давай спросим мистера Фрэнклина, дорогая. Если у тебя хватит терпения дожидаться его прибытия.

Я подмигнул, давая понять, что пошутил. Пенелопа отнеслась ко всей истории слишком серьезно. Ее нервозность меня слегка зацепила.

– Что, ради всего святого, мистер Фрэнклин может об этом знать? – спросил я.

– Сам его спроси. Заодно увидишь, до шуток ли ему.

Воткнув на прощание шпильку, моя дочь удалилась.

После ее ухода я про себя решил, что мистера Фрэнклина действительно стоит расспросить – главным образом для того, чтобы успокоить Пенелопу. Наш диалог, который состоялся в тот же день, будет полностью приведен в своем месте. Однако я не хотел бы возбуждать ваши ожидания, чтобы затем вас разочаровать, а потому заранее предупреждаю, что в нашей беседе о фокусниках не обнаружилось и тени шуток. К моему великому удивлению, мистер Фрэнклин, как и Пенелопа, воспринял историю крайне серьезно. Насколько серьезно, вы поймете, если я скажу, что, по его мнению, «он» означал Лунный камень.

Глава IV

Прошу прощения, что задержал ваше внимание на себе и моем плетеном кресле. Я прекрасно сознаю, что сонный старик, сидящий на солнышке во дворе, малоинтересный предмет. Однако все должно идти своим чередом по мере того, как развертывались события, а потому вам придется еще немного потоптаться на месте вместе со мной в ожидании прибытия мистера Фрэнклина Блэка.

Не успел я снова задремать после ухода моей дочери Пенелопы, как дрему нарушил звон блюд и тарелок в людской, возвещавший о готовности к ужину. Трапезничаю я в своей отдельной гостиной и к ужину челяди непричастен, разве что иногда пожелаю им приятного аппетита, чтобы тотчас вернуться в свое кресло. Только я размял ноги, как во двор выбежала еще одна особа женского пола. На этот раз Нанси из кухонной прислуги. Я сидел прямо у нее на пути. Когда она попросила разрешения пройти мимо, я заметил на лице девушки хмурость – явление, которое я как старший над слугами принципиально не оставляю без внимания, не поинтересовавшись причиной.

– Почему ты убежала с ужина? Что стряслось, Нанси?

Нанси попыталась улизнуть, не отвечая, после чего я поднялся и взял девчонку за ухо. Нанси – молодая, пухленькая бабенка, и мой жест – стандартное проявление личного благоволения к девушкам такого рода с моей стороны.

– В чем дело? – повторил я.

– Розанна опять опаздывает к ужину. Меня послали за ней. Вся тяжелая работа в этом доме – на моих плечах. Оставьте меня, мистер Беттередж!

Упомянутая Розанна работала у нас второй горничной. Испытывая некое сострадание к нашей второй горничной (почему, вы сейчас поймете) и видя по лицу Нанси, что она позовет служанку в более жестких выражениях, чем подобает, я вдруг вспомнил, что у меня на тот момент не было конкретного занятия и что я вполне мог бы сам сходить за Розанной, намекнув ей, чтобы впредь лучше следила за часами, – подобное замечание, сделанное *мною*, ее бы не обидело.

– Где сейчас Розанна? – спросил я.

– На песках, где же еще? – мотнула головой Нанси. – С ней утром опять случился обморок. Сказала, что идет подышать свежим воздухом. Она выводит меня из себя!

– Ступай обратно в людскую, девочка моя. Мне терпения хватит, я сам ее приведу.

Нанси (а аппетит у нее будь здоров) осталась довольна. Довольный вид ее преобразует. Преображенную Нанси меня всегда тянет пощекотать под подбородком. Никакой безнравственности – обычай такой.

Я взял свою трость и отправился на пески.

Нет! Отправляться в путь еще рано. Прошу прощения, что вновь вас задерживаю, но вы должны сначала узнать историю песков и самой Розанны – по той причине, что история алмаза близко их касается. Как бы я ни старался продвигать повествование без задержек, получается плохо. То-то и оно. Люди и вещи подчас возникают в этой жизни с такой досадной неожиданностью, что на них невозможно не обращать внимания. Призовем же на помощь простоту и краткость, и оглянуться не успеете, как мы окажемся в гуще таинственных событий, – обещаю!

Розанна (начнем с человека, нежели неодушевленного предмета, – хотя бы из вежливости) – единственная новенькая из прислуги в нашем доме. Месяца четыре назад миледи посетила исправительный дом в Лондоне, призванный удерживать выпущенных из тюрьмы на волю заблудших женщин от возвращения к пороку. Смотрительница, заметив интерес миледи, указала ей на девушку по имени Розанна Спирман и поведала ее историю, настолько ужасную, что мне не хватает духу ее здесь передать, ибо я не люблю – и полагаю, вы тоже – лишний раз огор-

чаться. Короче говоря, Розанна Спирман была воровкой, однако не такой, кто вместо одного человека, открыв контору в Сити, обкрадывает тысячи людей, а потому ее быстро настигла рука правосудия, она же направила Розанну в тюрьму, а оттуда – в исправительный дом. По мнению смотрительницы, Розанна (несмотря на преступления) была человеком редкого десятка и, если только дать ей шанс, оправдала бы доверие, оказанное доброй христианкой. Миледи (будучи доброй христианкой, каких еще поискать) на это заявила: «Розанна Спирман получит этот шанс у меня на службе». Прошла еще неделя, и Розанна Спирман была принята в нашем хозяйстве на должность второй горничной.

Ни одна живая душа, кроме мисс Рэчел и меня, не знала о ее прошлом. Миледи доверяла мне во многих делах, доверилась и в этом. В последнее время я перенял привычку покойного сэра Джона во всем соглашаться с миледи, а потому искренне одобрил ее поступок.

Ни одна молодая женщина не получала лучшего шанса, чем бедняжка Розанна. Другие слуги не могли злословить о ее жизни, потому как ничего о ней не знали. Она получала жалованье и пользовалась правами наравне с остальными, время от времени миледи ободряла ее наедине добрым словом. В ответ, нужно сказать, Розанна показала себя достойной оказанного ей приема. Не отличаясь большой силой и временами страдая от обмороков, о которых я здесь уже упоминал, она выполняла свою работу скромно и безропотно, с тщанием и прилежанием. Однако с другими слугами у нее почему-то не сложилось – за исключением моей дочери Пенелопы, хотя и с ней она была не слишком близка.

Ума не приложу, чем Розанна им не угодила. Уж верно не красотой, вызывающей у других зависть, – в доме не было девушки невзрачнее, вдобавок одно плечо у нее было выше другого. Другие слуги, сдается мне, невзлюбили ее за молчаливость и нелюдимость. В свободные часы, пока другие сплетничали, она или читала, или работала. В выходные дни в девяти из десяти случаев молча надевала капор и куда-то уходила одна. Никогда не вступала в перебранки и ни на кого не обижалась – лишь упрямо и вежливо соблюдала дистанцию между собой и всеми остальными. Следует добавить, что в ней было нечто такое, что делало ее похожей не на служанку, а скорее на госпожу. Может быть, голос, а может быть, лицо. Как бы то ни было, другие женщины в первый же день молниеносно высмотрели в ней эту черту и стали утверждать (совершенно неоправданно), что Розанна Спирман задирает перед ними нос.

В завершение истории Розанны остается упомянуть одну из многих чудаковатых привычек этой странной девушки и уж тогда перейти к истории песков.

Наш дом стоит в высокой точке йоркширского побережья, неподалеку от моря. Прекрасные пешеходные тропы пролегают во всех направлениях, кроме одного. Эта тропа воистину ужасна для прогулок. Четверть мили она ведет через унылую колонию елок и выходит между двумя низкими утесами к самой пустынной и некрасивой бухте нашего побережья.

Дюны здесь спускаются к морю и заканчиваются двумя отстоящими друг от друга, уходящими под воду каменистыми выступами. Один называют Северной стрелкой, второй – Южной. Между ними, меняя место в зависимости от времени года, пролегает самая жуткая песчаная топь йоркширского побережья. В промежутках между приливом и отливом в неведомой бездне что-то происходит, отчего вся поверхность песка начинает дрожать и колебаться – поразительное зрелище, заслужившее у местных жителей прозвище «Зыбучие пески». Большая отмель у входа в залив в полумиле от берега гасит напор волн открытого океана. Зимой и летом, когда отмель затопляет прилив, морские волны застревают на ней, и дальше вода катится плавно, заливая песок, не производя ни звука. Заброшенное и жуткое место – можете мне поверить! Ни одна лодка не заплывает в этот залив. Ни один ребенок из нашей рыбацкой деревеньки Коббс-Хол не ходит сюда играть. Даже птицы, похоже, облетают Зыбучие пески стороной. Чтобы молодая женщина, у которой есть выбор в виде десятков удобных прогулочных маршрутов и спутников – достаточно только позвать, предпочитала это место другим, гуляла либо сидела и читала здесь в полном одиночестве в свой выходной день, в это, уверяю вас, трудно поверить.

И все же это правда: необъяснимо, но Розанна Спирман больше всего любила гулять у Зыбучих песков, за исключением редких случаев, когда она ходила в Коббс-Хол к единственной подруге, что имела у нее по соседству, о которой я вскоре расскажу подробнее. Вот куда я направился звать девушку на ужин, что благополучно возвращает нас в исходную точку повествования и на тропинку, ведущую к пескам.

В ельнике Розанны не было. Однако выйдя между дюнами на пляж, я сразу же увидел ее маленький соломенный капор и простенькую серую накидку, под которой она всегда прятала кривое плечо. Розанна сидела одна-одинешенька, глядя на песчаную топь и море.

Когда я поравнялся с ней, девушка вздрогнула и отвернулась. Если люди отворачиваются при моем появлении, как старший над слугами я вижу в этом еще один сигнал, который принципиально не оставляю без внимания, не спросив о причине. Я развернул Розанну лицом ко мне и увидел, что она плачет. У меня в кармане лежал наготове фуляровый носовой платок – один из шести прекрасных подарков миледи. Я вынул его и сказал горничной: «Ступайте за мной, дорогуша, присядем на спуске к пляжу. Сначала я осушу ваши слезы, а затем наберусь нахальства и спрошу, что их вызвало».

Когда вы доживете до моего возраста, то обнаружите, что присаживаться на спуске к пляжу вовсе не такая легкая задача, как в молодые годы. Пока я устраивался, Розанна успела промокнуть слезы платком намного скромнее моего – из дешевого батиста. Она выглядела притихшей и несчастной, однако, когда я попросил, послушно опустилась рядом. Самый быстрый способ успокоить женские нервы – посадить женщину себе на колени. Я прикинул, не последовать ли этому золотому правилу. Увы! Розанна не Нанси – что правда, то правда.

– А теперь, дорогуша, расскажи, о чем ты плакала.

– О годах, которые больше не вернуть, мистер Беттередж, – спокойно ответила Розанна. – Моя прежняя жизнь иногда напоминает о себе.

– Ну что ты, девочка моя. Вся твоя прежняя жизнь испита до дна. Почему ты не в силах ее забыть?

Розанна взяла меня за лацкан сюртука. Я неряшливый старик, брызги пищи и вина нередко пристают к моей одежде. Обычно грязь счищает кто-нибудь из служанок. Накануне Розанна оттерла пятно с фалды моего сюртука новым составом, якобы удаляющим все пятна на свете. Блестящее жирное пятно исчезло, зато вместо него осталось пятно матовое. Девушка указала на него и покачала головой.

– Видите? Пятна больше нет, мистер Беттередж. Но где оно было, все равно видно!

На замечание, неожиданно отвлекающее внимание мужчины на его сюртук, не так-то легко ответить. Кроме того, что-то в самой девушке пробуждало жалость в моей душе. Она смотрела на меня своими карими глазами, неприметными, как и вся она, с уважением к моему преклонному возрасту и доброму имени, как если бы и то, и другое были вне ее досягаемости, отчего у меня сжалось сердце. Не в силах утешить ее, я прибегнул к единственному выходу – позвал на ужин.

– Помоги мне подняться, – попросил я. – Ты опоздала на ужин, Розанна. Я пришел за тобой.

– Вы, мистер Беттередж!

– Они послали Нанси. Я подумал, что мои упреки ты воспримешь спокойнее.

Вместо того чтобы помочь мне подняться, бедняжка украдкой пожала мою руку. Она отчаянно старалась побороть слезы и сумела это сделать, за что я ее уважаю.

– Вы очень добры, мистер Беттередж, – сказала она. – Я не хочу сегодня ужинать. Позвольте мне еще немного побыть здесь.

– Чем тебя так привлекает это жалкое место? Почему ты постоянно сюда ходишь?

– Меня сюда что-то тянет, – ответила девушка, рисуя пальцем фигуры на песке. – Я пытаюсь не поддаваться, но не могу. Иногда, – она понизила голос, словно убоившись собственной смелости, – иногда, мистер Беттередж, мне кажется, что я найду здесь свою могилу.

– Ты найдешь жареную баранину и пудинг с салом! Немедленно ступай на ужин, Розанна! Вот какие мысли приходят на голодный желудок, – сурово вымолвил я, испытывая естественное негодование от того, что выслушивал рассуждения о смерти от двадцатипятилетней особы.

Розанна как будто меня не услышала. Положив мне руку на плечо, она заставила меня задержаться.

– Мне кажется, что это место околдовало меня, – сказала она. – Снится мне ночь за ночью. Я думаю о нем за рукоделием. Вы ведь знаете, что я вам благодарна, мистер Беттередж, и что я пытаюсь оправдать доброе отношение и доверие, оказанные мне миледи. Но иногда я сомневаюсь, не слишком ли здешняя жизнь спокойна и хороша для такой женщины, как я, после всего содеянного, мистер Беттередж, после всего пережитого. Мне более одиноко среди слуг, чем в этом месте, от сознания, что я не такая, как они. Миледи не ведает, и смотрительница исправительного дома не ведает, какой страшный упрек представляют собой честные люди для такой женщины, как я. Не ругайте меня, мой дорогой, ведь я справляюсь с работой, не так ли? Прошу вас, не говорите миледи, будто я чем-то недовольна, – я довольна. Просто иногда душа волнуется, вот и все. – Она резко убрала руку с моего плеча и указала на зыбучие пески. – Смотрите! Разве они не чудесны? Разве они ужасны? Я десятки раз смотрела на них, и всякий раз кажется, будто вижу их впервые.

Я посмотрел в указанном направлении. Наступал прилив, жуткий песок зашевелился. Широкая бурая плоскость медленно набухла, покрылась ямочками, задрожала.

– Знаете, чем песок представляется мне? – спросила Розанна, снова хватаясь за мое плечо. – Как будто под ним погребены тысячи задыхающихся людей, все они пытаются выбраться на поверхность, но только лишь погружаются все глубже и глубже в жуткую бездну. Бросьте туда камень, мистер Беттередж! Бросьте, и вы увидите, как его засосет в песок!

Пора прекращать нездоровые разговоры! Это тот случай, когда пустота в желудке порождает беспокойство в уме. Мой ответ, довольно резкий, – для блага Розанны, никак иначе – уже вертелся у меня на языке, как вдруг его пресек голос, выкрикивавший за дюнами мое имя.

– Беттередж! – звал кто-то. – Где вы?

– Здесь! – крикнул я в ответ, понятия не имея, кто меня зовет. Розанна вскочила на ноги и повернулась в сторону, откуда доносился голос. Я уже собирался встать сам, как вдруг выражение на лице девушки внезапно переменялось.

Цвет лица приобрел прекрасный алый оттенок, какого я прежде не видел. Она вся озарилась внутренним светом, словно потеряла дар речи и задохнулась от восторга.

– Кто это? – спросил я. Розанна ответила вопросом на вопрос.

– Ох! Кто это? – мягко, скорее про себя, чем обращаясь ко мне, сказала она.

Я, сидя на песке, повернулся и посмотрел назад. Из-за дюн появился молодой человек с сияющими глазами, одетый в прекрасный костюм кремового цвета и перчатки в тон, с розой в петлице и улыбкой на губах, в ответ на которую могли заулыбаться даже Зыбучие пески. Прежде чем я успел подняться на ноги, он сбежал ко мне вниз по склону, обнял меня за шею, как делают иностранцы, и так сжал в объятиях, что я чуть не задохнулся.

– Дорогой старина Беттередж! – воскликнул он. – Я вам должен семь с половиной шиллингов. Теперь вы меня узнали?

Господи, спаси и сохрани! Пред нами стоял прибывший на четыре часа раньше условленного времени мистер Фрэнклин Блэк!

Прежде чем я успел вымолвить хоть слово, мистер Фрэнклин, немного удивившись, перевел взгляд с меня на Розанну. Я последовал его примеру. Девушка густо покраснела, очевидно оттого, что привлекла внимание мистера Фрэнклина, тут же отвернулась и внезапно убежала

в необъяснимом для меня замешательстве, даже не поздоровавшись с молодым господином и ни слова не сказав мне. Это было на нее непохоже: трудно найти служанку вежливее и воспитаннее, чем она.

– Какая странная девушка, – заметил мистер Фрэнклин. – Интересно, что во мне так ее изумило?

– Полагаю, сэр, – ответил я, подшучивая над европейским воспитанием юноши, – виной тому ваш заграничный лоск.

Я привел здесь беззаботный вопрос мистера Фрэнклина и мой собственный глупый ответ для утешения и в поддержку всем недалеким людям. Как я заметил, наши ограниченные сограждане испытывают глубокое удовлетворение, когда видят, что люди, берущиеся их поучать, ничуть их не умнее. Ни мистер Фрэнклин с его великолепным заграничным образованием, ни я с моим возрастом, опытом и природной смекалкой не имели ни малейшего понятия, что на самом деле означало странное поведение Розанны Спирман. Мы забыли о бедняжке прежде, чем ее серая накидка последний раз мелькнула за дюнами. «Ну и что с того?» – вполне справедливо спросите вы. Читайте дальше, дорогие друзья, набравшись терпения, и когда вы узнаете правду, возможно, пожалеете Розанну Спирман так же, как пожалел ее я.

Глава V

Первым делом, когда мы остались наедине, я сделал третью попытку встать с песка. На этот раз меня остановил мистер Фрэнклин.

– У этого жуткого места есть одно преимущество, – сказал он. – Здесь нам никто не помешает. Не вставайте, Беттередж. Я должен вам кое-что рассказать.

Слушая его, я всматривался в мужчину перед собой, пытаюсь увидеть в нем мальчика, которого помнил. Мужчина полностью его заслонил. Как я ни вглядывался, не мог различить ни розовых щек, ни милой мальчишеской курточки. Лицо стало бледным, нижнюю его часть, к моему великому удивлению и разочарованию, покрыли вьющаяся каштановая борода и усы. Он вел себя с веселой раскованностью – признаться, приятной и притягательной, однако ничем не напоминающей прежнюю свободу и простоту обращения. Что было еще хуже, мистер Фрэнклин подавал надежды стать высоким, но так их и не оправдал. Он был подтянут, худ и хорошо сложен, однако на дюйм или два недотягивал до среднего роста. Проще говоря, я был совершенно ошарашен. Годы не оставили ничего от прежнего Фрэнклина за исключением ясного прямолинейного взгляда. В нем я обнаружил знакомого мне милого мальчика и на том остановил свои изыскания.

– Добро пожаловать в ваш старый дом, мистер Фрэнклин, – сказал я. – Мы тем более рады, что вы прибыли на несколько часов раньше, чем ожидалось.

– У меня была причина поторопиться с приездом. Подозреваю, Беттередж, что последние три-четыре дня за мной в Лондоне следили, поэтому и выехал утренняя, а не послеобеденным поездом, – хотел отделаться от некоего темнокожего незнакомца.

Его слова не просто удивили меня. Они мгновенно вернули мой ум к трем фокусникам и подозрениям Пенелопы насчет козней против мистера Фрэнклина Блэка.

– Кто за вами следил, сэр, и почему?

– Расскажите мне о трех индусах, которые сегодня приходили в дом, – попросил мистер Фрэнклин, не замечая моего вопроса. – Вполне возможно, Беттередж, что мой незнакомец и трое фокусников – части одной и той же загадки.

– Как вы узнали о трех фокусниках, сэр? – спросил я, нагромождая один вопрос на другой, тем самым демонстрируя не лучшие манеры. Но если вы делаете снисхождение человеческим слабостям, сделайте его и для меня.

– В доме я встретил Пенелопу, она и рассказала. Ваша дочь обещала вырасти в прелестную девушку, Беттередж, и сдержала свое обещание. Маленькие ушки, маленькие ступни. Наследие покойной миссис Беттередж, я полагаю?

– У покойной миссис Беттередж было множество недостатков, сэр. Один из них (прошу прощения за то, что его упоминаю) состоял в том, что она постоянно отвлекалась. В этом она была больше похожа на муху, чем на женщину, – вечно перескакивала с одного на другое.

– Мы бы с ней составили хорошую пару. Я тоже все время перескакиваю с одного на другое. Беттередж, ваш язык острее прежнего. Ваша дочь сказала то же самое, когда я спросил ее о фокусниках: «Отец сам вам все расскажет, сэр. Он удивительный человек для своего возраста, и язык у него хорошо подвешен». Привожу слова Пенелопы дословно. А как она бесподобно порозовела. При всем уважении к вам я не смог удержаться от того, чтобы... ладно, я знавал ее еще ребенком, и она ничуть не стала хуже. Вернемся к серьезному делу. Что было нужно этим фокусникам?

Я был несколько недоволен дочерью – не из-за того, что она позволила мистеру Фрэнклину поцеловать себя, это ему дозволялось, а потому, что она принудила меня пересказывать ее же глупую историю. По мере рассказа веселость как ветром сдуло с мистера Фрэнклина.

Он сидел, играя бровями и теребя бороду. Когда я закончил, он повторил вслух два вопроса, заданные мальчику главным фокусником, – очевидно, чтобы лучше их запомнить.

– Англичанин придет в дом по этой дороге и никакой другой? Он у англичанина с собой? Подозреваю, – мистер Фрэнклин достал из кармана небольшой опечатанный сверток, – что «он» означает этот предмет. А этот предмет, Беттередж, не что иное, как принадлежавший моему дяде Гернкастлю знаменитый алмаз.

– Господи правый! – вырвалось у меня. – Как к вам попал алмаз нечестивого полковника?

– Нечестивый полковник завещал передать алмаз моей кузине Рэчел в подарок на день рождения. А мой отец, исполняя посмертную волю нечестивого полковника, поручил мне доставить алмаз сюда.

Если бы морская вода, набегающая на Зыбучие пески, вдруг у меня на глазах оборотилась пустыней, я бы удивился меньше, чем словам мистера Фрэнклина.

– Полковник завещал алмаз мисс Рэчел! А ваш отец, сэр, его душеприказчик! Я мог бы побиться об заклад на что угодно, что ваш отец не подошел бы к полковнику на пушечный выстрел.

– Вы слишком категоричны, Беттередж! Что можно предъявить полковнику? Он сын вашего времени, а не моего. Расскажите, что вам известно о нем, и я расскажу, как мой отец сделался его душеприказчиком и много чего сверх того. В Лондоне я сделал некоторые открытия о полковнике и алмазе, которые неприятно выглядят в моих глазах, и я желаю, чтобы вы их подтвердили или опровергли. Вы только что назвали полковника «нечестивым». Поройтесь в памяти, мой старый друг, и объясните причину.

Я понял, что он не шутит, и рассказал.

Здесь я передаю основную суть – исключительно для вашей пользы. Читайте внимательно, чтобы не сбиться с пути, когда мы еще дальше углубимся в подробности этой истории. Выбросьте из головы детей, ужин, новый чепец или что там еще занимает ваш ум. Постарайтесь, если сможете, забыть политику, скачки, цены в Сити и клубные неурядицы. Надеюсь, вы не посетуете на мою дерзость – иной способ привлечь внимание любезных читателей мне неведом. Видит бог, я видел вас с творениями величайших авторов в руках и знаю, как легко отвлекается ваше внимание, когда о нем просит книга, а не живой человек.

Я писал выше об отце миледи, старом лорде со вздорным нравом и длинным языком. У него было пятеро детей. Сначала – два сына, потом, после долгого перерыва, жена его снова принялась рожать и одну за другой с минимальным промежутком, дозволенным природой, произвела на свет трех дочерей. Миледи, как я уже говорил, была среди них самой младшей и лучшей. Из двух сыновей старший, по имени Артур, унаследовал титул и поместья. Второй, достопочтенный Джон, получил приличное состояние от некоего родственника и поступил на армейскую службу.

Поговорка гласит: только дурная птица гадит в своем гнезде. Я имею в виду под гнездом благородное семейство Гернкастлей и предпочел бы поменьше распространяться о достопочтенном Джоне. Он, по моему твердому убеждению, был одним из подлейших негодяев, каких только носила земля. Вряд ли я смогу что-либо к этому прибавить. Службу в армии он начал с Королевской гвардии. Оттуда ему пришлось уйти в возрасте двадцати двух лет. Почему – никто не знает. Армейские порядки оказались чересчур строги для достопочтенного Джона. Он уехал в Индию, надеясь, что найдет в тамошних порядках меньше строгости, и желая поучаствовать в сражениях. Он был храбр (надо отдать ему должное) – бульдог и бойцовский петух с примесью дикаря в одном лице. Участвовал в штурме Серингапатама. Вскоре после этого перевелся в другой полк, а со временем и в третий. В третьем полку он получил звание подполковника и солнечный удар в придачу, после чего вернулся в Англию.

Он приехал назад с такой репутацией, что перед ним закрылись все двери. Первой это сделала миледи (только что вышедшая замуж), объявив (разумеется, с одобрения сэра Джона),

что нога ее брата не ступит в их доме. Людей отпугивало много пятен в биографии полковника, я остановлюсь здесь лишь на пресловутом алмазе.

Ходили слухи, что он завладел индийским драгоценным камнем при обстоятельствах, о которых, несмотря на свой дерзкий нрав, не желал рассказывать. Он ни разу не пытался продать алмаз – денег у него было достаточно, и он (опять надо отдать ему должное) за ними не гонялся. Камень он никому не отдавал, даже не показывал ни одной живой душе. Одни говорили, что он опасался неприятностей с военными властями, другие (совершенно недооценивая характер этого человека) утверждали, что он никому не показывал драгоценность из страха быть убитым.

Последнее, пожалуй, содержит долю правды. Неправильно считать его трусом, однако все знали, что жизнь его дважды подвергалась опасности в Индии, и оба раза, судя по всему, виной был Лунный камень. Тайна полковника преградила ему путь в светское общество. Мужчины не принимали его в клубах, женщины, причем не одна, за кого он сватался, отвечали отказом, друзья и родственники, встретив его на улице, испытывали приступ близорукости.

Иной мужчина, попав в такой переplet, попытался бы оправдаться перед светом. Однако признавать себя побежденным, даже если ты не прав и все люди твоего круга настроены против тебя, было не в духе полковника. Он не расстался с алмазом в Индии, отмахнувшись от обвинений в убийстве. Точно так же не расстался с ним и в Англии, отмахнувшись от мнения общества. Вот вам портрет этого человека, словно написанный красками на холсте: негибачый упрямец, по-своему красивый мужчина, но, как видно, одержимый дьяволом.

Время от времени до нас доходили разные слухи. Иногда говорили, что он приобщился к курению опиума и коллекционированию старых книг. Иногда, что он устраивал странные химические опыты. А некоторые видели, как он бражничает и веселится в обществе самых низких субъектов лондонских трущоб. Другими словами, полковник вел одинокую, порочную, скрытную жизнь. За все время после его возвращения в Англию я встречался с ним лицом к лицу всего один раз.

Примерно за два года до написания этих строк и за полтора года до своей смерти полковник неожиданно нагрянул в дом миледи в Лондоне. Это было двадцать первого июня, в день рождения мисс Рэчел. В ее честь, как всегда, был устроен прием. Лакей передал, что меня желает видеть какой-то господин. Выйдя в переднюю, я обнаружил там полковника – исхудавшего, изнуренного, постаревшего, обносившегося, но по-прежнему неистового и злоющего.

– Ступайте к моей сестре, – сказал он, – и передайте, что я приехал поздравить свою племянницу с днем рождения.

Он и прежде неоднократно присылал письма, ища примирения с миледи, с единственной целью, как я твердо считаю, чтобы позлить ее. Однако до сих пор лично не приезжал. У меня вертелось на языке сказать, что моя госпожа занята с гостями. Меня остановило зверское выражение на лице полковника. Я поднялся наверх передать сообщение, оставив гостя по его же просьбе ждать в передней. Слуги издали поглядывали на него, как на ходячую бомбу, начиненную порохом и картечью, готовую взорваться в любую минуту.

Семейный норв миледи слегка полыхнул, но она тут же взяла себя в руки.

– Скажите полковнику Гернкастлю, – попросила она после того, как я передал сообщение, – что мисс Вериндер занята, а я отказываюсь его принять.

Помня, что полковник ставит себя выше правил поведения, которых придерживаются джентльмены, я попытался испросить более вежливый ответ. Где там! На этот раз семейный норв полыхнул мне прямо в лицо.

– Когда я нуждаюсь в вашем совете, я всегда о нем спрашиваю, и вы это знаете. Сейчас я в нем не нуждаюсь.

Я спустился вниз передать ответ, который осмелился представить в новом, улучшенном варианте собственного сочинения, а именно:

– Миледи и мисс Рэчел сожалеют, но они очень заняты, полковник. Обе просят их извинить за то, что не могут вас принять.

Я опасался, что он взорвется, даже получив смягченную версию ответа. К моему удивлению, полковник ничего подобного не сделал. Неестественное спокойствие, с которым он воспринял известие, заставило меня насторожиться. Сверкающие серые глаза на мгновение задержались на мне. Полковник рассмеялся – не искренне, как обычно делают люди, а *коварно* – мягким, лающим, очень недобрый смехом.

– Благодарю вас, Беттередж, – сказал он. – Я надолго запомню день рождения племянницы.

С этими словами, повернувшись на каблуках, он вышел из дома.

На следующий год в это же время мы узнали, что он заболел и слег. Через шесть месяцев, то есть за полгода до написания этих строк, миледи получила письмо от одного в высшей степени уважаемого духовного лица. В нем сообщались две чудесные семейные новости. Во-первых, полковник на смертном одре простил сестру. Во-вторых, простил всех остальных и встретил свой конец достойным образом. Лично я питаю к институту церкви (за исключением епископов и попов) неподдельное уважение, однако твердо убежден, что дьявол так и не выпустил из лап достопочтенного Джона и что на закате своей жизни этот гнусный человек совершил очередную гнусную выходку – обвел вокруг пальца священника!

Таков итог того, что я рассказал мистеру Фрэнклину. Я заметил, что по мере продолжения рассказа он прислушивался все больше и ловил каждое мое слово. История о том, как полковнику было отказано в приеме на пороге дома его сестры в день рождения племянницы, похоже, поразила мистера Фрэнклина, как пуля, попавшая точно в цель. Хотя он ничем это не выразил, я заметил на его лице отчетливую тревогу.

– Вы рассказали то, что знали, Беттередж, – произнес он. – Теперь мой черед. Однако, прежде чем сообщать о сделанных мною в Лондоне открытиях и о том, как я оказался впутанным в дело об алмазе, хочу кое-что уточнить. Судя по вашему лицу, мой старый друг, вы не вполне понимаете, что служит предметом нашего разговора. Или ваше лицо меня обманывает?

– Нет, сэр. На этот раз мое лицо говорит правду.

– В таком случае, прежде чем продолжать разговор, пожалуй, следует познакомить вас с моей точкой зрения. На мой взгляд, подарок полковника моей кузине Рэчел поднимает три важных вопроса. Следите внимательно, Беттередж. Можете загибать пальцы, если так вам сподручнее, – сказал мистер Фрэнклин, с удовольствием демонстрируя, что еще не растерял ясность ума, заставив меня вспомнить чудесные времена его детства. – Вопрос первый: являлся ли алмаз полковника предметом заговора в Индии? Вопрос второй: пришел ли этот заговор по пятам полковника в Англию? Вопрос третий: известно ли было полковнику, что заговор последовал за алмазом, и не завещал ли он камень намеренно, чтобы насолить сестре посредством ее ни к чему не причастной дочери? Вот к чему я клоню, Беттередж. Только не пугайтесь.

Он, конечно, молодец, что предупредил, но я *уже* испугался.

Если он был прав, в наш тихий английский дом проник дьявольский индийский алмаз и принес с собой заговор живых негодяев, мстительно спущенных на нас негодяем мертвым. Вот какая картина открылась передо мной в последних словах мистера Фрэнклина! Слыхано ли такое, да еще в девятнадцатом веке, в эпоху прогресса и в стране, вкушающей блага Британской конституции? Никто ничего подобного не слыхивал, а следовательно не обязан верить. Тем не менее я продолжу свою повесть.

Когда вас внезапно настигает ощущение опасности, в девяти случаях из десяти вы чувствуете его животом. Стоит вашему животу почуять опасность, ваше внимание рассеивается, и вы не находите себе места. Я тоже не находил себе места, хотя молча сидел на песке. Мистер Фрэнклин заметил, что у меня стало беспокойно в животе или на уме, в данном случае это одно и то же, в тот момент, когда уже был готов начать свою часть истории, и резко спросил:

– Вам что-то нужно?

Что мне было нужно? Ему я не признался, но вам по секрету скажу: раскурить трубку и принять порцию «Робинзона Крузо».

Глава VI

Оставив при себе свои тайные желания, я вежливо попросил мистера Фрэнклина продолжать, на что тот ответил: «Сидите и не ерзайте, Беттередж».

Молодой господин без обиняков сообщил, что его расследования, связанные с полковником и алмазом, начались с визита (еще до приезда к нам) к семейному юристу в Хэмпстеде. Однажды за ужином, когда они были одни, мистер Фрэнклин проговорился, что отец поручил ему доставить ко дню рождения мисс Рэчел некий подарок. Слово за слово юрист рассказал, что это был за подарок и каким образом полковник был связан с мистером Блэком. События эти настолько невероятны, что вряд ли моих способностей хватит, чтобы их правильно изложить. Поэтому предпочитаю передать отчет об открытиях, сделанных мистером Фрэнклином, его же словами.

– Помните то время, Беттередж, – сказал он, – когда мой отец безуспешно пытался отстоять свое право на злосчастный герцогский титул? Вот-вот! Как раз в этот момент мой дядя Гернкастль и вернулся из Индии. Мой отец обнаружил, что ему в тягбе могли пригодиться какие-то бумаги, которые имелись у шурина. Он приехал к полковнику, делая вид, что рад видеть его в Англии. Полковник на уловку не поддался. «Вам что-то надо, – сказал он, – иначе вы бы не стали рисковать репутацией, нанося визит *мне*». Моему отцу ничего не оставалось, как выложить карты на стол. Он не стал увиливать, что приехал за бумагами. Полковник попросил дать ему один день на размышления. Ответ поступил в виде престранного письма, которое юрист потом мне показал. Полковник начал с того, что и сам нуждается в услуге, а потому предлагает дружеский обмен. Военная удача (именно такое выражение он употребил) вложила в его руки крупнейший алмаз мира, и у него были все основания полагать, что безопасность не гарантирована ни в каком доме ни в одной части света ни ему самому, ни драгоценности, пока он и драгоценность находятся в одном и том же месте. В этой рискованной ситуации он решил отдать алмаз на хранение другому лицу. Данное лицо ничем не рисковало. Ему лишь следовало положить драгоценный камень на хранение в особое хранилище, комнату-сейф банкира либо ювелира, где обычно держат наиболее ценные вещи. От отца мало что требовалось. Он сам либо через доверенное лицо должен был получать отправляемые по условленному адресу и в условленные дни года письма полковника, в которых тот будет сообщать, что на данный момент жив и здоров. Если письмо не приходило в назначенный день, молчание означало, что полковник убит. На такой случай в запечатанном конверте, хранящемся вместе с камнем, были приготовлены и должны быть неукоснительно выполнены особые инструкции о том, как поступить с алмазом. Если мой отец согласится выполнить это странное поручение, то взамен получит бумаги полковника. Вот что говорилось в письме.

– И как поступил ваш отец, сэр? – спросил я.

– Как поступил? Я скажу, как он поступил. Он пустил в ход бесценное качество – здравомыслие и объявил письмо полковника нелепицей. Мол, слоняясь по Индии, полковник где-то подобрал кусок никудышного хрусталя, приняв его за алмаз. А что касалось опасности быть убитым и предосторожностей для сохранения своей жизни и куска хрусталя, то на дворе девятнадцатый век – любой человек, находящийся в своем уме, обратился бы в полицию. Полковник давно слыл большим любителем опиума, и если другого способа заполучить ценные бумаги, кроме как принять опиумный бред за истинное положение вещей, не было, то мой отец соглашался выполнить вздорное поручение, тем более что от него ничего особенного и не требовалось. Алмаз и запечатанный конверт отправились в комнату-сейф его банкира, а регулярные письма полковника, сообщавшие, что он жив и здоров, в качестве поверенного моего отца вскрывал наш семейный юрист, мистер Брефф. Любой здравомыслящий человек, оказавшись он в таком положении, рассудил бы точно так же. Ничто в мире, Беттередж, не кажется нам вероят-

ным, если только не отвечает нашему мелочному опыту. В романтику мы верим, только когда прочитаем о ней в газетах.

Выслушав мистера Фрэнклина, я заподозрил, что в деле с полковником его отец сделал поспешные и ошибочные выводы.

– А что вы сами об этом думаете, сэр? – спросил я.

– Позвольте сначала досказать историю о полковнике. Разум англичанина отличается удивительным отсутствием стройности, Беттередж, и ваш вопрос еще одно тому подтверждение. Когда нас не занимают мысли об изготовлении каких-нибудь механизмов, мы (психически) самые безалаберные существа во вселенной.

«Вот что значит, – подумал я, – заграничное образование. Язвить на наш счет он не иначе выучился во Франции».

Мистер Фрэнклин подхватил оборванную нить разговора и продолжал:

– Мой отец получил нужные бумаги и с тех пор уж никогда не заглядывал к шурину. Каждый год в установленные дни от полковника приходило условленное письмо, и мистер Брефф его вскрывал. Я видел эти письма – целую кучу. Все они были написаны лаконичным, деловым языком: «Сэр, сим подтверждаю, что я жив. Алмаз не трогать. Джон Гернкастль». Ничего другого он не писал, письма приходили точно в срок, первые изменения наметились только шесть или восемь месяцев назад. Новое письмо говорило: «Сэр, мне сообщили, что я скоро умру. Приезжайте, помогите мне составить завещание». Мистер Брефф застал полковника в небольшой загородной вилле, окруженной личными владениями, где тот жил в одиночестве с того времени, как вернулся из Индии. Компанию ему составляли собаки, кошки и птицы. Люди не казали носа – за исключением домработницы да врача. Завещание было простым. Почти все состояние полковник растранижил на химические опыты. Все завещание вместились в три пункта, которые он продиктовал лежа в постели, но в здравом уме и твердой памяти. Первый пункт относился к содержанию и уходу за животными, которые у него жили. Второй учредил кафедру химии в одном из университетов на севере Англии. Третьим Лунный камень завещался племяннице как подарок ко дню рождения на том условии, что мой отец выполнит его волю. Поначалу мой отец отказался. Однако, поразмыслив, уступил – отчасти потому, что исполнение воли завещателя, по его мнению, не должно было вызвать какие-либо осложнения, а отчасти потому, что мистер Брефф счел алмаз все же таки ценной вещью, которую стоило сохранить для мисс Рэчел.

– Сэр, сказал ли полковник, по какой причине он оставил алмаз мисс Рэчел?

– Не только сказал, но и записал черным по белому в своем завещании. У меня с собой есть выдержка, я сейчас вам ее покажу. Не отвлекайтесь, Беттередж! Всеу свое время. Я рассказал о завещании полковника, теперь должен рассказать, что происходило после его смерти. Прежде чем огласить завещание, алмаз следовало оценить. Все ювелиры хором подтвердили, что полковник был владельцем одного из крупнейших алмазов в мире. Точная оценка стоимости камня вызвала серьезные затруднения. По размеру ему не было равных на рынке драгоценных камней, оттенок же и вовсе превращал его в уникальный экземпляр. Неопределенность еще более усиливал дефект – маленький изъян в самой середине алмаза. Но даже с учетом этого недостатка по самым низким оценкам камень тянул на двадцать тысяч фунтов. Представьте себе, как поразился мой отец! Он был на волосок от того, чтобы отказаться от исполнения воли покойного и навсегда потерять драгоценность для семьи. Заинтересовавшись делом всерьез, он решил вскрыть запечатанный конверт с инструкциями, хранившийся вместе с алмазом. Мистер Брефф показал мне этот документ вместе с остальными бумагами. Он содержит (по моему разумению) намек на природу заговора, угрожавшего жизни полковника.

– Выходит, вы верите, сэр, что заговор существовал?

– Не обладая здравомыслием моего отца, я считаю, что жизни полковника грозила опасность – как он и говорил. Наличие секретных инструкций, на мой взгляд, объясняет, почему

он, в конце концов, спокойно умер в постели. В случае его насильственной смерти (то есть если бы очередное письмо не поступило в установленный срок) мой отец должен был тайно отправить Лунный камень в Амстердам. Там алмаз предписывалось сдать известному огранщику, чтобы тот расколол его на четыре, пять или шесть отдельных камней. Эти камни затем следовало продать по ходовой цене, а вырученные деньги перевести в фонд кафедры экспериментальной химии, который полковник учредил своим завещанием. А теперь, Беттередж, раскиньте мозгами и сделайте вывод, который напрашивается из инструкций полковника!

Я немедленно раскинул. Мозги у меня английские, безалаберные и все на свете путали, пока мистер Фрэнклин не взялся за них и не указал верное направление.

– Обратите внимание, что целостность алмаза была искусно увязана с предохранением полковника от насильственной смерти. Ему было недостаточно сказать врагам: «Убив меня, вы ни на шаг не приблизитесь к алмазу; он в таком месте, где вы его не достанете, – в комнате-сейфе банка». Вместо этого он сказал: «Если убьете меня, алмаз перестанет быть алмазом, он будет уничтожен как реликвия». Что это означает?

Тут меня озарила (как мне показалось) вспышка хваленой заграничной прозорливости.

– Знаю, знаю! – воскликнул я. – Это означает, что ценность камня уменьшится и негодяи останутся с носом!

– Ничего подобного. Я наводил справки. Алмаз с дефектом, если его расколоть, принес бы больше денег, чем целый, – по той простой причине, что от четырех до шести сделанных из него идеальных бриллиантов, вместе взятые, стоят больше одного крупного, но неполноценного камня. Если целью заговора было ограбление, то инструкция полковника лишь усиливала притягательную ценность алмаза для воров. Побывай он в руках амстердамских огранщиков, за него можно было бы выручить больше денег, а сбыть его на алмазном рынке было бы куда проще.

– Господи помилуй, сэр! – не выдержал я. – Так в чем же состоял заговор?

– Его сплели индусы, которым камень принадлежал изначально. Заговор проистекает из какого-то древнего индийского суеверия. Таково мое мнение, и семейные бумаги, которые я с собой прихватил, это подтверждают.

Я, наконец, понял, почему появление трех индусов-фокусников у нашего дома так заинтересовало мистера Фрэнклина.

– Не хотел бы навязывать свое мнение, – продолжал мистер Фрэнклин, – однако представление о неких жрецах индусского суеверия, посвятивших свою жизнь, невзирая на трудности и опасности, поиску удобного случая, чтобы возратить священную драгоценность, полностью отвечает нашему знанию того, как терпеливы народы Востока и как велико влияние восточных религий. С другой стороны, я одарен богатым воображением. Мой ум не ограничен такими представлениями о реальности, как мясник, пекарь и сборщик налогов. А потому отложим мою догадку в сторону и зададимся единственным практическим вопросом: продолжает ли заговор действовать после смерти полковника? И знал ли об этом полковник, оставляя алмаз в подарок своей племяннице?

Теперь мне стало ясно, какое место миледи и мисс Рэчел занимали в этом деле. Я не пропустил ни единого сказанного им слова.

– Узнав историю Лунного камня, – сказал мистер Фрэнклин, – я потерял желание играть роль посредника в его доставке сюда. Однако мистер Брефф напомнил, что кому-то надо было передать в руки моей кузины ее подарок и что я мог бы сделать это не хуже других. Когда я забирал алмаз из банка, мне показалось, что за мной следил какой-то смуглый оборванец. Я отправился в дом отца забрать свои вещи и обнаружил там письмо, вынудившее меня задержаться в Лондоне. Я вернулся с алмазом в банк и по дороге заметил все того же оборванца. Забирая камень из банка еще раз этим утром, я увидел этого человека в третий раз, ускользнул от него и (пока он снова не взял мой след) отбыл утренним поездом вместо вечернего. Я

наконец доставил алмаз в целости и сохранности, и что я слышу в первую же минуту? Что к дому приходили три бродячих индуса и с большим интересом обсуждали, когда рядом никого не было, мой приезд из Лондона и некий предмет, который я должен был привезти. Не буду тратить слова и время на поливание ладони чернилами и наблюдения за чужими карманами на расстоянии. На мой взгляд – и на ваш тоже – это обыкновенный фокус (каких я немало повидал на Востоке). От нас требует ответа более насущный вопрос: не придаю ли я слишком большое значение простому совпадению? Или же мы видим свидетельство того, что индусы устроили охоту на Лунный камень, как только он был извлечен из надежного банковского хранилища?

Ни мистер Фрэнклин, ни я не испытывали большого желания копаться в этом деле. Мы переглянулись и молча уставились на прилив, все больше затоплявший Зыбучие пески.

– О чем вы думаете? – неожиданно спросил мистер Фрэнклин.

– Я думаю, сэр, – ответил я, – что алмаз неплохо бы забросить в Зыбучие пески и так покончить с делом раз и навсегда.

– Если у вас в кармане лежит сумма, равная стоимости алмаза, вы только скажите, Беттередж, и я немедленно его выброшу!

Занятно, как быстро пустая шутка способна успокоить мятущийся ум. В ту минуту нас развеселила мысль об уничтожении законного имущества мисс Рэчел и ужасных неприятностях для мистера Блэка как исполнителя завещания, но, вспоминая всю сцену теперь, я недоумеваю, что в ней было смешного.

Мистер Фрэнклин первым вернул нашу беседу в нужное русло. Он достал из кармана конверт, открыл его и подал мне вложенный в него документ.

– Беттередж, – сказал он, – причину, по которой полковник решил оставить наследство племяннице, следует рассматривать исходя из его отношений с моей тетей. Вспомните, как леди Вериндер отнеслась к брату по его возвращении в Англию и тот вечер, когда он сказал вам, что надолго запомнит день рождения племянницы. И прочитайте вот это.

Он протянул мне выдержку из завещания полковника. Она лежит передо мной, когда я пишу эти строки. Я переписываю ее для вашего удобства:

«В-третьих и последних, дарую и завещаю моей племяннице, Рэчел Вериндер, дочери и единственному ребенку моей сестры, вдовы Джулии Вериндер, если ее мать, означенная Джулия Вериндер, будет жива на следующий день рождения Рэчел Вериндер после моей смерти, принадлежащий мне желтый алмаз, известный на Востоке как Лунный камень, – исключительно при условии, что ее мать, означенная Джулия Вериндер, будет жива в этот день. Настоящим выражаю желание, чтобы мой душеприказчик передал алмаз сам либо с помощью надежного доверенного лица, выбранного по его усмотрению, в личное владение вышеуказанной племянницы Рэчел в следующий после моей смерти день ее рождения в присутствии, если таковое возможно, вышеозначенной Джулии Вериндер. И желаю, чтобы моя вышеозначенная сестра была оповещена посредством верной копии о третьем и последнем пункте моего завещания касательно того, что я передаю алмаз ее дочери Рэчел в знак моего безусловного прощения вреда, нанесенного при моей жизни моей репутации ее поведением, и особенно в доказательство того, что я, как и подобает умирающему, прощаю оскорбление, нанесенное мне как офицеру и джентльмену тем, что ее слуга по ее указанию не впустил меня в ее дом в день рождения ее дочери».

Далее объяснялось, что в случае смерти миледи или мисс Рэчел после кончины завещателя алмаз должен быть отправлен в Голландию согласно инструкциям, сданным на хранение вместе с алмазом в запечатанном конверте. Вырученные деньги предлагалось добавить к сумме, оставленной по завещанию для учреждения кафедры химии в одном из университетов северной Англии.

Я вернул документ мистеру Фрэнклину, теряясь в догадках, что ответить. До этого момента, по моему мнению, как вы знаете, полковник жил и умер нечестивцем. Нельзя ска-

зять, что выписка из его завещания побудила меня изменить это мнение на противоположное, однако я, признаться, был потрясен.

– Ну, – спросил мистер Фрэнклин, – что, прочитав слова полковника, вы теперь скажете? Доставляя Лунный камень в дом моей тетки, какую роль я выполняю – слепого орудия мести или поборника раскаявшегося христианина?

– У меня не поворачивается язык сказать, что он умер с гнусной жадной мести и гнусной ложью в сердце. Один Бог знает истину. Меня не стоит спрашивать.

Мистер Фрэнклин вертел выписку из завещания и так, и эдак, словно хотел выжать из нее признание. Облик юноши заметно переменялся – с оживленного и веселого на тихий, угрюмый и задумчивый.

– Вопрос этот имеет две стороны, – сказал он. – Объективную и субъективную. Какую выберем?

Мистер Фрэнклин получил два образования – во Франции и Германии. До настоящего момента он безраздельно (как я полагал) находился под влиянием одного из них. А теперь (насколько я заметил) возобладавало второе. Я давно завел себе привычку не обращать внимания на то, в чем не разбираюсь. Поэтому между объективной и субъективной сторонами решил выбрать золотую середину. Другими словами, вытаращил глаза и промолчал.

– Попытаемся разобраться в исконных мотивах, – продолжал мистер Фрэнклин. – Почему мой дядя решил оставить алмаз Рэчел? Почему не моей тете?

– Тут и гадать нечего. Полковник Гернкастль прекрасно понимал, что миледи не примет от него никаких подарков.

– Откуда он мог знать, что подарок примет Рэчел?

– Есть ли на этом свете, сэр, такая девушка, которая отказалась бы принять Лунный камень в дар на свой день рождения?

– Это – субъективный взгляд. И он делает вам честь, Беттередж. Однако завещание полковника имеет еще один загадочный нюанс, которого мы пока не коснулись. Чем объяснить передачу подарка в день рождения Рэчел только на том условии, что в это время должна быть жива ее мать?

– Не хочу порочить покойника, но если он действительно намеревался создать трудности и угрозу сестре, используя ее дочь, то такой замысел требовал, чтобы сестра его была жива и способна оценить доставленную неприятность.

– О-о! Вот как вы смотрите на его побуждения? Еще одна субъективная оценка! Вам не приходилось бывать в Германии, Беттередж?

– Нет, сэр. А как, осмелюсь спросить, на это смотрите вы?

– Я допускаю, что полковник задавался целью не столько доставить удовольствие племяннице, которую он в глаза не видел, сколько доказать сестре, любезно сделав подарок ее дочери, что простил ее. Исходя из субъективно-объективного взгляда на вещи, можно сделать вывод, совершенно противоположный вашему, Беттередж. Насколько я могу судить, одно объяснение ничуть не хуже другого.

Мистер Фрэнклин, похоже, решил закончить разговор на этой приятной и удобной для него ноте. Он лег спиной прямо на песок и спросил, что ему теперь делать.

Он рассуждал столь умно и здраво (прежде чем его занесло в чужеземные дебри), настолько хорошо вел тему до настоящего момента, что я оказался совершенно не готов к резкой перемене и просьбе о помощи. И лишь позднее – не без участия мисс Рэчел, первой сделавшей это открытие, – я осознал, что удивительные скачки и трансформации в характере мистера Фрэнклина объяснялись влиянием заграничного образования. В том возрасте, когда мы формируем оттенки своих воззрений как отражение оттенков воззрений других людей, его отправили за границу, и он переезжал из одной страны в другую, так и не определившись с палитрой своих собственных взглядов. В итоге мистер Фрэнклин возвратился, имея в своем

характере столько разнообразных и во многом противоречивых оттенков, что, казалось, проводил все время в постоянном разладе с самим собой. Он одновременно бывал и деловым, и ленивым, и умницей, и бестолковщиной, примером решимости и образцом беспомощности – и все это одновременно. В нем уживались французская натура, германская натура и итальянская натура. А иногда проглядывали исконно британские корни, словно говоря: «Эй, мы еще здесь, удивительным образом преобразившиеся, но в самой глубине от нас еще кое-что осталось». Когда наступали такие минуты и мистер Фрэнклин неожиданно сдавался и с милой застенчивостью предлагал переложить собственную ответственность на ваши плечи, верх в нем, по наблюдению мисс Рэчел, брала итальянская натура. Справедливо предположить, что итальянская натура одержала победу и теперь.

– Не вам ли самому решать, что делать дальше, сэр? Уж верно, не мне?

Мистер Фрэнклин, похоже, не уловил нажима, с которым я задал вопрос. Казалось, что он вообще потерял способность что-либо замечать вокруг кроме синего неба над головой.

– Я не хочу тревожить тетю без причины, – сказал он. – Но совсем не предупредить тоже нельзя. Одним словом, будь вы на моем месте, Беттередж, что бы вы сделали?

Я ответил, как и просили, одним словом: «Подождал».

– Я-то готов ждать – со всем сердцем. Но как долго?

Одного слова все-таки не хватило.

– Насколько я понял, сэр, кто-то должен вложить этот несчастный алмаз в руки мисс Рэчел в день ее рождения, и вы способны сделать это не хуже любого другого. Хорошо. Сегодня двадцать пятое мая, а день рождения – двадцать первого июня. До него добрых четыре недели. Давайте подождем и посмотрим, что произойдет за это время. А предупреждать ли миледи, решим по обстоятельствам.

– Превосходно, Беттередж! А что до дня рождения делать с алмазом?

– Разумеется, то же самое, что делал ваш отец, сэр! Ваш батюшка положил алмаз на хранение в лондонский банк. Положите его на хранение в банк во Фризингхолле. (Фризингхолл – наш ближайший город, и здешний банк не уступает в надежности лондонскому). На вашем месте я бы отправился во Фризингхолл еще до возвращения дам.

Перспектива некоего занятия, тем более поездки верхом, заставила мистера Фрэнклина молниеносно покинуть лежачее положение. Он вскочил на ноги и без церемоний поставил на ноги меня.

– Беттередж, вам цены нет! Идите со мной, распорядитесь немедля седлать лучшую лошадь в конюшне.

Наконец-то (и слава богу!) из-под заграничного лака проглянули британские корни! Передо мной был мистер Фрэнклин, каким я его помнил, готовый хоть сейчас скакать верхом, как в добрые старые времена. Седлать для него лошадь? Да я бы седлал дюжину лошадей, если бы он мог поехать на всех разом!

Мы спешно вернулись к дому, чтобы так же спешно приготовить самую резвую лошадь. Мистер Фрэнклин спешно ускакал, чтобы в очередной раз оставить проклятый алмаз в банковском хранилище. Когда стук копыт на дорожке затих и я, вернувшись во двор, вновь остался один, меня даже разобрали сомнения, не привиделась ли мне вся эта сцена во сне.

Глава VII

Пребывая в замешательстве и остро нуждаясь в покое и уединении, чтобы привести мысли в порядок, я наткнулся (как, бывало, сталкивался на лестнице с ее покойной матерью) на свою дочь Пенелопу, которая потребовала немедленно передать ей содержание моего разговора с мистером Фрэнклином. Положение обязывало, не сходя с места, прихлопнуть любопытство Пенелопы, как муху. Соответственно я объяснил, что мы с мистером Фрэнклином толковали о внешней политике, пока не выдохлись и не задремали на солнышке. Попробуйте дать похожий ответ на неудобный вопрос, заданный женой или дочерью в неудобное время, и можете не сомневаться, что они с истинно женской лаской и поцелуями подлизуются и зададут его еще раз.

Миледи и мисс Рэчел вернулись домой ближе к вечеру.

Стоит ли говорить, как они были поражены, что мистер Фрэнклин Блэк уже прибыл и успел ускакать на лошади. Стоит ли говорить, что и они стали задавать неудобные вопросы, от которых на этот раз нельзя было отделаться ссылаясь на разговоры о внешней политике и полуденную дремоту. Исчерпав запасы изобретательности, я сказал, что раннее прибытие мистера Фрэнклина утренним поездом следует отнести на счет его общеизвестных причуд. На вопрос, не является ли скоропалительный отъезд верхом еще одной причуды, я ответил «воистину» и, как мне показалось, ловко вывернулся из щекотливого положения.

Преодолев препятствия в лице дам, я столкнулся с новыми трудностями, поджидавшими меня в моей собственной комнате. Пенелопа явилась подлизываться с истинно женской лаской и поцелуями и с истинно женским любопытством задала новый вопрос. На этот раз ее интересовало, что происходит с нашей второй горничной Розанной Спирман.

Покинув нас с мистером Фрэнклином на Зыбучих песках, служанка вернулась в дом в загадочном расположении духа. Ее лицо, по словам Пенелопы, семь раз поменяло цвет, Розанна то без причины радовалась, то без причины впадала в уныние. На одном дыхании задавала сотню вопросов о мистере ФрэнкLINE Блэке и тут же огрызнулась на Пенелопу, когда та осмелилась спросить, чем незнакомый джентльмен мог ее заинтересовать. С озадаченным видом, улыбаясь, Розанна чертила имя мистера Фрэнклина на корзинке с рукодельем. С не менее озадаченным видом, плача, рассматривала в зеркале свое кривое плечо. Неужели она встречала мистера Фрэнклина раньше? Быть такого не может! Или они что-то слышали друг о друге? И этого не могло быть! Я был готов поручиться, что мистер Фрэнклин неподдельно удивился, заметив, с каким выражением смотрела на него горничная. Пенелопа подтвердила, что и Розанна с искренним женским любопытством задавала вопросы о мистере ФрэнкLINE. Эти пересуды и без того были мне в тягость, как вдруг Пенелопа прервала наш разговор, выпалив самое чудовищное предположение, какое мне когда-либо приходилось слышать.

– Отец! – на полном серьезе сказала моя дочь. – Здесь не может быть других объяснений. Розанна с первого взгляда влюбилась в мистера Фрэнклина!

Вы, конечно, слышали о влюбляющихся с первого взгляда юных девах, и такое поведение не казалось вам необычным. Но чтобы принятая на работу из исправдома горничная с невзрачной физиономией и ущербным плечом влюбилась с первого взгляда в джентльмена, приехавшего в гости к ее хозяйке? Попробуйте найти большую глупость в любом романе, изданном в христианском мире. Я хохотал до слез. Странно, но Пенелопе моя веселость пришлось не по вкусу.

– Я прежде не замечала за тобой жестокости, папа, – тихо проговорила она и выбежала из комнаты.

Слова дочери окатили меня, как ушат холодной воды. Как только они сорвались у нее с языка, я страшно разозлился на себя, что принял их слишком близко к сердцу, но что случи-

лось, то случилось. Сменим тему, пожалуй. Прошу прощения, что отвлекся и написал об этом – на то есть причина, и вы скоро о ней узнаете.

Прежде чем мистер Фрэнклин вернулся из Фризингхолла, наступил вечер и успели позвонить переодеться к ужину. Я лично отнес горячую воду в его комнату, ожидая услышать, что длительная задержка была вызвана какими-то происшествиями. К моему (и вашему, несомненно, тоже) великому разочарованию, ничего необычного не случилось. Никаких встреч с индусами по дороге туда и обратно. Мистер Фрэнклин сдал Лунный камень в банк, указав лишь, что речь идет о ценной вещи большой стоимости, и привез с собой расписку. Спускаясь по лестнице, я думал, что после первоначальной дневной суматохи, вызванной алмазом, концовка дня выдалась несколько прозаической.

О том, как прошла встреча мистера Фрэнклина с его тетей и кузиной, я ничего не могу сообщить.

Я бы много дал, чтобы прислуживать за столом в тот вечер. Однако служить за столом (за исключением больших семейных празднеств) при моем положении в доме значило бы потерять достоинство в глазах других слуг – по мнению миледи, я и так был к этому склонен и мог бы обойтись без новых поводов. Новости из высших сфер в тот вечер мне доставляли Пенелопа и лакей. Моя дочь сказала, что никогда еще не видела, чтобы мисс Рэчел так тщательно занималась прической и выглядела так ярко и привлекательно, как перед встречей с мистером Фрэнклином в парадной гостиной. Лакей сообщил, что сохранять степенность в присутствии господ и прислуживать за ужином мистеру Фрэнклину Блэку – совершенно несовместимые вещи, каких он не припомнит за все время службы. Позже вечером мы слышали, как пара поет дуэтом, мистер Фрэнклин брал слишком высоко, мисс Рэчел – еще выше, миледи за пианино попевала за ними через пень-колоду, но в конце концов успешно подвела их к финалу, и из открытых окон на ночную террасу полилась чудесная, стройная музыка. Еще позже я пришел к мистеру Фрэнклину в курительный салон с бренди и содовой и обнаружил, что мисс Рэчел совершенно вытеснила мысли об алмазе из его головы.

– Очаровательнее девушки не сыскать во всей Англии! – вот все, что я смог извлечь из него, когда попытался завязать разговор о серьезных вещах.

К полуночи я, как обычно, сделал обход дома вместе с моим заместителем (лакеем Самюэлем). Когда все двери за исключением бокового выхода на террасу были заперты, я отправил Самюэля почивать, а сам перед сном вышел подышать свежим воздухом.

Ночь стояла спокойная и душная, в небе висела полная луна. На дворе было так тихо, что до меня временами доносился слабый, глухой шум волн, набегающих на песчаную отмель у входа в нашу маленькую бухту. Дом со стороны террасы был погружен в темноту, однако огибающую террасу галечную дорожку хорошо освещал яркий лунный свет. Опустив глаза, я заметил отбрасываемую светом луны тень притаившегося за углом дома человека.

Будучи старым и хитрым, я не стал окликать чужака. К сожалению, я был также стар и неуклюж, и скрип гальки под ногами выдал меня с головой. Прежде чем я успел потихоньку обойти вокруг угла дома, послышался поспешно удаляющийся топот легких ног – легче моих, причем не одной пары. Пока я подходил к углу, незваные гости, кто бы они ни были, успели нырнуть в кусты на дальнем конце дорожки и скрыться из виду за густыми деревьями и кустарниками, покрывавшими эту часть усадьбы. Под прикрытием кустов они могли перелезть через ограду и выйти прямо на дорогу. Будь я на сорок лет моложе, я бы, пожалуй, догнал их, помешав покинуть нашу территорию. В моем возрасте, однако, мне пришлось возвращаться, чтобы призвать на помощь пару ног помоложе. Никого не будя, мы с Самюэлем взяли пару ружей, обошли вокруг дома и прочесали кусты. Убедившись, что на территории усадьбы никого нет, мы повернули назад. Проходя по той части дорожки, откуда я заметил тень, я запоздало обнаружил на чистой гальке небольшой сверкающий в лунном свете предмет. Подняв его, я увидел маленький флакон с густой, приторно пахнущей чернильно-черной жидкостью.

Я ничего не стал объяснять Самюэлю. Однако, помня рассказ Пенелопы о фокусниках и черной жидкости на ладони мальчишки, немедленно заподозрил, что спугнул трех индусов, притаившихся возле дома, с языческим упорством пытавшихся выяснить, где алмаз находился этой ночью.

Глава VIII

Здесь я считаю нужным взять минутную паузу.

Сверившись с собственной памятью и дневниковыми записями Пенелопы, я не вижу нужды долго задерживаться на промежутке времени между появлением мистера Фрэнклина и днем рождения мисс Рэчел. По большей части дни текли, не принося событий, достойных пера. С вашего позволения и с помощью Пенелопы я упомяну здесь лишь некоторые даты, оставив за собой право вернуться к каждодневному повествованию с того момента, когда Лунный камень стал главной заботой каждого человека в нашем доме.

Вернемся назад – к бутылочке приторно пахнущих чернил, подобранной мной на дорожке во время ночной вылазки.

На следующее утро (двадцать шестого мая) я предъявил мистеру Фрэнклину реквизит фокусников и рассказал ему то, что уже сообщил вам. Он выразил мнение, что индусы мало того, что прятались около дома, очевидно, глупо верили в свое колдовство: будто пассы над головой мальчика и чернила на его ладони позволяли видеть людей и предметы вне досягаемости человеческих органов зрения. И в Англии, и на Востоке есть те, сообщил мистер Фрэнклин, кто практикует этот любопытный фокус (правда, без помощи чернил) и называет его каким-то французским словом, похожим на «ясность видения».

– Можете не сомневаться, – закончил он, – индусы загодя решили, что мы держим алмаз в доме, и привели своего мальчика-ясновидца, чтобы тот показал им, где он лежит, если бы у них получилось забраться в дом вчера ночью.

– Вы полагаете, они повторят попытку, сэр?

– Это зависит от реальных способностей мальчика. Если он действительно способен увидеть, что алмаз лежит в стальном сейфе банка Фризиголла, новых появлений индусов можно пока не опасаться. А если нет, у нас появится еще одна возможность поймать их в кустах в одну из ближайших ночей.

Я был почти уверен во втором, но, как ни странно, этого не случилось.

Или фокусники пронюхали в городе, что мистера Фрэнклина видели в банке, и сделали правильные выводы, или мальчишка действительно увидел алмаз там, где он теперь хранится (во что я наотрез отказываюсь поверить), а может, по чистой случайности, но в течение несколько недель, оставшихся до дня рождения мисс Рэчел, ни один индус и носа не показал около нашего дома. Фокусники занимались своим ремеслом в городе, а мы с мистером Фрэнклином ждали новых событий в решимости не открывать наши подозрения прохожим раньше времени. Я рассказал о том, как отнеслись к событию обе стороны, а более об индусах мне нечего добавить.

Двадцать девятого мая мисс Рэчел и мистер Фрэнклин нашли новый совместный способ убивать отягивающее им руки время. Подробное описание их развлечения приведено здесь не случайно. Вы увидите, что оно повлияло на дальнейшие события.

Люди благородных кровей, идя по жизни, спотыкаются о крайне неудобный камень – собственную праздность. Свою жизнь они по большому счету проводят в поисках, чем бы таким заняться. Любопытно наблюдать – особенно в том случае, когда господа мнят себя интеллектуалами, – как часто они очертя голову предаются какой-нибудь безобразной затее. В девяти из десяти случаев они кого-нибудь мучают или что-нибудь портят, твердо уверовав, что развивают собственный ум, в то время как на самом деле просто устраивают в доме беспорядок. Я наблюдал, как и леди (увы!), и джентльмены день за днем расхаживают с пустыми коробочками, ловят тритонов, жуков, пауков и лягушек, а вернувшись домой, протыкают несчастных булавками или режут без зазрения совести на мелкие кусочки. Нередко можно видеть, как молодой барин или барышня пялится в лупу на паучьи внутренности, как побывавшая в их

руках лягушка без головы ковыляет по лестнице, и, если вы спросите, чем вызвана такая бессердечная жестокость, вам ответят, что ребенок проявляет склонность к естественным наукам. В другой раз можно наблюдать, как они губят прекрасный цветок, тыча в него из праздного любопытства острыми инструментами, выясняя, из чего он сделан. Станет ли цветок красивее, будет ли он приятнее пахнуть, если они это узнают? Что вы! Бедняжкам надо чем-то занять время, разве вы не видите? Им просто надо занять свое время. В детстве вы копались в грязи и лепили «кулички». Теперь вы подросли и копаетесь в гадкой науке, расчлняете пауков, портите цветы. Что в одном, что в другом случае разгадка заключается в том, что вам не о чем думать вашей бедной пустой головой, а у ваших бедных праздных ручюнок нет никакой работы. И вот вы уже мажете краской холст и разводите вонь на весь дом, или держите в стеклянном ящике с грязной водой головастиков, от которых всех в доме мутит, или на каждом шагу откалываете и собираете кусочки камней, из-за чего еда хрустит на зубах, или пачкаете себе пальцы, вообразив себя фотографом и уродуя лица всех домочадцев. Несомненно, людям, вынужденным зарабатывать на жизнь, одежду, кров и пищу, подчас бывает тяжело. Однако сравните самую тяжелую поденную работу, которую вам доводилось делать, с той праздностью, что рассекает цветы и ковыряется в животе у пауков, и вы поблагодарите вашу судьбу за то, что у вас есть о чем думать и что для ваших рук имеется настоящее занятие.

Рад сообщить, что мистер Фрэнклин и мисс Рэчел хотя бы никого не мучили. Они ограничивались созданием беспорядка и, надо отдать им должное, испортили всего лишь облицовку двери.

Всесторонний гений мистера Фрэнклина попробовал на зуб все на свете, не пропустив в том числе «декоративную живопись». Он сообщил нам, что изобрел новый состав для разжижения краски, который называл «связующее». Из чего оно состояло, мне неизвестно. Но главное свойство могу описать в двух словах – состав вонял. Мисс Рэчел не терпелось испробовать новую технику. Мистер Фрэнклин послал в Лондон за материалами, смешал их и развел такую вонь, что расчихались собаки. Он повязал вокруг платья мисс Рэчел передник и нагрудник и усадил ее за раскрашивание двери ее личной маленькой гостиной, которую – видимо, не сумев подобрать подходящее английское слово – она называла «будуаром». Парочка начала красить дверь с внутренней стороны. Мистер Фрэнклин пемзой соскреб с нее прекрасный лак, чтобы, по его выражению, подготовить рабочую поверхность. Затем мисс Рэчел под надзором и при помощи мистера Фрэнклина покрыла ее узорами и фигурами – грифонами, птицами, цветами, купидонами и тому подобными вещами, срисованными с картин известного итальянского художника, чье имя я запомнил. Кажется, того самого, что весь мир завалил мадоннами и водил шашни с дочерью пекаря. Если называть эту роспись работой, то продвигалась она медленно и была грязной. Однако юная леди и джентльмен, казалось, ни капли не уставали ей заниматься. В любое время, если не катались верхом, не принимали гостей, не трапезничали и не пели дуэтом, они сидели голова к голове и с долготерпением пчелок портили дверь. Как, бишь, звали того поэта, что сказал «сатана всегда найдет дурное занятие для праздных рук»? Нет ничего правдивее – как если бы он занял мое место и своими глазами увидел мисс Рэчел с ее кистью и мистера Фрэнклина с его связующим составом.

Очередной день, достойный упоминания, пришелся на воскресенье, четвертое июня.

В тот вечер мы в людской впервые обсуждали один хозяйственный вопрос, который, как и покраска двери, сыграл свою роль в грядущих событиях.

Видя, какое удовольствие мистер Фрэнклин и мисс Рэчел находили в обществе друг друга, какой прелестной парой выглядели во всех отношениях, мы, разумеется, начали пересуды о том, не найдут ли они общий язык помимо разукрашивания двери. Одни предсказывали, что свадьбу сыграют еще до конца лета. Другие (со мной во главе) признавали, что мисс Рэчел, возможно, и выйдет замуж, но только сомневались (по причинам, которые я вскоре назову), что женихом будет мистер Фрэнклин Блэк.

В том, что мистер Фрэнклин был влюблен, любой, кто его видел, не мог сомневаться. Понять намерения мисс Рэчел было труднее. Окажите мне честь представить ее и тогда уж решайте сами.

Приближалось двадцать первое июня – юной госпоже исполнялось восемнадцать лет. Если вам нравятся брюнетки (которые, я слышал, вышли из моды в этом беспутном мире) и если вы не придираетесь к росту, поручусь, что вам не приходилось видеть девушку прелестнее мисс Рэчел. Невысокого росточка, худенькая, но прекрасно сложенная с головы до ног. То, как она садится, встает и особенно ходит, у любого мужчины в здравом уме не оставило бы сомнений, что прелестями своей фигуры (если будет позволено так выразиться) она обязана плоти, а не платью. Таких черных волос я ни у кого не видел. Под стать им были глаза. Должен признать, что нос ее невелик. Губы и подбородок – нектар богов (по выражению мистера Фрэнклина). Цвет лица (согласно тому же авторитетному источнику) теплотой не уступал солнцу, имея при этом одно существенное преимущество – на него всегда приятно было смотреть. Прибавьте ко всему, что головку она держала прямо, как стрела, – смело, одухотворенно, благородно, что голос ее был чист и звонок, как металл, улыбка, не успев появиться на губах, рождалась сначала в глазах, и вот вам живой портрет в полный рост!

А как же характер? Неужели у очаровательного создания не было никаких изъянов? Изъянов у нее не больше и не меньше вашего, мадам.

Если говорить серьезно, то милая и прекрасная мисс Рэчел, наделенная массой изящества и привлекательности, имела один существенный недостаток, который меня побуждает упомянуть строгая беспристрастность. Она отличалась от других девушек ее возраста независимым складом ума и упрямством, позволявшим ей выступать против общепринятой моды, когда та ее не устраивала. В мелочах подобная независимость была даже хороша, но в серьезных делах (на взгляд миледи и на мой тоже) заводила ее слишком далеко. Она имела собственные суждения, что редко встречается у женщин в два раза старше ее, никогда не спрашивала ни у кого совета, не объявляла заранее, что намеревается сделать, никому, даже матери, не доверяла секреты и личные тайны. В большом и малом, с теми, кого она любила, и с теми, кого ненавидела (делая и то и другое с полной самоотдачей), мисс Рэчел всегда шла своей дорогой и полагалась и в радостях, и в печалях только на себя. Я много раз слышал от миледи: «Лучшая подруга Рэчел и ее наихудший враг – она сама».

Сделаем еще одно добавление и на этом закончим.

При всей его сдержанности и своеволии в характере Рэчел не было ни капли фальши. Я не помню, чтобы она хоть раз нарушила данное слово или сказала «нет», подразумевая «да». В детстве, как я помню, эта добрая душа не раз брала на себя вину и наказание за прегрешения товаров, которых любила. Если находили истинного виновника и ее призывали к ответу, она все равно не признавалась. Но и лгать никому не лгала. Просто смотрела вам в лицо, упрямо трясла маленькой головкой и повторяла: «Не скажу!» Когда ее наказывали за дерзость, просила прощения за свое «не скажу», но даже посаженная на хлеб и воду все равно молчала. Своевольная, чертовски своевольная натура, но в то же время ангельская – каких не сыскать на этом свете. Вы усматриваете здесь противоречие? В таком случае шепну вам на ухо: в ближайшие сутки как следует понаблюдайте за своей женой. Если ваша лучшая половина за это время не выкажет каких-нибудь противоречий, помощи вам Бог! – вам досталось в жены исчадие ада.

Теперь вы знакомы с мисс Рэчел, что вплотную подводит нас к вопросу о том, как юная леди смотрела на замужество.

Двенадцатого июня моя хозяйка отправила письмо некому джентльмену в Лондоне с приглашением приехать на встречу дня рождения Рэчел. Я решил, что это тот самый счастливец, кому юная леди тайком вверила свое сердце! Как и мистер Фрэнклин, он приходился ей кузеном. Его звали Годфри Эблудит.

Второй сестре миледи (не бойтесь, мы не станем углубляться в семейную историю еще раз), так вот, второй сестре миледи не повезло в любви. Следуя принципу «была не была», она пошла на мезальянс. Когда благородная Каролина твердо решила выйти за незнатного мистера Эблудайта, банкира из Фризингхолла, вся семья жутко всполошилась. Жених был очень богат, очень уважаем и очень плодовит, произведя на свет обильное потомство, – все это говорило в его пользу. Однако он метил в высший свет из низов – это было против него. И все-таки новые времена и прогресс современного просвещения упрощали дело – мезальянс выдержал испытание. Мы теперь все немножко либералы, и, будь я хоть членом парламента, какое мне дело (пока мы чешем друг другу спинку), дворник вы или граф? Так на это смотрит нынешний мир, и я не хочу от него отставать. Эблудайты жили в красивом доме с поместьем в окрестностях Фризингхолла. Люди очень достойные и уважаемые во всей округе. Мы не будем долго ими заниматься на этих страницах и сделаем исключение лишь для мистера Годфри, второго сына мистера Эблудайта, на котором я должен остановиться поподробнее из-за мисс Рэчел.

При всей яркости ума и прочих положительных качествах у мистера Фрэнклина, на мой взгляд, почти не было шансов затмить мистера Годфри в глазах юной леди.

В первую очередь, мистер Годфри был куда более видным мужчиной, ростом выше шести футов, румяный, с белой кожей и круглым лицом, выбритым глаже ладони, прекрасными длинными волосами соломенного цвета, небрежно откинутыми назад. Зачем, вы спросите, я так подробно его описываю? Ну, если вы член дамского благотворительного кружка в Лондоне, то наверняка знаете мистера Годфри Эблудайта не хуже моего. По профессии он был адвокатом, по темпераменту – дамским угодником, по зову сердца – добрым самаритянином. Женщины – как филантропки, так и нуждающиеся – не могли без него ступить и шагу. Общество помощи бедствующим роженицам, общество спасения падших женщин Св. Магдалины, решительно настроенное общество по трудоустройству бедствующих женщин вместо бедствующих мужчин, мол, мужчины пусть выкручиваются сами, – он для всех играл роль вице-председателя, управляющего, арбитра. Стоило женскому комитету собраться за столом совещаний, мистер Годфри был тут как тут, успокаивал нервы, наставлял милых созданий на тернистый путь протягивания шляпы. Англия еще не рождала более блестящего филантропа (и с более скромным доходом). Лучшего оратора для благотворительных собраний, чтобы выжать из вас слезы и деньги, невозможно было сыскать. Он был общественной фигурой. Когда я ездил в Лондон последний раз, моя хозяйка сделала мне два подарка – билет в театр подивиться на танцовку, от которой все сходили с ума, и билет в Экстер-Холл послушать выступление мистера Годфри. Танцовщице помогал оркестр. Оратору – лишь носовой платок да стакан воды. Ножки привлекли массу народу. Бойкий язык тоже. И за всем этим стоял сладчайший и тишайший человек (я о мистере Годфри), самый простой, самый угодливый и самый покладистый из всех, кого вам доводилось встречать. Он всех на свете любил. И все на свете любили его. Какие шансы могли быть у мистера Фрэнклина или у любого человека среднего звания и способностей против такой особи?

Ответ мистера Годфри пришел четырнадцатого июня.

Он принял приглашение моей госпожи остановиться со среды, дня рождения Рэчел, до вечера пятницы, но не дольше, ибо его призывали вернуться в Лондон дела дамского благотворительного кружка. К письму были приложены переписанные стихи, в которых он изящно назвал день рождения кузины «натальным днем». Мисс Рэчел, как мне передали, вместе с мистером Фрэнклином за ужином подняла стихи на смех. Пенелопа, полностью принявшая сторону мистера Фрэнклина, торжествуя, спросила меня, что я об этом думаю.

– Мисс Рэчел направила тебя, милочка, на ложный след, – ответил я. – Однако меня не так-то легко провести. Дождись, когда вслед за стихами явится сам мистер Эблудайт.

Дочь возразила, что мистер Фрэнклин может перейти в наступление и попытаться счастья еще до появления автора стихов. Должен признать, что такой взгляд был оправдан: мистер Фрэнклин не упускал ни одной возможности завоевать благосклонность мисс Рэчел.

Я не встречал более завязанного курильщика, но он отказался от сигар, потому как мисс Рэчел однажды сказала, что терпеть не может кислый табачный запах, исходящий от его одежды. Из-за этой попытки самоотречения и утраты привычного успокаивающего воздействия табака мистер Фрэнклин очень плохо спал по ночам и утро за утром выходил таким изнуренным и уставшим, что мисс Рэчел первая попросила его возобновить курение сигар. Куда там! Он не мог допустить ничего такого, что бы доставило ей малейшее неудобство. Мистер Фрэнклин был намерен стойко держаться и засыпать – неважно, как быстро – с помощью одного лишь терпения. Такое упорство, скажете вы (а в людской многие так и говорили), не могло не произвести впечатления на мисс Рэчел, подкрепленное к тому же ежедневной росписью двери. Так-то оно так, однако мисс Рэчел держала в своей спальне фотографию мистера Годфри, выступающего перед публикой, с волосами, откинутыми назад в порыве красноречия, с чарующим взглядом, буквально вытягивающим деньги из вашего кармана. Что вы на это скажете? По признанию самой Пенелопы, каждое утро, когда она причесывала волосы мисс Рэчел, на них взирал образ мужчины, без которого дамы просто не могли обойтись. И вскоре он должен был появиться во плоти – вот каков был ход моих мыслей.

Шестнадцатого июня произошло событие, на мой взгляд, едва ли не лишившее мистера Фрэнклина последнего шанса.

Утром этого дня в дом явился незнакомый господин, говоривший по-английски с иностранным акцентом, и пожелал встретиться с мистером Фрэнклином по делу. Дело никак не могло быть связано с алмазом по двум причинам: во-первых, мистер Фрэнклин ничего мне о нем не сказал; во-вторых, он сообщил о нем миледи (полагаю, что уже после того, как этот господин ушел). Та, очевидно, обмолвилась дочери. В любом случае мисс Рэчел вечером у пианино сделала мистеру Фрэнклину суровый выговор насчет общества людей, в котором он вращался, и повадок, которых он набрался за границей. На следующий день – впервые! – украшение двери не продвинулось ни на шаг. Я заподозрил, что какая-нибудь неблагоприятная история – с долгами или женщиной – увязалась по пятам мистера Фрэнклина с континента в Англию. Но это лишь мои догадки. Удивительно, но на этот раз меня оставил в неведении не только сам мистер Фрэнклин, но и миледи.

Семнадцатого, судя по всему, тучи снова рассеялись. Пара вернулась к украшению двери не меньшими друзьями, чем раньше. Если верить Пенелопе, мистер Фрэнклин воспользовался возможностью к примирению и сделал мисс Рэчел предложение, на которое она не ответила ни согласием, ни отказом. Моя дочь была уверена (по неким признакам и приметам, которыми я не стану вам здесь докучать), что юная госпожа отделалась от мистера Фрэнклина отказом поверить в серьезность его намерений, позже про себя пожалев о таком обращении. Хотя Пенелопа была близка с юной леди больше других горничных, ведь они практически с детства росли вместе, я все же слишком хорошо знал сдержанный характер мисс Рэчел, чтобы поверить, будто она настолько открыла свои тайные мысли кому бы то ни было. В данном случае я заподозрил, что моя дочь выдала желаемое за действительное.

Девятнадцатого произошло еще одно событие. К нам по вызову приехал врач. Его позвали прописать какое-нибудь средство второй горничной, которую я здесь уже упоминал, – Розанне Спирман.

Бедняжка, озадачившая меня у Зыбучих песков, преподнесла за время, о котором я пишу, немало новых загадок. Представление Пенелопы (которое, по моему указанию, она хранила в строгой тайне) о том, что такая же, как она, служанка могла влюбиться в мистера Фрэнклина, с самого начала выглядело абсурдным. Но должен признать: поведение горничной,

которое я наблюдал сам и наблюдала моя дочь, все больше выглядело необъяснимым, если не сказать больше.

Девушка старалась то и дело попадаться мистеру Фрэнклину навстречу – очень ловко и незаметно, но преднамеренно. Он замечал ее не больше, чем кошку. Ему и в голову не приходило остановить взгляд на простом лице Розанны. Бедняжка окончательно потеряла и без того слабый аппетит, по утрам опухшие глаза подсказывали, что она не спала и плакала всю ночь. Однажды Пенелопа сделала нечаянное открытие, которое мы немедленно замяли. Она застала Розанну у туалетного столика мистера Фрэнклина, горничная тайком подменила розу, которую мисс Рэчел дала ему, чтобы носить в петлице, на другую – собственного выбора. Раз или два Розанна огрызалась, когда я безо всякого намека советовал вести себя поосторожнее, но что еще хуже, несколько раз не выказывала подобающего уважения, когда с ней случайно заговаривала мисс Рэчел.

Миледи тоже заметила перемену и спросила, что я об этом думаю. Я постарался прикрыть Розанну, сказав, что она, видимо, нездорова. Дело кончилось тем, что девятнадцатого, как уже упоминалось, послали за врачом. Врач сказал, что у Розанны не все в порядке с нервами и ее следует на время освободить от работы. Миледи для перемены обстановки предложила перевести ее на одну из ферм, далеко от побережья. Розанна со слезами на глазах просила и умоляла не удалять ее из дома, и в недобрый час я уговорил миледи позволить ей остаться. Как показали дальнейшие события и как вы сами скоро увидите, я не мог дать совета хуже. Имей я способность заглядывать в ближайшее будущее, я сам взял бы Розанну Спирман за руку и увел бы из дома.

Двадцатого числа пришло короткое письмо от мистера Годфри. В тот вечер он решил остановиться во Фризингхолле, чтобы переговорить с отцом о делах. Он обещал приехать верхом с двумя старшими сестрами задолго до ужина на следующий день. К письму прилагалась изящная фарфоровая шкатулка, подарок для Рэчел с наилучшими пожеланиями и выражением любви от кузена. Мистер Фрэнклин подарил ей невзрачный медальон, не стоивший и половины денег, уплаченных за шкатулку. Но Пенелопа – таково уж женское упрямство – победу по-прежнему предрекала последнему.

Слава тебе, господи, наконец-то мы добрались до кануна дня рождения! Вы должны признать, что на этот раз я провел вас не столь извилистым путем. Веселее! Я предлагаю вам новую главу, которая погрузит вас в самую гущу событий.

Глава IX

Двадцать первое июня, день рождения Рэчел, с рассвета начался пасмурно и неприкаянно, но к полудню приободрился.

Мы в людской, как заведено, начали торжественный день с вручения мисс Рэчел скромных подарков. Ежегодную дежурную речь, как старший над всеми слугами, произнес я. В этом я подражаю речи королевы на открытии парламента – она каждый год повторяет одно и то же. Мое выступление (как и выступление королевы) всякий раз ожидают с таким же нетерпением, словно ничего подобного никогда не слышали. Прослушав мою речь и убедившись, что в ней против ожидания нет ничего нового, челядь, немного побурчав, надеется услышать что-нибудь оригинальное в следующем году. Вывод: править людьми несложно – хоть в парламенте, хоть на кухне. После завтрака мы с господином Фрэнклином имели приватный разговор о Лунном камне – настало время забрать его из банка во Фризингхолле и передать в руки мисс Рэчел.

Нечто еще больше усугубило странную противоречивость и непостоянство его характера – то ли попытка еще раз объясниться в любви кузине и полученный отказ, то ли хронический недосып – я не знаю. Но только в утро дня рождения кузины мистер Фрэнклин определенно был не в лучшей форме. За двадцать минут он двадцать раз передумал, что будет делать с алмазом. Я со своей стороны налегал на известные факты. До сих пор не случилось ничего такого, чтобы вселять в миледи тревогу по поводу алмаза. Ничего также не могло отменить юридические обязательства, возложенные на мистера Фрэнклина по передаче алмаза во владение кузины. Таково было мое мнение, и как бы он ни изворачивался, ему в конце концов пришлось принять его как свое собственное. Мы устроили, чтобы он после обеда съездил верхом во Фризингхолл и вернулся домой с алмазом в компании мистера Годфри и его сестер.

После этого молодой господин отправился к мисс Рэчел.

Бесконечное раскрашивание двери заняло все утро и часть второй половины дня. Пенелопа стояла наготове и по команде смешивала краски, миледи перед обедом несколько раз заглядывала в комнату, зажав платком нос (в этот день они часто пользовались растворителем мистера Фрэнклина), безуспешно пытаясь оторвать художников от их занятия. Когда они, наконец, сняли фартуки, отпустили (надышавшуюся растворителем) Пенелопу и счистили с себя грязь, часы показывали три пополудни. Они добились своего, закончили дверь к дню рождения и ужасно этим гордились. Грифоны, купидоны и прочее, должен признать, выглядели прелестно. Однако они были так многочисленны, так переплелись с цветами и узорами и так неестественно кувыркались, что после первоначального удовольствия от их созерцания в голове возникал неприятный сумбур, не проходивший несколько часов. И если мою дочь после утренних трудов стошнило на кухне для челяди, то виной тому отнюдь не разбавитель. Нет-нет! Он-то лишь вонял, пока сохнул. И если искусство требует жертв, хотя бы и от моей родной дочери, то пусть получит эту жертву!

Мистер Фрэнклин что-то наскоро перехватил с обеденного стола и ускакал во Фризингхолл. Якобы для сопровождения кузин, как он сказал миледи. А на самом деле, о чем знали только мы с ним, чтобы забрать Лунный камень.

Как во время всех крупных торжеств, я по обыкновению должен был стоять у буфета и следить, как обслуживаются гости за столом, что в отсутствие мистера Фрэнклина давало мне шанс хорошенько подумать. Разобравшись с вином и устроив смотр слугам и служанкам, назначенным прислуживать за столом, я ушел к себе отдохнуть до прибытия гостей. Пара затяжек (известно чего) и несколько пассажей известной книги, которую я уже упоминал на этих страницах, успокоили мою душу и тело. От дремоты, хотя я предпочел бы назвать это состояние задумчивостью, меня заставил очнуться стук лошадиных копыт за окном. Выйдя на порог,

я встретил кавалькаду, состоящую из мистера Фрэнклина, кузена и двух кузин в сопровождении одного из старых грумов мистера Эблудайта.

Судя по виду мистера Годфри, он, как и мистер Фрэнклин, был не в духе. Мистер Годфри с обычной вежливостью пожал мою руку и выразил сдержанную радость, что его старый друг Беттередж держится молодцом. И все-таки над его головой нависала неизвестно откуда взявшаяся туча. Когда я спросил, как себя чувствует его батюшка, он лишь бросил в ответ: «Как обычно». Зато бодрости духа обеих мисс Эблудайт хватило бы хоть на двадцать человек, что более чем уравнивало положение. Не уступающие ростом брату, дородные, желтоволосые, розовощекие бабенки, не страдающие худобой и малокровием, с головы до пят излучали здоровье и веселость. У бедных лошадок, везущих их на своих спинах, дрожали ноги. Когда дамочки соскочили с седел на землю (без чужой помощи), то, клянусь, подпрыгнули, как резиновые мячики. Любая фраза обеих мисс Эблудайт начиналась с продолжительного «о-о-о», любое действие сопровождалось шумом и треском, они к месту и не к месту хихикали и взвизгивали по малейшему поводу. Я мысленно назвал их «попрыгуньями».

Прикрываясь поднятым юными леди шумом, я успел потихоньку перекинуться словом с мистером Фрэнклином в передней:

– Вы благополучно доставили алмаз, сэр?

Он кивнул и похлопал себя по нагрудному карману.

– Индусы вам не попадались?

– Никаких следов.

Осведомившись, где сейчас миледи, и узнав, что она в малой гостиной, он тотчас же направился туда. Не прошло и минуты, как зазвонил колокольчик и Пенелопа прибежала сообщить мисс Рэчел, что с ней желает переговорить мистер Фрэнклин.

Пересекая переднюю полчаса спустя, я встрепенулся, услышав взрыв ахов и охов в малой гостиной. Нельзя сказать, что они меня насторожили, потому как среди них отчетливо доминировало длинное «о-о-о» обеих мисс Эблудайт. Тем не менее я решил заглянуть внутрь (якобы за распоряжениями насчет ужина) и проверить, не случилось ли чего серьезного.

У стола, точно загипнотизированная, стояла мисс Рэчел с несчастным алмазом полковника в руках. По бокам от нее преклонили колени две попрыгуньи, они пожирали драгоценный камень глазами и вскрикивали от восторга всякий раз, как алмаз сверкал по-новому. У другого конца стола стоял мистер Годфри, хлопая в ладоши, как большой ребенок, и нараспев выводя тоненьким голоском: «Изумительно! Изумительно!» В кресле возле книжного шкафа сидел мистер Фрэнклин, он щипал себя за бороду и тревожно поглядывал в сторону окна. А у окна находился предмет его внимания – миледи с выдержкой из завещания полковника в руках, повернувшаяся ко всей честной компании спиной.

Когда я спросил о распоряжениях, она повернула лицо в мою сторону. Лоб разрезала потомственная складка, уголки рта кривились от потомственного гнева.

– Явитесь в мою комнату через полчаса, – ответила она. – Я должна вам кое-что сказать.

С этими словами миледи вышла. Было совершенно ясно, что ее одолевали те же сомнения, что и меня с мистером Фрэнклином во время нашей беседы у Зыбучих песков. Чем ей следовало считать передачу Лунного камня в наследство – доказательством того, что она относилась к брату жестоко и несправедливо? Или же оно доказывало, что подлость полковника превзошла ее худшие опасения? В то время, как ее дочь, ничего не знавшая о характере дяди, восхищалась его подарком, миледи предстояло разрешить серьезный вопрос.

Прежде чем я, в свою очередь, успел выйти из комнаты, меня остановила мисс Рэчел, всегда благосклонно относившаяся к старому слуге, поступившему на работу еще до ее рождения: «Смотрите сюда, Габриэль!» Камень вспыхнул в лучах солнечного света, льющегося из окна.

Господи помилуй! Вот это алмаз! Большой, размером с яйцо чибиса. Он излучал поток света, напоминающий полную луну в сентябре. Если заглянуть в его сердцевину, то взгляд уходил в затягивающую желтую бездну так глубоко, что ты переставал что-либо еще видеть. Алмаз, казалось, имел бесконечную глубину. Камень, если смотреть сквозь него, держа двумя пальцами, был бездонным, как само небо. Мы положили его на солнце и задернули шторы, он продолжал жутко сиять собственным нутряным светом, ярким, как лунный блеск в темноте. Неудивительно, что мисс Рэчел стояла как замороженная. Неудивительно, что кузины кричали от восторга. Алмаз так меня очаровал, что у меня под стать попрыгуньям вырвалось протяжное «о-о-о». Среди нас не потерял самообладания только мистер Годфри. Он обнял сестер за талию и, посмотрев сочувственно сначала на алмаз, потом на меня, произнес:

– Это – уголь, Беттередж! Всего лишь уголь, мой старый друг!

Очевидно, он таким образом хотел меня просветить. Но преуспел лишь в том, что вернул мои мысли к ужину. Я заковылял вниз, к своему полку официантов. Когда я выходил, мистер Годфри добавил:

– Старый добряк Беттередж! Я питаю к нему искреннее уважение!

Даже обнимая сестер и пожирая взглядом мисс Рэчел, он нашел время, чтобы выразить свое расположение ко мне. Как много в нем нерастраченной любви! В сравнении с ним мистер Фрэнклин выглядел совершенным дикарем.

Выждав полчаса, я, как мне было сказано, явился в комнату миледи.

Наш диалог в основном был повторением того, что мы с мистером Фрэнклином говорили друг другу у Зыбучих песков, с той лишь разницей, что свои соображения насчет фокусников я оставил при себе – ведь новых причин, чтобы попусту тревожить миледи, не было. По окончании разговора я понял, что она видела намерения полковника в самом черном свете и решила во что бы то ни стало при первой же возможности забрать Лунный камень у дочери.

На пути в свои покои я столкнулся с мистером Фрэнклином. Он пожелал знать, не видел ли я где его кузину Рэчел. Я ответил, что не видел. Может быть, стоило сказать, где в это время находился его кузин Годфри? Я этого не знал, но сильно подозревал, что недалеко от кузины Рэчел. Подозрения мистера Фрэнклина, по-видимому, склонялись в ту же сторону. Он ущипнул бороду, развернулся и скрылся в библиотеке, очень выразительно хлопнув дверью.

Больше подготовке ужина ничего не мешало – до того момента, когда настанет время прихорошиться для встречи гостей. Стоило мне надеть мой белый жилет, как появилась Пенелопа – якобы для того, чтобы причесать остатки моих волос и поправить узел на белом галстуке. Дочь пребывала в возбуждении, я понял, что ей не терпится что-то мне рассказать. Поцеловав меня в макушку, она прошептала:

– Есть новости, папочка! Мисс Рэчел ему отказала.

– Кому?

– Женскому заступнику, папа. Подлому хитрецу! Я его сразу невзлюбила за то, что он пытается оттеснить мистера Фрэнклина!

Если бы я мог вздохнуть, то определенно высказал бы протест против незаслуженного охаивания выдающегося филантропа. Но моя дочь как раз поправляла узел на моем галстуке и вложила в пальцы всю силу своего негодования. Я никогда в жизни не был так близок к удушению.

– Я видела, как он повел ее на прогулку в розарий, – продолжала Пенелопа. – И дождалась за падубом их возвращения. Ушли под ручку, оба смеялись. Вернулись по отдельности, мрачнее мрачного, не глядя друг на друга – все абсолютно ясно. Я в жизни так не радовалась, папа! В мире есть только одна женщина, способная устоять перед мистером Годфри Эблудайтом, и будь я леди, то была бы второй!

На этом месте я должен был опять возразить. Однако дочь на этот раз вооружилась щеткой для волос и всю силу своих эмоций вложила теперь уже в нее. Если вы лысы, то поймете

мои ощущения. Если нет, пропустите эту часть и поблагодарите Бога за то, что ваша голова имеет какую-никакую линию обороны.

– Мистер Годфри, – продолжала Пенелопа, – остановился по другую сторону падуба. «Вы предпочли бы, – сказал он, – чтобы я не уезжал, как будто ничего не произошло?» Мисс Рэчел налетела на него, как ураган. «Вы приняли приглашение моей матери, – сказала она, – и приехали встретиться с ее гостями. Разумеется, вы должны остаться, если только не хотите скандала в доме!» Она сделала несколько шагов и, похоже, немного смягчилась. «Давайте забудем о случившемся, Годфри, – сказала она, – и останемся кузеном и кузиной». Она подала ему руку. Он поцеловал ее, на мой взгляд, много себе позволив, и она ушла. Он постоял еще немного один, понурил голову, каблуком выкопал ямку на галечной дорожке. В жизни не видела такого потерянного мужчины. «Как неловко! – процедил он сквозь зубы, подняв наконец голову, и двинулся к дому. – Как неловко!» Если это он о себе, то попал в точку. Неловко, чего и говорить. А ведь я с самого начала говорила, папочка, – оцарапав меня напоследок пуще прежнего, воскликнула Пенелопа. – Ее избранник – мистер Фрэнклин!

Я отобрал у нее щетку для волос и открыл рот, чтобы сделать выговор, который, согласитесь, манера речи и поведение моей дочери полностью заслуживали.

Но прежде, чем я успел сказать хоть слово, меня остановил послышавшийся за окном скрип колес подъехавшей кареты. Прибыли первые гости. Пенелопа немедленно убежала. Я надел сюртук и посмотрелся в зеркало. Голова красная, как рак. В остальном я был одет для званого вечера не хуже других. Я вовремя подоспел в переднюю, чтобы объявить о прибытии первых двух гостей. Для вас они особого интереса не представляют – всего лишь отец и мать филантропа, мистер и миссис Эблудайт.

Глава X

Вслед за Эблуайтами один за другим начали прибывать другие гости, пока не собрался полный кворум. Вместе с членами семьи набралось двадцать четыре человека. Великолепная картина: все сидят за круглым столом, местный священник из Фризингхолла (искусно и проникновенно) читает молитву.

Список гостей пусть вас не беспокоит. Вы их больше не встретите, по крайней мере в моей части истории, за исключением двоих.

Эти двое сидели по обе стороны от мисс Рэчел, как звезда торжества неизбежно привлекавшей к себе всеобщее внимание. На этот раз она притягивала к себе взгляды всех и каждого еще и по другой причине: она надела (к тайному неудовольствию матери) чудесный подарок, затмивший все остальные, – Лунный камень. Алмаз достался ей без оправы, но всесторонне гениальный мистер Фрэнклин с помощью ловких пальцев и кусочка серебряной проволоки смастерил брошь, которую можно было приколоть к вырезу белого платья. Все, естественно, восхищались удивительной величиной и красотой алмаза. Однако что-либо особенное, отличное от всеобщих банальностей, высказали лишь два гостя, сидевшие по правую и левую руку от мисс Рэчел.

Слева от нее сидел мистер Канди, доктор из Фризингхолла.

Это был приятный, общительный человек маленького роста, имевший, впрочем, один недостаток: он слишком любил – кстати и некстати – шутить и вступать в беседы с незнакомцами очертя голову, не прощупав почву. Из-за этого он постоянно совершал оплошности в свете и нечаянно ссорил людей друг с другом. В лечебных делах он, однако, вел себя осмотрительнее и проявлял чисто инстинктивную (как утверждали недоброжелатели) осторожность, благодаря чему оказывался правым там, где другие, более скрупулезные доктора попадали впросак.

То, что он сказал мисс Рэчел об алмазе, по обыкновению было преподнесено как мистификация или шутка. Доктор с наисерьезнейшим видом предложил (в интересах науки, разумеется) позволить ему забрать алмаз к себе домой и сжечь.

– Сначала мы его нагреем, – сказал доктор, – до определенной температуры. Потом направим на него поток воздуха. И понемногу – пуф! – испарим алмаз, дабы избавить вас, мисс Рэчел, от тревожений, связанных с хранением драгоценного камня.

Миледи слушала их разговор с крайне озабоченным видом, будто действительно желала, чтобы врач говорил всерьез и убедил мисс Рэчел поступиться подарком ради науки.

По правую руку юной госпожи сидел выдающийся общественный деятель, путешественник по Индии, мистер Мертуэт, с риском для жизни побывавший под чужой личиной в таких местах, куда не ступала нога европейца.

Это был долговязый, тощий, жилистый, загорелый и молчаливый человек. Взгляд усталый, но в то же время прямой и внимательный. Ходили слухи, что ему наскучила рутинная жизнь наших краев и он жаждал еще раз отправиться в странствия по диким землям Востока. Помимо замечаний о драгоценном камне, сделанных для мисс Рэчел, он не произнес за весь вечер и пяти-шести слов и не выпил больше одного бокала вина. Лунный камень был единственным предметом, мало-мальски его заинтересовавшим. Слава алмаза, похоже, достигла путешественника еще в местах его странствий по опасным районам Индии. Он долго рассматривал драгоценность, отчего мисс Рэчел стало немного не по себе, и наконец произнес в своей спокойной, бесстрастной манере:

– Если вам придется поехать в Индию, мисс Вериндер, оставьте подарок вашего дяди дома. Для индусов алмаз нередко является предметом религиозного поклонения. Я знаю об

одном городе Индии и храме этого города, где, появившись вы в сегодняшнем наряде, ваша жизнь не продлилась бы и пяти минут.

Мисс Рэчел, чувствуя себя в Англии в полной безопасности, с удовольствием слушала рассказы об индийских ужасах. О попрыгуньях и говорить нечего. Они с треском побросали ножи и вилки и хором воскликнули:

– О-о-о, как интересно!

Миледи заерзала на стуле и перевела разговор на другую тему.

По ходу ужина я начал замечать, что нынешнее торжество вызывало меньше веселья, чем в прежние времена.

Вспоминая этот день рождения и последовавшие за ним события, я наполовину склоняюсь к тому, чтобы поверить: проклятый алмаз отбросил свою тень на всю нашу компанию. Я потчевал гостей вином и, пользуясь своим особым положением, сопровождал вокруг стола блюда, находившие мало спроса, и заговорщицки нашептывал:

– Прошу отведать. Уверен, что вам понравится.

В девяти из десяти случаев гости соглашались – из уважения, как сами говорили, к старому оригиналу Беттереджу, – но и это не помогало. Разговоры за столом то и дело замолкали, вызывая неловкость даже у меня. А когда снова оживали, невинно произнесенные слова приходились совершенно не к месту. Один мистер Канди намолол больше чепухи, чем когда-либо. Приведу пример, чтобы вы поняли, что мне пришлось пережить как человеку, всем сердцем желавшему, чтобы торжество протекало весело.

Одной из приглашенных на ужин была достойная миссис Тридголл, профессорская вдова. Эта добрая леди непрестанно говорила о муже, ни разу не упомянув, что его уже нет в живых. Видимо, полагала, что любому англичанину, пребывающему в своем уме, такая подробность должна быть известна. Во время одной из мучительных пауз кто-то заговорил о человеческой анатомии, предмете сухом и отталкивающим. Миссис Тридголл, по обыкновению, тут же завела речь о муже, опять не упоминая, что он умер. Профессор, оказывается, на досуге любил изучать анатомию. Как назло, напротив сидел мистер Канди (не знавший о смерти ее мужа) и услышал ее. Будучи образцом вежливости, он не мог упустить возможности и предложил поддержать увлечение профессора.

– В хирургическую академию недавно поступили прекрасные образчики скелетов, – громко и жизнерадостно заявил мистер Канди на весь стол. – Я крайне рекомендую профессору, мадам, если у него найдется пара часов свободного времени, нанести визит в академию.

В наступившей тишине можно было услышать звук упавшей булавки. Вся компания (из уважения к профессору) проглотила язык. В этот момент я стоял за спиной миссис Тридголл, незаметно подливая ей рейнвейну. Она уронила голову и едва слышно проговорила:

– Моего любимого мужа больше нет в живых.

Увы, мистер Канди не расслышал и, ничтоже сумняшеся, продолжал еще громче и вежливее, чем прежде:

– Возможно, профессору неизвестно, что, если предъявить карточку академии хирургии, его пропустят с десяти до четырех в любой день, кроме воскресенья.

Миссис Тридголл уткнулась в кружевной воротник и все еще тихим, но торжественным голосом повторила:

– Моего любимого мужа больше нет в живых.

Я отчаянно подмаргивал мистеру Канди с другой стороны стола. Мисс Рэчел тронула его за руку. Миледи пронзила его взглядом, который нельзя описать словами. Какой там! Говорун с необоримой сердечностью гнул свое:

– Буду рад отправить профессору свою карточку, если вы сообщите его адрес.

– Его адрес – кладбище! – вдруг выйдя из себя, выпалила миссис Тридголл с таким напором и яростью, что зазвенели бокалы. – Профессор скончался десять лет назад!

– О, господи! – вырвалось у мистера Канди. За исключением приснувших со смеху попрыгуний, компанию охватила гробовая тишина, словно все они отправились вслед за профессором.

И это один мистер Канди. Остальные по-своему провоцировали разлад не меньше его. Когда нужно было что-то сказать, молчали. А когда раскрывали рот, говорили невпопад. Мистер Годфри, столь велеречивый на публике, как воды в рот набрал. То ли он дулся, то ли оробел после конфуза в розарии – понять было трудно. Он ни к кому не обращался кроме сидевшей рядом с ним леди (еще одной нашей родственницы). Она была одной из участниц его кружка – очень духовная особа с торчащими наружу ключицами. У нее была губа не дура по части шампанского – ну, вы поняли: любила посуше и побольше. Они сидели недалеко от буфета, и, судя по обрывкам разговора, которые я услышал, пока откупоривал бутылки и нарезал баранину, могу засвидетельствовать, что компания сильно выиграла бы от их беседы. Обсуждение благотворительных дел проходило без меня. К тому моменту, когда я начал прислушиваться, они оставили рожениц и бедствующих женщин далеко позади и перешли к серьезным темам. Религия (сказал мистер Годфри, как я расслышал в промежутках между хлопками пробок и звоном ножа) есть любовь. А любовь есть религия. Земля – тот же рай небесный, только немного обветшавший. А рай – земля, но вычищенная и как новенькая. На земле встречаются возмутительные субъекты, зато во искупление страданий все женщины в раю являются членами одного неохватного кружка, в котором никто не ссорится, а мужчины в облике ангелов-хранителей исполняют их желания. Какая прелесть! Какого рожна мистер Годфри скрывал такую новость от всех остальных?

Вы, вероятно, спросите, не расшевелил ли общество, сделав вечер приятнее, мистер Фрэнклин?

Ничего подобного! Он вполне оправился и находился и телом, и душой в прекрасном состоянии после того, как, я подозреваю, Пенелопа сообщила ему о приеме, полученном мистером Годфри в розарии. Говорил-то мистер Фрэнклин много, но в девяти случаях из десяти не о том, что нужно, и не с теми, с кем следовало. Заканчивалось это обидой у одних и недоумением у других. Заграничное образование, все эти французские, немецкие и итальянские черты характера, о которых я уже говорил, повылезали за праздничным столом самым беспорядочным образом.

Например, как вам его рассуждения о том, насколько замужняя женщина может увлечься другим мужчиной, не являющимся ее мужем, представленные в легкомысленной шутиливой французской манере незамужней тетке священника из Фризингхолла? Что вы думаете о его немецкой стороне, когда он заявил владельцу поместья и опытному скотоводу, который начал было рассказывать о своем опыте разведения бычков, что опыт, в сущности, ничего не стоит и что правильно вырастить породистого быка можно, лишь достав из глубин собственного разума архетип идеального быка и обратив его в реальность. А что вы скажете на это: член совета графства, распалившись, когда подавали сыр и салат, по поводу распространения демократии в Англии, вскричал: «Если мы растеряем наши наследные гарантии, мистер Блэк, то с чем мы останемся?», а мистер Фрэнклин на итальянский манер ответил: «У нас останутся три вещи, сэр: любовь, музыка и салат»? Мало того, что эти выходки привели компанию в ужас. Когда в свой черед вернулась его английская сторона, мистер Фрэнклин вдруг растерял весь заграничный лоск и, заговорив о медицине, стал жестоко высмеивать докторов, чем привел в ярость даже благодушного коротышку мистера Канди.

Спор между ними начался с вынужденного – уже не помню чем – признания мистера Фрэнклина, что последнее время он плохо спал по ночам. На это мистер Канди сказал, что у собеседника расшалились нервы и ему следовало немедленно пройти курс лечения. Мистер Фрэнклин ответил, что курс лечения и курс, которым человек движется на ощупь в темноте, суть одно и то же. Мистер Канди ловко парировал, сказав, что мистер Фрэнклин, образно говоря,

сам пытается найти сон на ощупь в темноте и обрести его поможет лишь медицина. Мистер Фрэнклин принял подачу и заявил, что не раз слышал поговорку о слепцах, ведущих за собой других слепцов, но только сейчас понял, что она означает. Подобный обмен выпадами и финтами продолжался, пока оба не на шутку разгорячились, особенно мистер Канди. Он совершенно вышел из себя, защищая свою профессиональную честь, из-за чего мидели пришлось вмешаться и запретить дальнейшие споры. Это вынужденное применение хозяйских полномочий окончательно погасило последние искры веселья. Ростки разговоров пробивались то тут, то там, но через минуту или две снова увядали, им не доставало живости и блеска. Над застольем довлел Дьявол (или алмаз), поэтому, когда миледи поднялась и подала знак другим дамам оставить мужчин за вином, все с облегчением вздохнули.

Только я расставил графины с вином перед мистером Эблуайтом-старшим (игравшим роль хозяина дома), как вдруг с террасы послышался звук, заставивший меня мгновенно забыть о светских манерах. Мы с мистером Фрэнклином переглянулись. Звук издавал индийский барабан. Клянусь последним куском хлеба – с возвращением Лунного камня в наш дом вернулись и фокусники!

Когда индусы показались из-за угла террасы, я поспешил к ним, чтобы приказать убираться вон. Но не судьба – меня опередили две попрыгуньи. Они выскочили на террасу, как две шутихи, жажда увидать индийские фокусы. За ними высыпали остальные дамы, потом к ним присоединились джентльмены. Мошенники раскланялись, а попрыгуньи осыпали поцелуями красивого мальчика быстрее, чем вы успели бы произнести: «Господи, помилуй».

Мистер Фрэнклин встал рядом с мисс Рэчел, я занял место у нее за спиной. Подозрения нас не обманули – она, не подозревая ничего дурного, вышла и показала индусам, что алмаз прикреплен к декольте ее платья!

Я не помню, какие фокусы и как они показывали. Раздосадованный неудавшимся ужином и разозлившись на мошенников, появившихся аккурат к тому моменту, когда они могли увидеть Лунный камень собственными глазами, я, признаться, растерялся. Меня привело в чувство внезапное появление на террасе путешественника по Индии, мистера Мертуэта. Обогнув стоявших и сидевших полукругом господ, он потихоньку подошел к фокусникам с тыла и внезапно заговорил с ними на их родном языке.

Пырни он их штыком, они вряд ли бы обернулись с более звериной прытью, чем услышав первые звуки родной речи. Секунда, и они уже кланялись ему в своей подчеркнуто учтивой, притворной манере. Перебросившись с индусами несколькими фразами, мистер Мертуэт удалился так же спокойно, как пришел. Старший индус, выступавший переводчиком, снова повернулся к господам. Я заметил, что его кофейного цвета лицо после разговора с мистером Мертуэтом сделалось серым. Он поклонился миледи и объявил, что представление окончено. Страшно разочарованные попрыгуньи выстрелили в сторону мистера Мертуэта, помешавшему зрелищу, громким «о-о-о». Старший индус смиренно приложил руку к груди и повторил, что фокусов больше не будет. Мальчишка прошел с шапкой по кругу. Дамы вернулись в гостиную, мужчины (за исключением мистера Фрэнклина и мистера Мертуэта) – к вину. Я с лакеем проследил, чтобы индусы покинули усадьбу.

Возвращаясь через сад, я почуял запах табачного дыма и застал мистера Фрэнклина и мистера Мертуэта (курившего манильскую сигару) медленно прогуливающимися между деревьями. Мистер Фрэнклин поманил меня присоединиться к ним.

– Это, – представил меня мистер Фрэнклин, – Габриэль Беттередж, тот самый старый слуга и друг нашей семьи, о котором я только что говорил. Будьте добры повторить ему ваши последние слова.

Мистер Мертуэт вынул сигару изо рта и с типичным для него усталым видом прислонился спиной к стволу дерева.

– Мистер Беттередж, – начал он, – эти трое индусов такие же фокусники, как мы с вами.

Вот те на! Я, естественно, спросил, не встречался ли он с ними раньше.

– Ни разу. Зато я знаю, как на самом деле выглядит индийский фокусник. Сегодня вечером вы наблюдали плохую, неуклюжую подделку. Если меня не обманывает мой длительный опыт, эти люди принадлежат к высшей касте браминов. Я спросил их, почему они выдают себя за фокусников. Эффект вы видели сами, а ведь индусы большие мастера скрывать эмоции. Тайну их поведения я не в состоянии объяснить. Они дважды пожертвовали принадлежностью к своей касте: во-первых, уехав за море, во-вторых, переодевшись бродячими фокусниками. В их краях это – колоссальная жертва. У них должны иметься очень серьезные мотивы и незаурядное оправдание, без которого по возвращении в родную страну их не примут обратно в касту.

Я потерял дар речи. Мистер Мертуэт затаился сигарой. Мистер Фрэнклин, немного поколебавшись, словно решая, какую сторону характера выбрать, первым нарушил молчание:

– Не уверен, мистер Мертуэт, стоит ли тревожить вас по семейным делам, которые вам неинтересны и о которых мне не хочется говорить вне семейного круга. Однако после ваших слов я считаю себя обязанным перед леди Вериндер и ее дочерью рассказать вам кое о чем, что, возможно, наведет вас на верный след. Я говорю это по секрету и смею надеяться, что вы об этом не забудете?

После этого вступления мистер Фрэнклин рассказал путешественнику все, чем поделился со мной на Зыбучих песках. История настолько заинтересовала невозмутимого мистера Мертуэта, что он позабыл о сигаре.

– Что об этом, – закончил мистер Фрэнклин, – говорит ваш опыт?

– Мой опыт подсказывает, мистер Блэк, что вы чудом избежали смерти большее количество раз, чем я, а это о многом говорит.

Теперь настала очередь удивиться мистеру Фрэнклину.

– Неужели все так серьезно?

– По моему мнению – да. Сказанное вами не оставило у меня ни малейших сомнений в том, что возвращение Лунного камня на свое место во лбу индийского идола и есть тот мотив и оправдание жертв, о которых я упоминал. Эти люди будут ждать подходящего момента с долготерпением кошки и набросятся на добычу со свирепостью тигра. Как вам удалось улизнуть от них, ума не приложу. – Путешественник снова зажег сигару и посмотрел на мистера Фрэнклина в упор. – Вы перевозили алмаз туда-сюда и здесь, и в Лондоне, и тем не менее вы еще живы! Давайте разберемся. Полагаю, оба раза вы забирали алмаз из лондонского банка в дневное время?

– Среди бела дня, – подтвердил мистер Фрэнклин.

– И на улицах было много народу?

– Порядочно.

– Вы, разумеется, намеревались приехать в дом леди Вериндер к определенному часу? Дорога до вокзала довольно пустынна. Вы приехали вовремя?

– Нет. Я прибыл на четыре часа раньше намеченного срока.

– Поздравляю! Когда вы отвезли алмаз в местный банк?

– Через час после прибытия в дом – за три часа до того, как кто-либо рассчитывал увидеть меня в здешних местах.

– Поздравляю еще раз! Вы везли алмаз назад в одиночку?

– Нет. Я ехал верхом с кузинами и грумом.

– Поздравляю в третий раз! Если когда-нибудь решите путешествовать за чертой цивилизованного мира, мистер Блэк, дайте знать – я поеду с вами. Вы невероятно удачливы.

Тут и я не утерпел. Подобные вещи противоречат моим представлениям об Англии.

– Вы желаете сказать, сэр, что ради алмаза, будь у них шанс, они бы лишили мистера Фрэнклина жизни?

– Вы курите, мистер Беттередж? – спросил путешественник.

– Да, сэр.

– Есть ли вам дело до пепла, который вы выстукиваете из трубки?

– Нет, сэр.

– В стране, откуда они явились, жизнь человека ценится не больше пепла в выкуренной трубке. Если бы между ними и алмазом стояла тысяча человек и они нашли бы возможность, как их убить, не привлекая к себе внимания, они бы никого не пощадили. Видите ли, для индуса такая жертва, как отречение от своей касты, очень серьезна. А такая жертва, как чья-то жизнь, – совершенный пустяк.

Я высказал мнение, что нам противостоит шайка воров и убийц. На это мистер Мертуэт высказал свое – что индусы замечательные люди. Мистер Фрэнклин оставил свое мнение при себе и вернул нас к теме разговора:

– Они видели Лунный камень на платье леди Вериндер. Что теперь можно сделать?

– То, чем грозил ваш дядя, – ответил мистер Мертуэт. – Полковник Гернкастль понимал, с кем имел дело. Завтра же отправьте алмаз (под охраной нескольких человек) в Амстердам, пусть его разрежут. Превратите его в дюжину бриллиантов. Это положит конец его священным свойствам и вместе с тем заговору.

Мистер Фрэнклин обернулся ко мне:

– Ничего не поделаешь. Придется поутру обо всем рассказать леди Вериндер.

– Может быть, лучше сегодня же вечером? – спросил я. – Вдруг индусы вернуться?

Мистер Мертуэт ответил прежде мистера Фрэнклина:

– Индусы не рискнут возвращаться сегодня ночью. Они редко идут к цели напрямик, тем более в таком деле, где малейшая ошибка способна окончательно сорвать их планы.

– Что, если мошенники поведут себя более дерзко, чем вы думаете, сэр?

– На этот случай спустите на ночь собак. У вас есть на подворье крупные собаки?

– Две, сэр. Ищейка и мастифф.

– Подойдут. В критическом положении, мистер Беттередж, у ищейки и мастиффа есть одно большое преимущество: им не свойственны, как вам, угрызения совести насчет неприкосновенности человеческой жизни.

Вслед за его шуткой из гостиной послышались звуки фортепиано. Мистер Мертуэт выбросил окурочек сигары и, взяв мистера Фрэнклина под руку, пошел обратно к дому. Следуя за ними, я заметил, что небо быстро затягивают тучи. Путешественник тоже это увидел. Он бросил на меня сухой, равнодушный взгляд и сказал:

– Индусам сегодня ночью не обойтись без зонтиков, мистер Беттередж.

Ему все шуточки. Но я-то не отважный путешественник, привыкший рисковать жизнью среди воров и душегубов в диковинных краях. Я вернулся в свою каморку, сел, покрытый испариной, в кресло и стал теряться в догадках, как быть дальше. Такое тревожное состояние ума способно довести других до лихорадки, но только не меня. Я зажег трубку и открыл «Робинзона Крузо».

Не прошло и пяти минут, как я наткнулся на сто шестьдесят первой странице на бесподобный отрывок: «Страх опасности всегда страшнее опасности уже наступившей, и ожидание зла в десять тысяч раз хуже самого зла».

Если человек даже после этого не уверовал в «Робинзона Крузо», то у него либо что-то не в порядке с головой, либо ему застит глаза самонадеянность! Доказательство смотрит ему в лицо, и снисхождения заслуживает лишь тот, кто готов поверить.

Я заканчивал вторую трубку, тая от восхищения перед чудесной книгой, но тут Пенелопа прибежала доложить обстановку в гостиной (куда она приносила чай). Попрыгуньи пели дуэтом, каждую фразу начиная с длинного «о-о-о» под соответствующую музыку. Миледи ошибалась в висте, чего за ней раньше не наблюдалось. Великий путешественник задремал в углу.

Мистер Фрэнклин оттачивал свой сарказм на мистере Годфри в частности и дамском благотворительном кружке в целом, а мистер Годфри отвечал ему резче, чем подобало джентльмену, известному своим великодушием. Мисс Рэчел, очевидно, пыталась загладить обиду, нанесенную миссис Тридголл, показывая ей фотографии, но на самом деле украдкой бросала на мистера Фрэнклина такие взгляды, смысл которых любая смышленная горничная прочтает за одну секунду. Под конец мистер Канди загадочно пропал из гостиной, чтобы не менее загадочно вернуться и вступить в разговор с мистером Годфри. В общем и целом дела шли лучше, чем можно было ожидать после того, что происходило во время ужина. Осталось продержаться в таком же духе еще часик, и старушка Время подгонит свои экипажи, окончательно избавив нас от присутствия гостей.

В нашем мире ничто не вечно. С уходом Пенелопы иссяк и успокаивающий эффект «Робинзона Крузо». Я опять не находил себе места и решил, пока не начался дождь, сделать обход имения. Вместо лакея, который был человеком, а следовательно, обладал никчемным нюхом, я взял с собой ищейку. Уж на ее нюх в отношении чужаков можно было положиться. Мы обошли всю территорию, выглянули на дорогу и вернулись несолоно хлебавши, нигде не обнаружив и следа прячущихся злоумышленников.

Прибытие экипажей словно подало сигнал к началу дождя. Зарядило, похоже, на всю ночь. За исключением врача, которого ждала двуколка, остальные гости благополучно отправились по домам в закрытых экипажах. Я предупредил мистера Канди, что он вымокнет по дороге. Он изобразил удивление: мол, как я мог дожить до седин и не знать, что кожа врачей не пропускает влагу. Он так и уехал под дождем, хохоча над собственной шуткой. Мы наконец проводили всех гостей восвояси.

Дальше пойдет рассказ о том, что было ночью.

Глава XI

Когда гости разъехались, я вернулся в залу, где Самюэль на приставном столике смешивал бренди с содовой. Миледи и мисс Рэчел вышли из гостиной в сопровождении двух джентльменов. Мистер Годфри взял бокал с бренди и содовой, мистер Фрэнклин ничего не взял. Он опустил на стул со смертельно усталым видом. Все эти разговоры за ужином, видимо, его порядком измотали.

Миледи повернулась пожелать всем спокойной ночи и наткнулась взглядом на алмаз нечестивого полковника, сиявший на груди ее дочери.

– Рэчел, – спросила она, – где ты собираешься держать алмаз этой ночью?

Мисс Рэчел пребывала в прекрасном настроении, побуждавшем ее, как это часто бывает с юными девушками, распаленными массой волнующих событий, говорить всякие глупости и при этом настаивать на их истинности. Сначала она заявила, что не знает, куда девать алмаз. Потом сказала: «Положу на туалетный столик вместе с остальными причиндалами». Тут же вслух подумала, что алмаз сам по себе светится и будет ночью пугать ее своим лунным блеском. Наконец вспомнила, что в ее кабинете есть индийский шкафчик, и немедленно решила положить алмаз именно в него; пусть, мол, два земляка проникнутся красотой друг друга. Мать Рэчел, потеряв терпение от потока глупостей, остановила ее.

– Милая моя! Твой индийский шкафчик не запирается.

– Господи, мама! – воскликнула мисс Рэчел. – Мы что, в гостинице? Или в доме есть воры?

Оставив эксцентричный ответ дочери без комментариев, миледи пожелала джентльменам спокойной ночи. Повернувшись к мисс Рэчел, она поцеловала ее.

– Почему бы тебе не отдать алмаз на хранение мне? – спросила миледи.

Мисс Рэчел отреагировала так, как десятью годами раньше отреагировала бы на предложение забрать у нее новую куклу. Миледи поняла, что дочь сегодня не переспорить.

– Завтра утром, Рэчел, первым же делом приходи в мою комнату. Я должна тебе кое-что сказать.

С этими словами миледи медленно вышла, занятая своими мыслями и явно недовольная их направлением.

После нее спокойной ночи пожелала мисс Рэчел. Она сначала пожала руку мистеру Годфри, стоявшему на другом конце залы и разглядывавшему картину. Затем повернулась к мистеру Фрэнклину, все еще понуро и молчаливо сидящему в углу.

Что они говорили друг другу, я не слышал. Однако, стоя у старого большого зеркала в дубовой раме, я хорошо видел ее отражение и как она достала из-за корсажа медальон, подаренный мистером Фрэнклином, и что-то быстро ему показала, причем с улыбкой, которая явно выходила за рамки простой вежливости. Я подумал, что Пенелопа, возможно, была права насчет того, кого юная леди избрала предметом своей благосклонности.

Очнувшись от созерцания мисс Рэчел, мистер Фрэнклин перевел взгляд на меня. Его настроение, постоянно перескакивавшее с предмета на предмет, успело перекинуться на индусов.

– Беттередж, – сказал он, – я почти склоняюсь к мысли, что принял слова мистера Мертуэта, сказанные во время прогулки по саду, слишком всерьез. Уж не решил ли он поугубить нас одной из своих дорожных баек? Вы действительно собираетесь спустить собак?

– Я сниму с них ошейники, чтобы свободно бегали по двору, если почуют что-то неладное.

– Ну хорошо. Утро вечера мудренее. Я вовсе не хочу тревожить тетушку без уважительной причины. Спокойной ночи.

Когда он кивнул мне и взял свечу, чтобы идти наверх, мистер Фрэнклин выглядел настолько измученным и бледным, что я предложил ему пропустить на ночь стаканчик бренди с водой. Мистер Годфри, подошедший с другого конца залы, меня поддержал. Он тоже по-дружески посоветовал чего-нибудь выпить.

Я упоминаю здесь об этих мелочах, так как после всего увиденного и услышанного в течение дня мне было приятно наблюдать, что обоих джентльменов связывали прежние добрые отношения. Их словесная перепалка (подслушанная Пенелопой в гостиной) и соперничество за место в сердце мисс Рэчел очевидно не посеяли между ними серьезной вражды. Напротив! Оба вели себя примирительно и по-светски. Люди высокого положения отличаются от людей, его не имеющих, именно тем, что менее сварливы.

Мистер Фрэнклин отказался от бренди с водой и поднялся наверх вместе с мистером Годфри – их комнаты находились рядом. На лестничной площадке то ли кузен уговорил его, то ли сам по обыкновению передумал, он крикнул мне вниз:

– Пожалуй, пришли в мою комнату бренди с водой. Вдруг захочется ночью.

Я отправил напиток с Самюэлем, а сам пошел спускать собак с цепи. Обе с ума сходили от восторга, что их выпускают в такой поздний час, и прыгали на меня, как щенята. Однако дождь быстро охладил их пыл. Они полакали воды из лужи и спрятались обратно в конуру. Возвращаясь к дому, я заметил в небе признаки прояснения погоды. Но пока что дождь шел не переставая, и почва превратилась в сплошную кашу.

Мы с Самюэлем обошли весь дом и заперли, как обычно, все двери. Я лично все проверил, не полагаясь на помощника. Когда между полуночью и часом ночи я упокоил свои старые кости на кровати, все было надежно заперто.

Дневные тревожения, видимо, выбили меня из привычной колеи. Как бы то ни было, меня той ночью одолел недуг, мучавший мистера Фрэнклина. Заснул я только к рассвету. Все время, пока я лежал без сна, в доме стояла гробовая тишина. Ни звука – лишь шелест дождя да вздохи поднявшегося к утру ветра.

Примерно в половину восьмого я проснулся и открыл окно навстречу прекрасному солнечному дню. Часы пробили восемь. Я собрался выйти и посадить собак на цепь, как вдруг услышал на лестнице шелест юбок.

Я обернулся. Мне навстречу как безумная неслась Пенелопа.

– Отец! – вскричала она. – Ради бога, быстрее поднимайся наверх! Алмаз пропал!

– Ты в своем уме? – спросил я.

– Пропал! – повторила Пенелопа. – Никто не знает как! Ступай, сам увидишь.

Дочь потащила меня за собой в гостиную юной госпожи, находившуюся напротив ее спальни. На ее пороге, почти такая же белая, как пеньюар, стояла мисс Рэчел. И там же – индийский шкафчик с распахнутыми дверцами. Один из ящичков был до отказа выдвинут наружу.

– Смотри! – воскликнула Пенелопа. – Я сама видела, как мисс Рэчел вчера вечером положила алмаз в этот ящик.

Я подошел к шкафчику. Ящик был пуст.

– Это правда, мисс? – спросил я.

Сама не своя, чужим голосом мисс Рэчел ответила, слово в слово повторив фразу моей дочери:

– Алмаз пропал!

Сказав это, она скрылась в спальне и заперла за собой дверь.

Не успели мы опомниться, как, услышав в кабинете дочери мой голос и решив проверить, что здесь происходит, вошла миледи. Узнав новость о пропаже алмаза, она буквально окаменела. Миледи напрямик направилась к спальне дочери и потребовала впустить ее. Мисс Рэчел отперла дверь.

Волна тревоги, охватив весь дом, как пожар, докатилась до обоих джентльменов.

Первым из своей комнаты вышел мистер Годфри. Узнав о происшествии, он всего лишь озадаченно развел руками, что не говорило в пользу природной силы ума. Мистер Фрэнклин, на чью светлую голову я рассчитывал, услышав новость, оказался таким же бесполезным, как и его кузен. Удивительно, но он в кои-то веки как следует выпался. Непривычное обилие сна, по его собственному признанию, немного притупило его ум. Однако после того, как он проглотил чашку кофе, которую по иностранному обычаю всегда выпивал за несколько часов до завтрака, в его мозгах наступило просветление. Светлая голова взяла верх, и мистер Фрэнклин решительно и находчиво взялся за дело следующим образом.

Во-первых, он созвал слуг и распорядился, чтобы они оставили все двери и окна нижнего этажа (за исключением парадной двери, которую я уже открыл) в том состоянии, в каком мы их оставили, заперев на ночь. Затем посоветовал кузену и мне хорошенько убедиться, что алмаз случайно не упал и не закатился куда-нибудь, например, за ящики в шкафчике или под стол, на котором стоял шкафчик. Когда мы обыскали эти места и ничего не нашли, а Пенелопа, отвечая на его вопросы, повторила то небольшое, что рассказала мне, мистер Фрэнклин предложил расспросить мисс Рэчел и отправил мою дочь постучать в дверь ее спальни.

На стук вышла миледи, она прикрыла дверь за собой. В ту же минуту мы слышали, как мисс Рэчел запирает ее изнутри. Хозяйка дома вышла к нам в совершенной растерянности и расстройстве.

– Пропажа алмаза, очевидно, сильно потрясла Рэчел, – сказала она, отвечая мистеру Фрэнклину. – Моя дочь, как ни странно, избегает говорить о ней даже со мной. Вы не можете ее сейчас видеть.

Усугубив наше замешательство рассказом о мисс Рэчел, миледи с некоторым усилием вернула себе прежнее самообладание и приступила к действиям с прежней решительностью.

– Полагаю, иного выхода нет? – спокойно сказала она. – Так или иначе придется вызывать полицию?

– И первым делом, – подхватил мистер Фрэнклин, – полиция должна задержать индийских фокусников, выступавших здесь вчера вечером.

Миледи и мистер Годфри (не зная того, что было известно мистеру Фрэнклину и мне) опешили и посмотрели с удивлением.

– Сейчас нет времени для объяснений, – продолжал мистер Фрэнклин. – Могу лишь уверенно сказать, что алмаз похитили индусы. Дайте мне рекомендательное письмо, – обратился он к миледи, – к мировому судье во Фризингхолле, достаточно указать, что я представляю ваши интересы и пожелания, и я тут же поскачу туда. Шанс поимки воров тает с каждой упущенной минутой.

Примечание: верх, похоже, на время взяла сильная сторона мистера Фрэнклина – то ли французская, то ли английская. Вопрос только, надолго ли?

Он положил перо, чернила и бумагу перед тетей, которая (как мне показалось) написала письмо без особой охоты. Если только забыть, что пропала драгоценность стоимостью двадцать тысяч фунтов, то, учитывая отношение миледи к покойному брату и сомнения в искренности его подарка, она, несомненно, с тайным облегчением отпустила бы воров с Лунным камнем восвояси.

Я отправился с мистером Фрэнклином на конюшню, воспользовавшись возможностью, чтобы по дороге спросить, каким образом у индусов (которых я подозревал в краже столь же проникательно, как и он) получилось забраться в дом.

– Один из них мог прокрасться в зал, воспользовавшись неразберихой во время отъезда гостей, – предположил мистер Фрэнклин, – и сидеть под диваном, пока моя тетя и Рэчел обсуждали, где оставить алмаз на ночь. Достаточно было дожидаться, пока в доме все стихнет, и без помех забрать алмаз из шкафчика.

С этими словами он приказал груму открыть ворота и ускакал.

Иного разумного объяснения, похоже, просто не существовало. С другой стороны, как вору удалось выбраться из дома? Когда я пришел утром открыть парадную дверь, она была заперта и засов был задвинут – такими я оставил их прошлой ночью. Точно так же были заперты все остальные окна и двери, что говорило само за себя. А собаки? Допустим, вор выпрыгнул из окна второго этажа, как он мог обмануть собак? Принес с собой отравленное мясо? Стоило сомнению закрасться в мою голову, как обе собаки бегом выскочили из-за угла, кувыркаясь на мокрой траве, в таком прекрасном настроении, что мне стоило немалых усилий их успокоить и снова посадить на цепь. Чем больше я поворачивал объяснение мистера Фрэнклина в уме, тем менее удовлетворительным оно мне казалось.

Мы все позавтракали. Что бы ни случилось в доме – грабеж или убийство, – завтрак никто не отменял. После завтрака миледи прислала за мной. Я был вынужден рассказать ей все, что до сих пор скрывал об индусах и заговоре. Будучи женщиной не робкого десятка, она быстро преодолела первоначальный испуг от услышанного. Ее ум, похоже, куда больше занимала дочь, чем негодные язычники и их заговор.

– Вы же знаете, какая необычная девушка Рэчел и как сильно ее поведение отличается от поведения сверстниц, – сказала миледи. – Однако я впервые вижу ее такой отчужденной и замкнутой. Потеря алмаза буквально помutilа ее рассудок. Кто бы мог подумать, что ужасный алмаз успеет настолько заморозить ее за такое короткое время?

Действительно, странно. Мисс Рэчел, когда еще была девочкой, не сходила с ума по всяким цацкам и игрушкам, как это делали ее одноклассницы. А поди ж ты, заперлась и безутешно сидит в спальне. Справедливо однако заметить, что происшествие выбило из привычной колеи не только ее. Например, мистер Годфри, эдакий профессиональный угодник, вдруг совершенно растерял свои способности. В отсутствие аудитории и не имея шанса использовать свой опыт обращения с расстроенными женщинами для утешения мисс Рэчел, он бесцельно и беспокойно бродил по дому и саду. После того, как в доме случилось несчастье, он никак не мог решить, что ему делать. Избавить семью от заботы о нем как о госте? Или не уезжать в надежде на хотя бы маленький шанс принести хоть какую-то пользу? Он, в конце концов, решил, что последнее в обстановке семейной беды, пожалуй, будет уместнее и тактичнее. Тяжкие обстоятельства испытывают человека на прочность. Мистер Годфри под испытанием обстоятельств оказался не так прочен, как я думал. Служанки же за исключением Розанны Спирман, державшейся особняком, прибегли к обычному средству слабого пола при столкновении с необычным – шептанию кучками по углам и подозрительным взглядам по сторонам. Признаться, я и сам нервничал и находился не в духе. Проклятый Лунный камень все перевернул с ног на голову.

Мистер Фрэнклин вернулся к одиннадцати утра. За время после его отъезда решительная сторона его натуры под давлением обстоятельств, по-видимому, отступила на задний план. Ускакал он галопом, вернулся шагом. Уезжая, звенел сталью, вернулся ватный и вялый донельзя.

– Ну что, – спросила миледи, – полиция приедет?

– Да. Сказали, что сию минуту последуют за мной. Главный инспектор Сигрэв из местной полиции с двумя своими людьми. Это – чистая формальность! Дело безнадежно.

– Как?! Индусы успели скрыться? – спросил я.

– Бедных индусов несправедливо обидели и посадили в тюрьму незаслуженно. Они ни в чем не повинны, аки младенец в утробе матери. Моя догадка о том, что один из них прятался в доме, как и все остальные мои догадки, рассеялась, словно дым. Есть доказательства, – сказал мистер Фрэнклин, словно упиваясь собственной несостоятельностью, – что этого просто не могло быть.

Ошарашив нас новым поворотом дела, джентльмен по требованию тетки присел на стул и объяснился.

Очевидно, решительная сторона его натуры продержалась до прибытия во Фризингхолл. Он четко изложил суть дела мировому судье, и тот немедленно послал за полицией. Первые же справки, наведенные об индусах, показали, что они и не думали покидать город. Дальнейшие расспросы полицейских прояснили, что все трое и мальчик вернулись во Фризингхолл вчера между десятью и одиннадцатью вечера. Учитывая время и расстояние, это означало, что в город они вернулись сразу же после представления на террасе нашего дома. Еще позже, в полночь, полиция по какой-то надобности сделала обыск в меблированных комнатах, где остановились индусы, и застала на месте всех троих и мальчика. Вскоре после полуночи я собственноручно запер двери и окна в доме. Более очевидного доказательства, говорящего в пользу невиновности индусов, невозможно было придумать. Мировой судья сказал, что они пока что вне подозрений. Но так как полиция в ходе расследования, возможно, обнаружит какую-то связь с фокусниками, он распорядится, чтобы их неделю подержали за решеткой по обвинению в мошенничестве и бродяжничестве, – вдруг пригодятся. Они что-то там нарушили (уже не помню что), и этого как раз хватило, чтобы предъявить им законное обвинение. Любой общественный институт (в том числе правосудие) немного эластичен. Главное – знать, как его растягивать. Достоинейший мировой судья был старым другом миледи, в итоге первое же утреннее заседание суда заключило индусов на неделю в тюрьму.

Вот, вкратце, рассказ мистера Фрэнклина о событиях во Фризингхолле. Улики, связывавшие индусов с загадочным исчезновением алмаза, судя по всему, рассыпались прямо у нас в ладонях. Если фокусники не виноваты, кто и каким чудом взял Лунный камень из ящика мисс Рэчел?

Десять минут спустя, к нашему бесконечному облегчению, прибыл главный инспектор Сигрэв. Он сообщил, что, проходя по террасе мимо нежащегося на солнышке мистера Фрэнклина (очевидно, итальянской стороной кверху), он слышал, как тот предупредил полицейских, будто проводить какое-либо расследование совершенно бесполезно, – и это еще до начала следствия.

Вид главного инспектора полиции Фризингхолла был призван оказывать на семьи, попавшие, как наша, в щекотливую ситуацию, максимальный успокаивающий эффект. Мистер Сигрэв был высок и осанист. Он имел военную выправку, четкий командный голос и решительный взгляд. Мундир красиво застегнут на все пуговицы до кожаного воротника. «Я тот, кого вы ждали!» – было написано на его челе. Команды двум своим подчиненным инспектор отдавал с суровостью, немедленно убедившей всех присутствующих: с таким шутки плохи.

Он немедленно приступил к осмотру дома и усадьбы. Результат осмотра показал, что воры не прибегали к взлому ни внутри, ни снаружи, а следовательно, кражу совершил кто-то находившийся в доме. Вы сами можете себе представить, в какое состояние это официальное заявление привело слуг, как только достигло их ушей. Главный инспектор решил начать осмотр с будуара и уж потом допросить прислугу. Одновременно он поставил одного из своих людей у лестницы, ведущей в спальни слуг, наказав никого не пропускать без особого на то распоряжения.

В ответ на эту меру слабый пол окончательно слетел с катушек. Служанки повыскакивали из своих углов, толпой взлетели вверх к гостиной мисс Рэчел (на этот раз всеобщий переполох увлек и Розанну Спирман), прорвались к инспектору Сигрэву и хором, все как одна выглядя виноватыми, потребовали немедленно указать ту, кого он подозревает.

Мистер инспектор не спасовал. Он осадил их решительным взглядом и заставил прикусить язык командным голосом.

– А теперь, бабоньки, спускаемся вниз, все до одной. Вам здесь нечего делать. Смотрите! – главный инспектор вдруг указал на небольшой смазанный участок декоративной росписи на внешней стороне двери гостиной мисс Рэчел, прямо под замком. – Видите, что вы успели натворить своими юбками. Вон, вон отсюда!

Розанна Спирман, стоявшая ближе всего к полицейскому и смазанной краске на двери, подала пример послушания и без разговоров вернулась к своей работе. Остальные потянулись за ней. Осмотр помещения не привел главного инспектора к каким-либо выводам, и он спросил меня, кто первым обнаружил пропажу. Я ответил, что моя дочь. Вызвали Пенелопу.

С самого начала инспектор взял с Пенелопой слишком резкий тон.

– Слушайте внимательно, барышня, и говорите только правду.

Пенелопа немедленно взвилась на дыбы.

– Я не приучена лгать, мистер полицейский! И если мой отец будет здесь стоять и слушать, как меня обвиняют в обмане и воровстве, не пускают в собственную спальню и губят мою репутацию – единственное достояние бедной девушки, – значит, он плохой отец и не тот, за кого я его принимала!

Вовремя сказанное мной слово вернуло правосудие и Пенелопу на более ровную дорогу. Вопросы и ответы пошли гладкой чередой, но так и не принесли ничего достойного упоминания. Моя дочь сама видела вчера вечером, как мисс Рэчел положила алмаз в ящик шкафчика. Когда она явилась к мисс Рэчел с чашкой чая в восемь утра, обнаружила ящик открытым и пустым. После этого подняла тревогу – на этом показания Пенелопы заканчивались.

Затем мистер инспектор попросил встречи с мисс Рэчел. Пенелопа передала его просьбу через закрытую дверь. Ответ поступил тем же путем:

– Мне нечего сообщить полиции. Я никого не принимаю.

Опытный офицер был в равной мере удивлен и обижен таким ответом. Я сказал, что юная леди нездорова, и предложил встретиться с ней позже. После этого мы опять спустились по лестнице и наткнулись в передней на мистера Годфри и мистера Фрэнклина.

Обоих джентльменов, превратившихся в пленников дома, попросили пролить какой-либо свет на происшествие. Ни один из них ничего не мог рассказать. Слышали ли они ночью какой-нибудь подозрительный шум? Нет, ничего, кроме шелеста дождя. А что же я, заснувший позже их обоих? Тоже ничего не слышал? Ничего! Отпущенный восвосяи, мистер Фрэнклин, все еще придерживаясь пессимистического взгляда на следствие, шепнул мне:

– От этого человека не будет никакого проку. Главный инспектор Сигрэв – осел.

Мистер Годфри, освободившись, в свою очередь прошептал:

– Никогда не видел более компетентного человека, Беттередж. Я ему полностью доверяю!

Сколько людей, столько и мнений, сказал кто-то из древних, живших задолго до моего времени.

Следующий шаг мистера инспектора привел его обратно в «будуар». Мы с дочерью следовали за ним по пятам. Он вознамерился проверить, не сдвинута ли с привычного места мебель. Первоначального осмотра, очевидно, не хватило.

Пока мы совали носы за кресла и столы, дверь спальни внезапно распахнулась. После отказа с кем-либо встречаться мисс Рэчел, к нашему изумлению, сама вышла к нам. Она взяла с кресла соломенную шляпку и обратилась к Пенелопе с вопросом:

– Мистер Фрэнклин Блэк что-нибудь просил вас передать мне сегодня утром?

– Да, мисс.

– Он желал говорить со мной, не так ли?

– Да, мисс.

– Где он сейчас?

Услышав голоса внизу на террасе, я выглянул в окно и увидел обоих джентльменов, гуляющих вместе. Отвечая вместо дочери, я сказал:

– Мистер Фрэнклин на террасе, мисс.

Не говоря больше ни слова, не удостоив инспектора, попытавшегося было заговорить с ней, даже взгляда, бледная как смерть и погруженная в свои мысли, мисс Рэчел вышла из комнаты и спустилась к кузенам на террасу.

Считайте это признаком неуважения и дурных манер, но я ни за что в жизни не мог отказаться от того, чтобы выглянуть из окна на мисс Рэчел и джентльменов. Юная леди прямоком подошла к мистеру Фрэнклину, будто не замечая вовсе мистера Годфри, который немедленно удалился, оставив их наедине. Она сказала мистеру Фрэнклину что-то очень резкое. Вся сцена заняла мало времени, и слова ее, судя по выражению лица мистера Фрэнклина, поразили его до глубины души. Оба еще стояли на террасе, когда там же появилась миледи. Мисс Рэчел заметила ее, бросила еще несколько слов и внезапно, не дожидаясь матери, вернулась в дом. Миледи была удивлена и, заметив, что мистер Фрэнклин тоже удивлен, заговорила с ним. Мистер Годфри тоже подошел и подключился к разговору. Мистер Фрэнклин шел между ними, очевидно рассказывая им, что произошло, однако и миледи, и мистер Годфри вдруг остановились, как громом пораженные. Больше я ничего не увидел – дверь в кабинет резко распахнулась. Мисс Рэчел прошла в свою спальню, взбешенная и злая, с яростью в глазах и румянцем на щеках. Мистер инспектор опять попытался задать ей вопрос.

– Я вас не вызывала! – оборвала она его. – Вы мне не нужны. Мой алмаз не вернуть. Ни вы и никто другой его не найдут!

С этими словами она ушла к себе и закрыла дверь на ключ. Пенелопа, стоявшая к двери ближе всех, услышала, как мисс Рэчел, оставшись одна, тут же разрыдалась.

То гнев, то слезы! Что это означало?

Главному инспектору я объяснил: это означало, что мисс Рэчел расстроена пропажей драгоценного камня. Заботясь о семейной чести, я был огорчен несдержанностью юной госпожи, пусть даже в отношении офицера полиции, и постарался насколько можно ее выгородить. В душе я был озадачен неуместным языком и поведением мисс Рэчел настолько, что не находил слов. Из сказанного ей на пороге спальни я сделал единственно возможный вывод: появление в доме полиции смертельно оскорбило ее, а изумление мистера Фрэнклина на террасе вызвано тем, что она прямо об этом ему заявила (как человеку, принимавшему самое деятельное участие в вызове полиции). Если моя догадка верна, то по какой причине, потеряв алмаз, она возражала против присутствия в доме людей, назначение которых состояло в его розыске и возвращении? И откуда, черт возьми, ей знать, что Лунный камень никогда не найдут?

В сложившейся обстановке нечего было и надеяться, чтобы хоть кто-то в доме мог ответить на эти вопросы. Мистер Фрэнклин, похоже, считал делом чести не делиться тем, что услышал на террасе от мисс Рэчел, ни с кем из прислуги, даже с таким старым слугой, как я. Мистер Годфри как джентльмен и член семьи, возможно, был облечен доверием мистера Фрэнклина, но, как и положено, соблюдал конфиденциальность. Миледи, несомненно, тоже знала тайну разговора и была единственной, кого мисс Рэчел допускала к себе, однако открыто признавала, что не понимает, почему дочь так себя ведет.

– Ты бесишь меня, когда говоришь об алмазе! – Материнского авторитета хватило лишь на то, чтобы выжать из мисс Рэчел эту фразу.

Итак, мы зашли в тупик и с мисс Рэчел, и с Лунным камнем. В первом случае миледи была бессильна нам помочь. Во втором (как вы сами вскоре увидите) мистер Сигрэв быстро приближался к состоянию, в котором оставалось только развести руками.

Обшарив весь «будуар» и не обнаружив никаких следов на мебели, наш знаток обратился за советом ко мне, интересуясь, кто из слуг знал, а кто нет, где алмаз был оставлен на ночь.

– Я знал, сэр, – сказал я. – Еще знал лакей Самюэль, потому что находился в зале, когда обсуждался вопрос хранения алмаза. Моя дочь, как уже сказала вам, тоже знала. Или она, или Самюэль могли обмолвиться об этом другим слугам или же другие слуги сами могли невольно подслушать разговор через боковые двери залы, которые были открыты и выходили на лестницу черного входа. В сущности, любой в доме мог знать, где ночью лежал алмаз.

Мой ответ очертил слишком широкое поле для подозрений, поэтому мистер инспектор попытался его сократить, задавая наводящие вопросы о характере слуг.

Я тотчас подумал о Розанне Спирман. Однако подозревать бедняжку в краже было для меня и неуместно, и нежелательно – за все время ее честность не вызвала у меня ни малейших сомнений. Надзирательница исправительного дома рекомендовала ее миледи как искренне раскаявшуюся и полностью заслуживающую доверия девушку. Пусть главный инспектор первым найдет повод, чтобы ее заподозрить, – только в этом случае я был бы обязан рассказать ему, как Розанна попала на службу к моей хозяйке.

– Все наши люди имеют превосходный характер, – сказал я. – Все они заслуживают доверие, которое им оказывает хозяйка дома.

После этого мистеру Сигрэву ничего не оставалось, как самому начать проверку репутации слуг.

Их опросили одного за другим. Один за другим они сообщили, что им нечего сказать, сделав это (по крайней мере, в случае женщин) многословно и с большим недовольством из-за того, что их не впускают в собственные спальни. Всех их отправили обратно по местам на первый этаж и только Пенелопу вызвали на второй допрос.

Гневная вспышка моей дочери в «будуаре» и та готовность, с какой она решила, что ее подозревают, похоже, произвели на инспектора Сигрэва негативное впечатление. Ему также не давало покоя то, что Пенелопа была последней, кто видел алмаз ночью. После окончания второго допроса дочь вне себя прибежала ко мне. У нее больше не оставалось сомнений, что офицер полиции, по сути, объявил ее воровкой! Я не мог поверить, что он оказался таким (выражаясь словами мистера Фрэнклина) ослом. Хотя инспектор ничего не говорил вслух, то, как он смотрел на мою дочь, оставляло неприятный осадок. Я поднял на смех бедную Пенелопу, выдав ее обиду за несерьезную мелочь, чем она, разумеется, и являлась. Но в душе, боюсь, сам по-глупому негодовал. Инспектор, признаться, испытывал мою выдержку. Дочь, закрыв лицо фартуком, села в углу, совершенно убитая горем. Вы скажете: ну и глупо. Могла бы не спешить, дожждаться официального обвинения. Будучи человеком такого же склада, как вы, я, пожалуй, соглашусь. И все-таки мистеру главному инспектору следовало помнить... неважно, что ему следовало помнить. Пошел он к черту!

Следующий и последний шаг следствия, как говорится, довел положение до белого каления. Офицер в моем присутствии опросил миледи. Уведомив ее, что алмаз скорее всего взял кто-то из домашних, он испросил разрешения на немедленный обыск комнат и сундуков прислуги. Моя добрая госпожа, как великодушная, высокородная дама, не позволила обращаться с нами как с жуликами.

– Я ни за что не соглашусь отплатить подобным образом моим верным слугам, – сказала она, – за их работу в этом доме.

Мистер инспектор поклонился, глянув в моем направлении, словно хотел сказать: «Зачем вы меня вызывали, если не даете мне свободы действий?» Как старший над слугами, я в интересах справедливости считал, что мы не должны злоупотреблять великодушием хозяйки.

– Мы благодарим вас, ваша светлость, – сказал я, остановив главного инспектора на выходе, – но просим вашего дозволения поступить, как того заслуживает дело, и отдать ключи мистеру инспектору. Если пример подаст Габриэль Беттередж, ему последуют и остальные слуги – я это гарантирую. Вот мои собственные ключи!

Миледи взяла меня за руку и со слезами на глазах поблагодарила. Господи, как много я дал бы в эту минуту за то, чтобы вlepить главному инспектору Сигрэву затрещину, от которой бы он полетел на пол!

Как я и обещал, остальные слуги последовали моему примеру, с крайним, разумеется, недовольством, но без возражений. Надо было видеть, с каким выражением женщины смотрели на роющихся в их вещах полицейских. Повариха смотрела на мистера инспектора так, будто была готова живьем зажарить его в духовке, а остальные женщины – съесть, когда он изжарится.

Обыск закончился. Естественно, ни самого алмаза, ни намека на алмаз нигде не обнаружилось, поэтому главный инспектор Сигрэв уединился в моей каморке, дабы взвесить дальнейшие шаги. Он со своими людьми пробыл в доме несколько часов, но ни на дюйм не приблизился к пониманию того, как был похищен алмаз и кого следует подозревать.

Пока полицейский в одиночестве раздумывал, меня позвали к мистеру Фрэнклину в библиотеку. К моему невыразимому удивлению, как только моя рука коснулась дверной ручки, дверь вдруг открылась изнутри и мне навстречу вышла Розанна Спирман!

После того как в библиотеке утром подмели и навели порядок, ни первой, ни второй горничной в это время дня там нечего было делать. Я остановил Розанну Спирман и на месте призвал ее к ответу за нарушение домашней дисциплины.

– Что тебе понадобилось в библиотеке в такую пору? – спросил я.

– Мистер Фрэнклин Блэк обронил наверху кольцо. Я пришла в библиотеку отдать его. – Лицо девушки вспыхнуло. Она удалилась, откинув голову назад и с таким важным видом, что я не нашелся, что сказать. События в доме, несомненно, в какой-то степени взбудоражили всю женскую прислугу, однако никто из них не отклонялся от своего обычного поведения, как это только что сделала Розанна.

Когда я вошел, мистер Фрэнклин что-то писал, сидя за столом, и немедленно попросил отвезти его на железнодорожную станцию. По первым же звукам его голоса я определил, что он вновь повернулся к нам своей решительной стороной. Ватный человек исчез, в моих ушах снова звенела сталь.

– Едете в Лондон, сэр?

– Еду отправить телеграмму в Лондон. Я убедил тетю, что нам нужен сыщик поумнее главного инспектора Сигрэва, и заручился ее разрешением телеграфировать моему отцу. Он знаком с начальником лондонской полиции, и тот может подобрать нужного человека, способного раскрыть загадку украденного алмаза. Кстати, о загадках... – сказал мистер Фрэнклин, понижая голос. – Прежде чем вы пойдете на конюшню, должен вам еще кое-что сообщить. Пока никому не говорите ни слова, но либо у Розанны Спирман что-то не в порядке с головой, либо она знает о Лунном камне больше, чем от нее можно ожидать.

Трудно сказать, какой эффект от этих слов был сильнее – испуг или огорчение. Будь я помоложе, я бы признался в этом мистеру Фрэнклину. Однако с возрастом человек приобретает превосходную привычку: не знаешь, что сказать, – придержи язык.

– Она явилась сюда с кольцом, которое я уронил в спальне, – продолжал он. – Я поблагодарил и, разумеется, подумал, что она сразу уйдет. Вместо этого она встала передо мной по другую сторону стола и посмотрела на меня крайне странным образом – то ли испуганно, то ли фамильярно – я так и не понял. И вдруг ни с того ни с сего говорит: «Странное дело с этим алмазом, сэр». «Да», – говорю я, а сам жду, что будет дальше. Клянусь четью, Беттередж, мне кажется, она повредила рассудком! «Они никогда не найдут алмаз, сэр, верно? – говорит. – Нет! И того, кто его взял, тоже не найдут – я ручаюсь». При этом кивает и улыбается! Я не успел ее спросить, что она имела в виду, как мы услышали ваши шаги. Похоже, она испугалась, что вы ее здесь застанете. Как бы то ни было, она вдруг покраснела и убежала. Что бы это значило?

Даже в этот момент я не смог пересилить себя и рассказать ему историю девушки. С таким же успехом я мог бы указать на нее пальцем как на воровку. Но даже если бы я все выложил подчистую и при условии, что алмаз украла она, причина, по которой она решила открыться именно мистеру Фрэнклину, по-прежнему осталась бы загадкой.

– Мне претит мысль устраивать бедняжке неприятности только из-за того, что она взбалмошна и странно рассуждает, – продолжал мистер Фрэнклин. – Однако скажи она главному инспектору то, что сказала мне, боюсь, какой бы глупой она ни была... – Он замолчал на полуслове.

– Будет лучше всего, сэр, если я при первой же возможности сообщу об этом моей хозяйке. Миледи принимает дружеское участие в Розанне. Скорее всего служанка просто-напросто повела себя дерзко и неразумно. Когда в доме возникает какой-нибудь беспорядок, сэр, женская прислуга все видит в мрачных тонах, бедняжкам кажется, что это придает им серьезность. Стоит кому-нибудь заболеть, можете быть уверены: женщины начнут пророчить, что этот человек умрет. Если пропала драгоценность, можете быть уверены: они начнут каркать, что ее никогда не найдут.

Такой взгляд на вещи (который я, признаться, и сам считал реальным) принес мистеру Фрэнклину несказанное облегчение. Он свернул телеграмму и переменял тему. Прежде чем пойти на конюшню и распорядиться заложить фаэтон, я заглянул в людскую, где шел ужин. Розанны Спирман за столом не было. Расспросив других, я узнал, что она внезапно сказала больно и поднялась наверх полежать в своей комнате.

– Любопытно! Когда я видел ее в последний раз, она выглядела здоровой, – заметил я. Пенелопа вышла за мной.

– Не говори так при остальных, папа. Ты их только еще больше восстановишь против Розанны. Бедняжка сохнет по мистеру Фрэнклину Блэку.

Вот вам еще один взгляд на поведение этой девушки. Если допустить возможность, что Пенелопа права, странный язык и поведение Розанны оправдывались полным безразличием к тому, что и как говорить, лишь бы вовлечь в разговор мистера Фрэнклина. Если принять подобное истолкование загадки, то оно, пожалуй, объясняло взбалмошное и дерзкое поведение служанки, когда я застал ее на пороге библиотеки. Хотя она вытянула из мистера Фрэнклина всего три слова, цель была достигнута – он заговорил с ней.

Я лично проследил за тем, как запрягли пони. Среди адского переплетения окружавших нас загадок и сомнений какое облегчение просто наблюдать, как хорошо понимают друг друга пряжки и ремни! Если вам приходилось видеть, как пони запрягают в оглобли фаэтона, вы наблюдали нечто не вызывающее сомнений. И в нашем доме, скажу вам, это удовольствие становилось редкостью.

Подъехав на фаэтоне к парадному входу, я обнаружил, что на ступенях меня ждал не только мистер Фрэнклин, но и мистер Годфри с главным инспектором Сигрэвом.

Размышления мистера инспектора (после того, как алмаз не обнаружился в комнатах и сундуках прислуги), похоже, привели его к совершенно новому заключению. Все еще придерживаясь первоначальной версии, а именно, что драгоценный камень украл кто-то из челяди, наш знаток теперь решил, что вор (ему хватило ума не называть имя бедной Пенелопы, чего бы он о ней ни думал!) действовал в сговоре с индусами. Соответственно, он предложил допросить сидящих в тюрьме фокусников. Услышав новый план, мистер Фрэнклин вызвался подвезти инспектора до Фризингхолла, откуда телеграмму можно было послать в Лондон с таким же успехом, как со станции. Мистер Годфри, все еще искренне веря в мистера Сигрэва и снедаемый желанием лично побывать на допросе, напросился ехать с инспектором. На всякий случай при доме оставался младший полицейский чин. Второй должен был сопровождать главного инспектора в город. Все четыре места в фаэтоне таким образом были заняты.

Прежде чем взять вожжи, мистер Фрэнклин отвел меня на несколько шагов в сторону.

– Я подожду с телеграммой в Лондон, пока не услышу о результатах допроса индусов, – сказал он. – Мои подозрения подсказывают, что этот бестолковый местный полицейский по-прежнему блуждает в потемках и всего лишь пытается выиграть время. Мысль о связи прислуги с индусами, на мой взгляд, верх идиотизма. До моего возвращения, Беттередж, держите ушки на макушке и попытайтесь разобраться с Розанной Спирман. Я не предлагаю поступать против вашего достоинства или третировать девушку. Я всего лишь прошу вас наблюдать внимательнее, чем обычно. Тете мы представим дело в наиболее легком свете, однако оно серьезнее, чем вы, быть может, полагаете.

– Дело тянет на двадцать тысяч фунтов, сэр, – сказал я, вспомнив цену алмаза.

– Дело в необходимости успокоить Рэчел, – мрачно поправил меня мистер Фрэнклин. – Я за нее очень тревожусь.

Он внезапно оставил меня, словно захотел прервать разговор. И я, кажется, понял, по какой причине. Мистер Фрэнклин побоялся выдать тайну – то, о чем говорила на террасе мисс Рэчел.

Фазтон укатил во Фризингхолл. Я решил, что настало время наедине перекинуться парой слов с Розанной – для ее же блага. Однако удобной возможности не представилось. Розанна спустилась вниз только к пяти часам, дерганая и возбужденная после истерического припадка – кажется, так это называется. По распоряжению миледи она приняла дозу нюхательной соли и была отправлена обратно в постель.

День безрадостно и уныло дотацился до вечера. Мисс Рэчел по-прежнему не выходила из комнаты, заявив, что слишком плохо себя чувствует, чтобы спуститься к ужину. Миледи состояние дочери привело в такое уныние, что я не решился доставлять ей новые волнения рассказом о разговоре между Розанной Спирман и мистером Фрэнклином. Пенелопа упорно считала, что ее теперь отдадут под суд, вынесут приговор за кражу и отправят на каторгу. Остальные женщины взяли Библии и псалтыри и сидели над ними с кислыми, как незрелый виноград, лицами. По моим наблюдениям, такое выражение всегда появлялось у людей моего круга в случае вынужденной демонстрации благочестия в неурочное время. Что касалось меня, я даже не мог набраться смелости открыть «Робинзона Крузо». Вместо этого я вышел во двор и, соскучившись по веселому обществу, поставил кресло у конуры и разговаривал с собаками.

За полчаса до ужина из Фризингхолла приехали назад оба джентльмена. Главный инспектор Сигрэв должен был вернуться на следующий день. По дороге они заехали к путешественнику, мистеру Мертуэту, жившему в окрестностях города. По просьбе мистера Фрэнклина он согласился исполнить роль переводчика на допросе тех двух индусов, что совершенно не владели английским языком. Допрос – долгий и тщательный – ничего не дал. Не обнаружилось даже намека на причину, по которой фокусников можно было заподозрить в подкупе кого-то из слуг. Придя к такому выводу, мистер Фрэнклин отправил телеграмму в Лондон. На этом дело застопорилось до следующего дня.

Таковы события, случившиеся наутро после дня рождения. Ни малейшего проблеска света. Однако через день или два тьма немного расступилась. Как и к чему это привело, вы сейчас узнаете.

Глава XII

Ночь четверга прошла без происшествий. В пятницу утром поступили две новости.

Первая: работник пекарни сообщил, что встретил Розанну Спирман накануне после обеда. Лицо девушки было закрыто плотной вуалью, она шла через торфяник по тропинке, ведущей во Фризингхолл. Спрашивается, с чего бы ей прятаться, ведь из-за увечного плеча бедняжку любой мог сразу узнать. Повстречавший ее человек, видимо, ошибся – Розанна, как известно, всю вторую половину дня не выходила из своей комнаты.

Вторую новость принес почтальон. Уважаемый мистер Канди, хваставший, уезжая со дня рождения в проливной дождь, непромокаемой докторской кожей, в который раз пошутил неудачно. В ту же ночь он простудился и слег с высокой температурой. По рассказу почтальона, бедняга был не в себе и нес всякий вздор, не теряя в бреду бойкости, с какой, бывало, говорил в здравом уме. Нам всем было очень жаль доктора, хотя мистер Фрэнклин сожалел скорее по поводу мисс Рэчел, чем о его болезни. Судя по его словам, сказанным миледи во время завтрака, он тревожился, что, если беспокойство из-за Лунного камня вскоре не утихнет, то мисс Рэчел самой может срочно понадобится совет лучшего врача, какого мы только сможем найти.

После окончания завтрака пришла телеграмма от мистера Блэка-старшего – ответ его сыну. Он сообщал, что приложил руку (с помощью своего друга, начальника полиции) к поискам человека, способного оказать нам помощь. Человека этого звали сержант Кафф. Ожидалось, что он прибудет из Лондона утренним поездом.

Прочитав имя нового сыщика, мистер Фрэнклин вздрогнул. Оказалось, что во время пребывания в Лондоне он слышал от адвоката отца занятные истории о сержанте Каффе.

– Теперь я уверен – мы вскоре увидим конец наших злоключений, – объявил он. – Если хотя бы половина слышанных мной историй правдива, то по части распутывания сложных дел равного сержанту Каффу не сыскать во всей Англии!

Чем ближе подходило время появления столь знаменитой и одаренной личности, тем больше нас охватывали волнение и нетерпеливость. Главный инспектор Сигрэв, вернувшись в наш дом в установленный срок и услышав о приезде сержанта, немедленно заперся в комнате с пером, чернилами и бумагой и сел писать отчет, который от него непременно потребуют. Я был не прочь сам отправиться на станцию за сержантом Каффом. Однако о карете и лошадях миледи – даже для встречи такой знаменитости, как Кафф, – нечего было и думать, а фаэтон и пони были позже нужны мистеру Годфри. Он страшно сожалел, что ему приходится покидать тетю в такое беспокойное время, и любезно отложил отъезд до отправления последнего поезда, лишь бы выслушать мнение полицейского знатока из Лондона о краже алмаза. Однако в пятницу мистеру Годфри требовалось быть в городе, потому что дамский кружок столкнулся с трудностями и в субботу утром нуждался в его совете.

Когда настало время прибытия сержанта, я вышел к воротам, чтобы его встретить.

Подходя к сторожке, я увидел одноконный экипаж железной дороги. Из него вышел седящий пожилой господин, настолько тощий, что, казалось, на костях не осталось ни единой унции мяса. Он был одет в сдержанные черные тона, на шее – белый галстук. Лицо – острое, как топор; кожа – желтая, сухая и жухлая, как осенний лист. Глаза светло-серого стального оттенка, встретившись с вашими, производили обескураживающий эффект: сыщик как будто уличал в вас в чем-то таком, о чем вы сами не подозревали. Походка – мягкая, голос – меланхоличный, длинные тонкие пальцы крючковаты, как когти. Он походил на приходского священника или гробовщика, но только не на того, кем был в действительности. Могу побиться об заклад: где бы вы ни искали, а более противоположного человека главному инспектору Сигрэву и менее подходящего офицера, чтобы внушить спокойствие растревоженной семье, вы не смогли бы найти.

- Это дом леди Вериндер? – спросил сыщик.
- Да, сэр.
- Я сержант Кафф.
- Сюда, сэр, если позволите.

По дороге к дому я назвал свое имя и должность, дав понять, что со мной можно говорить о деле, ради которого его призвала миледи. Однако как раз о деле сержант не проронил ни слова. Он похвалил поместье и заметил, что морской воздух очень прохладен и свеж. Я же терялся в догадках, чем знаменитый Кафф заслужил свою репутацию. Мы подошли к дому в настроенности, как два незнакомых пса, которых впервые посадили на одну цепь.

Спросив о миледи и услышав, что она в оранжерее, мы обогнули дом и вышли в сад, отправив на ее поиски слугу. Пока мы ждали, сержант Кафф заглянул под вечнозеленую арку, увидел наш розарий и напрямик направился туда, впервые проявив признаки хоть какой-то заинтересованности. К удивлению садовника и к моему отвращению, знаменитый полицейский показал себя кладезью познаний в бесполезной науке разведения роз.

– Ага, вы правильно расположили цветник – лицевой стороной на юг и юго-восток, – сказал сержант, качнув седой головой с ноткой удовольствия в меланхоличном голосе. – Самая лучшая фигура для роз – круг, заключенный в квадрат. Да-да, с тропинками между всеми клумбами. А вот галькой посыпать не следует. Только трава, мистер Садовник. Дорожки в розарии должны быть травяные, гравий для роз слишком твердое покрытие. Какие хорошенькие – белые, блаш. Они всегда хорошо растут вместе, правда? А вот и белая мускусная, мистер Беттередж. Наши старые английские розы неплохо держат марку по сравнению с самыми лучшими и новейшими сортами, а? Миленькая моя! – Сержант потрогал мускусную розу длинными пальцами, обращаясь к ней, как к ребенку.

Да уж, подходящего прислали человека, чтобы найти алмаз мисс Рэчел и укравшего его вора!

– Вы, как я вижу, большой любитель роз, сержант? – заметил я.

– У меня не остается времени на любовь к чему-либо, – отвечал сержант Кафф. – Но когда выдается минутка для проявления любви, мистер Беттередж, то ее обычно получают розы. Я с детства жил среди них в питомнике отца, и если получится, среди них же закончу свои дни. Да. Когда-нибудь (с Божьей помощью) я перестану ловить воров и попытаю силы в разведении роз. У меня между клумбами, мистер Садовник, будут травяные дорожки.

Очевидно, галечные дорожки в нашем розарии вызывали у сыщика серьезную антипатию.

– Странный выбор, сэр, – отважился высказать я, – для человека вашей профессии.

– Если посмотреть вокруг (большинство людей не смотрят), – сказал сержант Кафф, – вы увидите, что личные вкусы человека почти всегда противоположны характеру его занятий. Покажите мне более противоположные вещи, чем роза и вор, и я с готовностью поменяю свои вкусы, если в моем возрасте это еще не поздно сделать. Вы не находите, что дамасская роза лучшая среди самых нежных сортов, мистер Садовник? Ага! Я так и думал. А вот и леди. Ведь это леди Вериндер?

Он увидел госпожу еще до того, как ее увидел я или садовник, хотя нам было известно, откуда она появится, а сыщику нет. Я начал думать, что он более сноровист, чем мне сначала показалось.

Внешность сержанта или характер его миссии заставили миледи немного смутиться. На моей памяти она впервые не нашлась, что сказать при встрече с незнакомым человеком. Сержант Кафф немедленно вывел ее из затруднения. Он спросил, не расследовал ли кто-нибудь кражу до него. Услышав, что прежде был вызван другой человек, который сейчас находится в доме, он попросил переговорить с ним и уж потом что-либо предпринимать.

Миледи пошла вперед, указывая дорогу. Прежде чем уйти, сержант напоследок бросил кислый взгляд на дорожки и сделал последний выстрел по садовнику:

– Уговорите ее светлость посадить траву. Никакой гальки! Никакой гальки!

Как так получилось, что главный инспектор Сигрэв, представленный сержанту Каффу, оказался намного ниже ростом последнего, я не в состоянии объяснить. Могу лишь засвидетельствовать сам факт. Они вдвоем уединились в запертой комнате, не выпуская туда ни одного смертного. Когда они вышли оттуда, мистер инспектор был в возбуждении, а мистер сержант зевал от скуки.

– Сержант изволит осмотреть гостиную мисс Вериндер, – напыщенно и пылко обратился ко мне мистер Сигрэв. – У сержанта, возможно, возникнут вопросы. Будьте любезны, проводите сержанта!

Выслушивая эти распоряжения, я мельком глянул на великого Каффа. Великий Кафф в свою очередь смотрел на главного инспектора Сигрэва с выражением спокойного ожидания, которое я заметил раньше. Я не берусь утверждать, что он просто-напросто наблюдал за окончательным превращением коллеги в осла. Но предположить это, по крайней мере, могу.

Я проводил сержанта наверх. Он неторопливо осмотрел индийский шкафчик и весь «будуар», задавая вопросы (главному инспектору – изредка, мне – постоянно), направление которых ускользало от нас обоих. Со временем он добрался до двери и декоративной раскраски, о которой вы уже знаете. Сержант с любопытством приложил худой палец к маленькому смазанному участку чуть ниже замка, ранее замеченному инспектором, когда тот выгнал набившихся в комнату служанок.

– Какая досада! – сказал сержант Кафф. – Как это случилось?

Вопрос был задан мне. Я ответил, что прошлым утром в комнату ввалилась толпа служанок и кто-то задел дверь своей юбкой.

– Главный инспектор Сигрэв выпроводил их, прежде чем они успели причинить еще больший вред, – добавил я.

– Так точно! – по-военному гаркнул инспектор. – Я приказал им выйти. Это юбки винюваты, сержант. Юбки.

– И вы заметили, чьи именно? – спросил сержант Кафф. Не коллегу, а меня.

– Нет, сэр.

Он повернулся к главному инспектору Сигрэву.

– Но вы-то, полагаю, заметили?

Инспектор немного растерялся, но вышел из положения как мог.

– Я не размениваю свою память на такие пустяки, сержант. Сущие пустяки.

Сержант Кафф бросил на него такой же взгляд, каким смотрел на галечные дорожки в розарии, и, не меняя меланхолического тона, впервые дал почувствовать, с кем мы имели дело.

– На прошлой неделе, мистер главный инспектор, я проводил тайное расследование, с одной стороны – убийства, а с другой – чернильного пятна на скатерти, происхождения которого никто не мог объяснить. Мой опыт жизни в нашем маленьком гадком мире с его гадкими повадками убеждает меня, что я до сих пор не сталкивался с такой вещью, как пустяк. Прежде чем предпринять дальнейшие шаги в этом деле, мы должны найти юбку, оставившую след на двери, и точно установить, как долго сохла краска.

Мистер инспектор, приняв выговор с надутым видом, спросил, вызывать ли служанок. Сержант Кафф, минуту поразмыслив, со вздохом покачал головой.

– Нет, сначала разберемся с краской. Тут ответ либо «да», либо «нет», это можно сделать быстро. А вопросы о женских юбках – это надолго. В котором часу служанки находились в этой комнате вчера утром? В одиннадцать, да? В этом доме кто-нибудь знает, была ли краска в одиннадцать утра сырая или уже высохла?

– Племянник ее светлости, мистер Фрэнклин Блэк, должен знать, – подсказал я.

– Этот джентльмен сейчас в доме?

Мистер Фрэнклин чуть не за дверью ждал, когда его представят великому Каффу. Через полминуты он уже стоял в комнате и давал показания.

– Эту дверь, сержант, мисс Вериндер раскрасила под моим руководством и с моей помощью, используя разбавитель, смешанный по моему рецепту. Состав и любая краска, с которой он применялся, высыхает за двенадцать часов.

– Вы помните, когда был закончен смазанный участок?

– С абсолютной точностью. Это был последний кусочек двери. Мы завершали его последним, в среду. Я лично закончил работу над ним в три часа пополудни или около того.

– Сегодня пятница, – обратился сержант Кафф к главному инспектору Сигрэву. – Отсчитаем время назад, сэр. Работа была закончена в три часа дня в среду, то есть краска высохла к трем часам утра в ночь на четверг. Отнимаем три от одиннадцати, получаем восемь. К тому времени, когда служанки якобы смазали краску своими юбками, мистер главный инспектор, она была суха уже восемь часов!

Какой нокаутирующий удар для мистера Сигрэва! Если бы он не взял на подозрение бедную Пенелопу, я бы его пожалел.

Решив вопрос с краской, сержант Кафф с этого момента махнул рукой на коллегу и все вопросы адресовал только мистеру Фрэнклину, как более надежному помощнику.

– Вполне возможно, сэр, – сказал он, – вы вложили в наши руки улику.

Не успели эти слова слететь с губ сержанта, как дверь спальни распахнулась и наружу выскочила мисс Рэчел.

Она обратилась к сержанту так, будто не замечала (или не обращала внимания), что они были совершенно незнакомы.

– Вы сказали, – спросила она, указывая на мистера Фрэнклина, – что он вложил в ваши руки улику?

(«Это мисс Вериндер», – прошептал я за спиной сержанта.)

– Да, этот джентльмен, мисс, – проговорил сержант, внимательно изучая серыми, как вороненая сталь, глазами лицо юной госпожи, – возможно, вложил в наши руки улику.

Она повернулась и попыталась взглянуть в глаза мистера Фрэнклина. Я говорю «попыталась», потому что мисс Рэчел отвернулась еще до того, как встретила с ним взглядом. В ее сознании, казалось, происходило какое-то странное волнение. Она порозовела, потом снова сделалась бледной. Вместе с бледностью на лице появилось новое выражение, сильно меня озадачившее.

– Ответив на ваш вопрос, мисс, – сказал сержант, – прошу вас ответить и на мой. Здесь на двери смазана краска. Вы случайно не знаете, когда это случилось? И кто это сделал?

Вместо ответа мисс Рэчел продолжала задавать свои собственные вопросы, как будто полицейский не открывал рта или она его не слышала.

– Вы еще один сыщик?

– Сержант Кафф, мисс. Из уголовной полиции.

– Совет юной дамы заслуживает внимания, как вы считаете?

– Рад буду выслушать вас, мисс.

– Исполняйте ваши обязанности, не прибегая к помощи мистера Фрэнклина Блэка!

Мисс Рэчел выпалила эти слова так ядовито, так свирепо, с таким невероятным выражением злобы на мистера Фрэнклина и в голосе, и во взгляде, что, даже зная ее с младенчества, любя и уважая не меньше миледи, я впервые в жизни почувствовал стыд за нее.

Невозмутимый взгляд сержанта Каффа буквально прилип к ее лицу.

– Спасибо, мисс, – сказал он. – Вам что-нибудь известно о пятне? Вы не могли смазать краску сами по неосторожности?

– Я ничего не знаю о пятне.

Ответив, она развернулась и снова ушла, заперев за собой дверь спальни. На этот раз я тоже, как до меня Пенелопа, услышал за дверью бурные рыдания.

Я не решился посмотреть на сержанта и вместо этого взглянул на мистера Фрэнклина, который стоял ко мне ближе всех. Он, похоже, огорчился еще больше моего.

– Я не зря говорил, что беспокоюсь о ней, – сказал он. – Теперь вы сами видите почему.

– Мисс Вериндер, похоже, немного не в себе из-за утраты алмаза, – предположил сержант. – Камень-то ценный. Неудивительно!

То самое оправдание, которое я привел вчера (когда мисс Рэчел забылась в присутствии инспектора Сигрэва), повторил теперь посторонний человек, в отличие от меня совершенно не заинтересованный ее оправдывать! Меня охватил холодный озноб – причины я в тот момент не понял. Теперь-то до меня дошло: уже тогда я, видимо, заподозрил, что в уме сержанта Каффа дело внезапно получило новую (зловещую) окраску – целиком и полностью на основании того, что он разглядел в мисс Рэчел во время их первой встречи.

– Язык юных леди имеет привилегии, – сказал сержант Кафф мистеру Фрэнклину. – Давайте забудем о случившемся и займемся делом. Благодаря вам мы теперь знаем время, когда высохла краска. Далее необходимо установить, когда покрашенную дверь в последний раз видели без пятна. У вас-то голова на плечах есть, и вы понимаете, о чем я.

Мистер Фрэнклин взял себя в руки и, сделав усилие, перевел мысли с мисс Рэчел на расследование.

– Мне кажется, я понимаю: чем короче промежутки времени, тем уже круг поисков.

– Совершенно верно, сэр. Окончив работу после обеда в среду, не возвращались ли вы посмотреть на нее еще раз?

– Пожалуй, нет, – покачал головой мистер Фрэнклин.

– А вы? – повернулся ко мне сержант Кафф.

– И я, пожалуй, нет, сэр.

– Кто последним был в комнате в среду вечером?

– Полагаю, что мисс Рэчел, сэр.

– Или ваша дочь, Беттередж, – вставил мистер Фрэнклин. Он повернулся к сержанту и объяснил, что моя дочь была горничной мисс Вериндер.

– Мистер Беттередж, пригласите вашу дочь наверх. Стойте! – Сержант отвел меня к окну, где нас не могли слышать. – Ваш главный инспектор, – перешел он на шепот, – представил довольно полный отчет о том, как он расследовал дело. Среди прочего он, как сам признался, настроил против себя всех слуг. Очень важно снова их успокоить. Выразите им всем и вашей дочери мое почтение и передайте две вещи: во-первых, у меня – пока еще – нет доказательств, что алмаз был похищен; мне всего лишь известно, что он пропал. Во-вторых, мое дело всего лишь попросить слуг сообща поразмыслить и помочь мне найти его.

Тут я припомнил, как отреагировали служанки на запрет главного инспектора Сигрэва входить в свои комнаты.

– Осмелюсь спросить, сержант, нельзя ли сообщить женской прислуге третью вещь? Позволяете ли вы им (в знак вашего почтения) шляться туда-сюда по лестнице и заходить в свои комнаты, как им заблагорассудится?

– Позволяю.

– Что-что, а это точно их успокоит, – заметил я. – Всех, от поварихи до посудомойки.

– Ступайте и сделайте это, не откладывая, мистер Беттередж.

Поручение заняло у меня меньше пяти минут. В вопросе о возвращении в спальню возникла только одна загвоздка. Мне пришлось серьезно надавить своим начальственным авторитетом, чтобы удержать всю женскую прислугу дома от попытки явиться вслед за мной и Пенелопой наверх, подчиняясь жгучему желанию помочь сержанту Каффу в роли добровольных свидетелей.

Пенелопа, похоже, угодила сержанту. Вид его стал чуточку менее мрачным, сыщик глядел на нее, как давеча на мускусную розу в розарии. Вот что рассказала моя дочь о том, что из нее вытянул сержант. Показания она дала, я уверен, точно и аккуратно. Еще бы! Она мое дитя до мозга костей. В ней ничего нет от матери. Слава тебе, господи, за это!

Пенелопа рассказала, что принимала живое участие в раскрашивании двери, помогая смешивать краски. Она запомнила участок под замком, потому что он был последний. Несколькими часами позже пятна на нем все еще не было. В это время – она слышала бой часов в «будуаре» – ее хозяйка находилась в спальне, и она пожелала ей спокойной ночи. Нажимая ручку окрашенной двери, помнила, что краска еще не высохла (ведь она сама помогала ее смешивать). Очень старалась не задеть покрашенную часть двери. Могла поклясться, что придержала юбки и не смазала краску. Но поклясться, что не сделала этого случайно, не могла. Помнила, какое платье было на ней, потому что оно было новое, подарок мисс Рэчел. Отец тоже его помнит и может подтвердить. Предложила принести платье и сбегала за ним. Отец признал в нем то самое, которое было на ней в тот вечер. Все юбки были осмотрены – кропотливый труд ввиду их многочисленности. Нигде не обнаружено даже намека на пятнышко. Показания Пенелопы закончены – все точно и правдиво. Подписываюсь, Габриэль Беттередж.

Затем сержант расспросил меня о крупных собаках, способных зайти в комнату и смазать краску хвостами. Услышав, что собак сюда не пускают, он послал за увеличительным стеклом и попробовал исследовать пятно, глядя на него в лупу. Отпечатков пальцев на краске не обнаружилось. Все указывало на то, что краску смазала чья-то одежда. Этот кто-то (если свести воедино показания Пенелопы и мистера Фрэнклина) должен был находиться в комнате и задеть краску в промежутке между полуночью и тремя часами утра.

Подведя расследование к этой точке, сержант Кафф обнаружил, что главный инспектор Сигрэв все еще находится в комнате, после чего обобщил свои находки в назидание коллеге следующим образом:

– Этот ваш пустячок, мистер главный инспектор, стал намного веселее с тех пор, как вы соизволили обратить на него внимание. На данном этапе поисков мы, как я это вижу, должны сделать три находки, касающиеся смазанной краски. Найти (во-первых), есть ли в этом доме одежда со следами краски. Установить (во-вторых), кому эта одежда принадлежит. Узнать (в-третьих), по какой причине это лицо находилось в комнате и смазало краску в промежуток времени с полуночи до трех утра. Если этот человек не сможет удовлетворительно объяснить причину, считайте, что вы нашли того, кто взял алмаз. Я, с вашего позволения, разберусь с этим сам и не буду отрывать вас от ваших обычных обязанностей в городе. Я знаю, что вы оставляли здесь своего человека. Пусть он побудет в моем распоряжении на случай надобности. В остальном – желаю вам всего хорошего.

Уважение, которое главный инспектор питал к сержанту, было велико, но уважение к себе самому – больше. Жестоко уязвленный Каффом, выходя из комнаты, он провел искусный ответный удар.

– До сих пор я воздерживался от выражения собственного мнения, – сказал главный инспектор, ничуть не растеряв воинственности в голосе. – Предавая дело в ваши руки, хотел бы сделать всего лишь одно замечание. Поговорку «делать из мухи слона» придумали не зря. До свидания.

– Муху вообще можно не заметить, если задирать нос слишком высоко. – Дав сдачи, сержант Кафф повернулся на каблуках и сам отошел к окну.

Мистер Фрэнклин и я молча ждали, что за этим последует. Сержант, держа руки в карманах, смотрел в окно и тихо насвистывал мелодию «Последней розы лета». Позднее я обнаружил, что он забывал о манерах и начинал насвистывать только в те минуты, когда его ум работал на всю катушку, приближая его шаг за шагом к неизвестной цели. В такие моменты сержант, очевидно, черпал помощь и вдохновение в «Последней розе лета». Чем-то эта мело-

дия была созвучна его характеру. Напоминала его любимые розы, что ли? В его исполнении она звучала очень меланхолично.

Отвернувшись от окна через минуту или две, сержант вышел на середину комнаты, остановился и в глубокой задумчивости посмотрел на дверь спальни мисс Рэчел. Вскоре он как бы очнулся и кивнул сам себе, словно говоря: «Так сойдет». Обратившись ко мне, он попросил договориться о десятиминутной беседе с миледи – при первой же возможности.

Выходя из комнаты, я услышал, как мистер Фрэнклин задал сержанту вопрос, и остановился на пороге, чтобы не упустить ответ.

– Вы уже догадались, кто похитил алмаз?

– Алмаз никто не похищал.

Такой взгляд на дело озадачил нас обоих, и мы стали упрашивать сержанта объяснить, что он имел в виду.

– Потерпите, – сказал сержант. – Пока еще не все части головоломки встали на место.

Глава XIII

Миледи я застал в ее кабинете. Когда я доложил, что сержант Кафф просит о встрече, она с недовольным видом повела плечами.

– Разве мне обязательно его принимать? Вы бы не могли меня заместить, Габриэль?

Я совершенно растерялся, и чувства эти, видимо, отразились на моем лице. Миледи смиловилась и объяснила:

– Боюсь, мои нервы несколько расстроены. В этом офицере полиции из Лондона есть нечто такое, что меня отталкивает, – сама не знаю почему. У меня возникло предчувствие, что он принесет в наш дом одни неприятности и невзгоды. Очень неумно и на меня не похоже, но это так.

Я не нашелся, что ответить. Чем больше я наблюдал за сержантом Каффом, тем больше он мне нравился. Излив передо мной душу, миледи преодолела слабость – я уже говорил, что она была женщина не робкого десятка.

– Если нужно, я его приму. Однако я не могу заставить себя говорить с ним наедине. Приведите его, Габриэль, и оставайтесь здесь, пока он не уйдет.

Подобных приступов хандры за миледи не водилось с тех времен, когда я знал ее еще девочкой. Я вернулся в «будуар». Мистер Фрэнклин вышел в сад и присоединился к мистеру Годфри, чье время отъезда быстро приближалось. Сержант Кафф и я немедленно направились в кабинет миледи.

Клянусь: миледи, завидев сыщика, побледнела! Однако во всех прочих отношениях она не подала виду и только спросила Каффа, согласен ли он с моим присутствием. Она добросердечно прибавила, что я не просто старый слуга, но и надежный советчик и что по всем вопросам домашнего хозяйства лучше всего консультироваться именно со мной. Сержант вежливо заметил, что считает мое присутствие полезным, так как он должен сказать кое-что о слугах, и что мой опыт по этой части ему уже пригодился. Миледи указала на стулья, и мы немедленно приступили к беседе.

– Я уже составил представление об этом деле, – начал сержант Кафф, – но, если ваша светлость разрешит, хотел бы пока что оставить его при себе. Моя задача – рассказать, что я обнаружил наверху в кабинете мисс Вериндер и что намереваюсь (с позволения вашей светлости) делать дальше.

Он заговорил о пятне на двери и сделанных выводах – тех самых, что представил главному инспектору Сигрэву, но только в более учтивых выражениях.

– Несомненно одно, – сказал он в заключение. – Алмаза в ящике шкафа больше нет. Практически несомненно и то, что краска попала на одежду, принадлежащую кому-то в доме. Чтобы продвинуться дальше, мы сначала должны найти эту одежду.

– Если вы ее найдете, – заметила миледи, – можно ли считать, что вы обнаружили вора?

– Прошу прощения, ваша светлость. Я не утверждал, что алмаз был украден. На данный момент я считаю алмаз всего лишь пропавшим. И обнаружение запачканной одежды должно помочь его найти.

Миледи взглянула на меня.

– Вы что-нибудь поняли?

– Главное, чтобы понимал сержант Кафф, – ответил я.

– Каким образом вы собираетесь искать запачканное платье? – снова обратилась к сыщику миледи. – Сундуки и комнаты моих добрых слуг, которые работают у меня много лет, уже, к моему стыду, обыскал другой офицер. Я не могу позволить и не позволю, чтобы их оскорбляли вторичным обыском!

(Как не служить такой хозяйке! Вот женщина так женщина – одна на десять тысяч!)

– Именно это я хотел довести до вашего сведения, – ответил сержант. – Этот офицер своими неприкрытыми подозрениями прислуги причинил следствию большой вред. Если я дам им повод считать, будто я тоже их подозреваю, неизвестно, какие преграды они, особенно женщины, нагромоздят на моем пути. В то же время сундуки надо обыскать вторично по той простой причине, что первый обыск преследовал цель найти алмаз, в то время как второй должен обнаружить испачканную краской одежду. Я вполне с вами согласен, ваша светлость, что чувства слуг следует уважать. Но в такой же степени я убежден, что их гардероб необходимо осмотреть еще раз.

Дело запахло тупиком. Миледи так и сказала, но более тактично.

– У меня есть план преодоления этого затруднения, – ответил сержант. – Если сказать им, что осматривать будут гардероб всех и каждого, начиная с вашей светлости и до последнего слуги, находившегося в доме в ночь со среды на четверг, то это будет выглядеть как обычная формальность, – добавил он, искоса поглядывая на миледи. – Слуги увидят, что с ними обращаются на равных с хозяевами, и вместо создания помех следствию почтут за честь помочь ему.

В этом был смысл. Миледи, оправившись от первоначального шока, тоже это признала.

– Вы уверены, что без осмотра нельзя обойтись?

– Это наиболее короткий путь к намеченной цели, ваша светлость.

Миледи поднялась, чтобы позвонить и вызвать горничную.

– Когда будете говорить со слугами, – предложила она, – держите в руках ключи от моего гардероба.

Сержант Кафф остановил ее необычным вопросом:

– Не стоит ли нам сначала убедиться, что другие леди и джентльмены тоже дают свое согласие?

– Кроме меня, в доме есть только одна леди – мисс Вериндер, – с некоторым удивлением ответила хозяйка. – Единственные джентльмены – мои племянники, мистер Блэк и мистер Эблудайт. Отказа кого-либо из троих нечего бояться.

Я напомнил об отъезде мистера Годфри. Не успел я закончить, как мистер Годфри собственной персоной постучал в дверь, чтобы попрощаться, а за ним вошел мистер Фрэнклин, собиравшийся ехать с ним на станцию. Миледи объяснила им затруднение. Мистер Годфри тотчас же его разрешил. Он позвал из окна Самюэля, приказал вернуть свой чемодан наверх и лично вложил ключ в ладонь сержанта Каффа.

– Пусть мой багаж пришлют в Лондон, когда закончат осмотр.

Сержант с подобающими случаю извинениями принял ключ.

– Прошу меня простить, сэр, за то, что подвергаю вас неудобствам из-за простой формальности, однако пример господ – идеальный способ примирить слуг со следствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.